ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Злобин Егор Викторович

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФРИКЕ

Специальность 5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Энтин Марк Львович

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. Динамика и тенденции развития африканской интеграции 30

1.1. Теоретические подходы к исследованию региональных интеграционных процессов в Африке 30

1.2. Эволюция межгосударственного сотрудничества в Африке 47

1.3. Особенности интеграционных процессов в Африке 64

1.3.1. Влияние колониализма и неоколониализма на интеграционные процессы 64

1.3.2. Региональные экономические сообщества 69

1.3.3. Имплементация права сообществ 91

ГЛАВА 2. Роль Африканского союза в развитии африканской интеграции 102

2.1. Правовая основа и институциональная система Африканского союза 102

2.1.1. Правовая природа Африканского союза 102

2.1.2. Институциональная система Африканского союза 111

2.2. Особенности взаимодействия Африканского союза и региональных интеграционных объединений в Африке 129

ГЛАВА 3. Африканская континентальная зона свободной торговли как новый виток развития африканской интеграции 153

3.1. Нормативно-правовая база функционирования Африканской континентальной зоны свободной торговли 153

3.2. Африканская континентальная зона свободной торговли: проблемы и перспективы регулирования 168

ГЛАВА 4. Интересы России в процессах интеграции и сотрудничества с государствами и объединениями Африки 180

4.1. Правовое регулирование и эволюция российско-африканских отношений 180

4.2. Правовая архитектура взаимодействия Российской Федерации и Евразийского экономического союза с Африкой 192

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 198

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ..... 206

ПРИЛОЖЕНИЕ 246

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной для исследования темы. Развитие интеграционных процессов в Африке происходит в условиях резкого обострения внешнеполитических рисков, геополитической фрагментации и усиления различий в уровне социально-экономического развития государств континента. Указанные факторы, с одной стороны, осложняют углубление интеграции, с другой – формируют объективные предпосылки для активизации интеграционных процессов: расширяется объем компетенций Африканского союза (АС), укрепляется его координирующая роль, возрастает значение региональных экономических сообществ (РЭС) в реализации интеграционных инициатив. Президент Мадагаскара Дидье Рацираки утверждал, что глобализация при всех ее минусах дает Африке шанс «быть творцом истории, а не ее объектом»[1].

Для большинства государств интеграция становится не только целесообразной, но и объективно необходимой, поскольку решение задач экономического роста и обеспечение устойчивости национальных экономик в условиях углубляющейся регионализации и продолжающейся глобализации требуют значительных финансовых, технологических и институциональных ресурсов, которые практически нереально мобилизовать исключительно за счет внутренних возможностей отдельно взятой страны. В условиях возрастающей взаимозависимости национальных хозяйственных комплексов закономерно усиливается потребность в создании и совершенствовании эффективных и устойчивых институционализированных форм межгосударственного сотрудничества. По этой причине африканские лидеры все чаще рассматривают наращивание межгосударственного взаимодействия интеграционного типа как ключевую стратегию развития.

---

[1] Пинг Ж. Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке / Ж. Пинг ; пер. с фр. Н. И. Обуховой, Е. Н. Ботова. Москва : Институт Африки РАН, 2004.

В условиях изменения глобального баланса сил и формирования нового международного устройства Африка, обладая огромным, пока нереализованным потенциалом развития и масштабными ресурсами, приобретает все более весомое значение как субъект мировой политики и экономики. Приобретенное при поддержке Российской Федерации членство Африканского союза в «Группе двадцати» является ярким признанием возрастающей глобальной роли континента[2]. Получение такого статуса стало результатом глубинных изменений, происходящих внутри самого африканского макрорегиона, в частности следования устойчивому курсу на укрепление правовых и институциональных механизмов субрегионального и регионального взаимодействия.

Несмотря на наличие ряда структурных проблем, африканским государствам на сегодняшний день удалось сформировать значительную часть необходимой базы для запуска процесса панафриканской интеграции и фактически завершить затянувшийся этап политических деклараций и намерений. Африканский континент сегодня вступает в качественно новую фазу своего развития, ключевым содержанием которой становится поиск и внедрение более эффективных механизмов координации между Африканским союзом и РЭС, выступающими «строительными блоками»[3] интеграции.

Современные интеграционные процессы в Африке вызывают интерес как в научном, так и в практическом плане. С одной стороны, они представляют собой уникальную модель межгосударственного взаимодействия, противостоящего неоколониализму, институциональным ограничениям и внутренней гетерогенности. С другой – открывают широкие возможности в сфере международного сотрудничества, внешнеэкономического сближения и политико-правовой координации государств. Африканский континент обладает высоким ресурсным потенциалом, растущим внутренним рынком и благоприятной

---

[2] Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 4.

[3] Specialized Agencies and Institutions // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/specialised-agencies-institutions (дата обращения: 02.12.2025).

демографической динамикой, что объясняет возрастающий интерес к нему со стороны основных мировых игроков.

Импульсом для перехода африканских стран к новой парадигме регионального взаимодействия, основанной на идеях панафриканизма и общеафриканской солидарности, стало разрушение колониальной системы[4], в результате которого у недавно признанных независимыми государств возникла объективная потребность в консолидации усилий для достижения общих политических целей, направленных на укрепление их суверенитета, а также расширение межафриканского сотрудничества.

В 1963 году была создана Организация африканского единства (ОАЕ) в целях формирования общеафриканского союза в рамках политики «опоры на собственные силы» и политики импортозамещения[5]. В Уставе организации среди прочих определены следующие цели: «укреплять единство и солидарность африканских государств» и «координировать и укреплять сотрудничество между ними с целью обеспечения лучшей жизни для народов Африки»[6].

Несмотря на успехи ОАЕ в борьбе с колониализмом и режимами апартеида, к концу XX века организация начала постепенно утрачивать свой авторитет среди африканских государств[7], не смогла предотвратить геноцид в Руанде, не урегулировала кризисы в Сьерра-Леоне, Либерии, Демократической Республике Конго, Судане, Кот-д'Ивуаре и других странах[8]. Структура и полномочия ОАЕ не

---

[4] См.: Asare-Nuamah P. Understanding African integration from African theoretical perspective // ResearchGate. 2017. Vol. 9, № 2. P. 53–75. URL: https://www.researchgate.net/publication/322144276_Understanding_African_integration_from_African_theoretical_perspective (дата обращения: 30.03.2025).

[5] Костюнина Г. М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 4. С. 34.

[6] См.: Charter of the Organization of African Unity, 25.03.1957 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[7] Botchway Th., Braimah A., Tei F. From the Organization of African Unity (OAU) to the African Union (AU) – The Dynamics of the Transformation of a Regional Integration. International Organizations : Serbia and Contemporary World, 2022. Vol. 2, art. 9. P. 149–165.

[8] Kawonishe D. Metamorphosis of the OAU to AU: Problems and Prospects // African Journal of International Affairs and Development. 2002. Vol. 7, № 1. P. 89.

отвечали требованиям времени, а ее Устав нуждался в пересмотре и адаптации к современным условиям развития[9].

По этой причине в июле 2002 года в Дурбане состоялась 38-я очередная сессия Организации африканского единства, на которой было принято решение учредить новое объединение в качестве ее преемника – Африканский союз. Переход от ОАЕ к АС представлял собой не просто смену названия, а качественную трансформацию ее концептуальных основ – переход от международной межправительственной организации к интеграционному объединению. Формирование Африканского союза тесно связано с идеологией «нового панафриканизма», ориентированной прежде всего на продвижение прав человека, демократическое управление и экономическое развитие[10]. В Учредительном акте АС закреплены следующие социально-экономические цели: содействие устойчивому развитию, стимулирование научной деятельности, ускорение экономической интеграции на континенте, а также (чему в диссертационном исследовании уделяется повышенное внимание) координация и гармонизация деятельности РЭС[11].

В настоящее время на Африканском континенте действует большое количество региональных экономических сообществ, которые в перспективе должны создать континентальный общий рынок, предусматривающий отмену таможенных пошлин, существующих торговых ограничений, барьеров для движения капитала. РЭС отличаются по глубине и характеру интеграции, но также нередко дублируют полномочия друг друга. Еще в 1976 году старший преподаватель Университета Лагоса (Нигерия) М. А. Аджомо охарактеризовал как проблемную тенденцию «меркантильного появления и исчезновения»

---

[9] Olympio F. K. N. Transformation of the Organisation of African Unity (OAU): A new vision forthe 21st century, or political phetoric? : PhD thesis. Trier, 2004.

[10] Okhonmina S. The African Union: Pan-Africanist Aspirations and the Challenge of African Unity // Journal of Pan African Studies. 2009. Vol. 3, № 4. P. 88.

[11] Art. 3 of the Constitutive Act of the African Union, Lome, 11.07.2000 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

объединений на континенте[12]. По политическим, экономическим и стратегическим причинам многие государства одновременно входят в состав нескольких РЭС, что формирует сложную и многослойную сеть членств. Такая множественность создает серьезные трудности в процессе принятия решений – как для национальных органов власти, так и для бизнеса.

В связи с этим Африканским союзом было принято решение об унификации деятельности РЭС, которые действуют в рамках наднациональной структуры – Африканского экономического сообщества (АЭС), институционально интегрированного в систему АС.

Африканская интеграция развивается по уникальной многоуровневой модели, не имеющей прямых аналогов в иных регионах мира. Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭСЦГА), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Межправительственный орган по развитию (ИГАД), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Союз арабского Магриба (САМ) и Сообщество государств Сахеля и Сахары (СЕНСАД), несмотря на различия в степени институционализации и глубине экономической интеграции, действуют в рамках единой континентальной архитектуры, координируемой АС.

Системная взаимосвязь АС, АЭС и РЭС проявляется в поэтапной модели интеграции, предполагающей последовательное углубление экономических связей: от субрегионального уровня к формированию общеафриканского рынка. В соответствии с целями Договора об учреждении АЭС 1991 года после завершения формирования зон свободной торговли и таможенных союзов в рамках РЭС предполагается их консолидация в единый Африканский общий рынок, который в перспективе трансформируется в полноценное АЭС с элементами экономического и валютного союза.

---

[12] Ajomo M. A. Regional Economic Organisations: the African Experience // The International and Comparative Law Quarterly. 1976. Vol. 25, № 1. P. 81.

Уже на современном этапе данная логика реализуется, в частности, через создание Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ), функционирующей под эгидой АС и интегрирующей достижения РЭС.

Создание в январе 2021 года АКЗСТ, объединившей 55 государств и 8 РЭС, стало одним из наиболее значимых этапов активного продвижения процессов интеграции в Африке. Этот проект является важным шагом на пути реализации «Повестки дня – 2063» – стратегического плана Африканского союза, направленного на построение единого экономического пространства на континенте и укрепление взаимосвязей между африканскими странами. Деятельность АКЗСТ направлена на преодоление имеющейся экономической фрагментации африканских государств, расширение базы торговых соглашений, а также введение регулирования таких сфер, как инвестиции и защита прав интеллектуальной собственности, которые до формирования зоны свободной торговли оставались вне рамок большинства субрегиональных объединений.

По приведенным в докладе ООН расчетам[13], к 2035 году возможный рост реальных доходов континента от полной реализации Договора об учреждении АКЗСТ может составить 7%, или 450 млрд долл. США, а увеличение объема общего экспорта составит почти 29%. Такие выгоды могут быть частично получены благодаря снижению тарифов, но еще в большей степени за счет сокращения нетарифных барьеров и упрощения процедур торговли. Имплементация договора об учреждении АКЗСТ призвана создать новые возможности для африканских производителей и рабочих за счет увеличения возможности трудоустройства, а рост заработной платы будет способствовать избавлению 68 млн человек от нищеты и 30 млн – от крайней нищеты[14].

---

[13] Policy Brief on the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) [Africa is delivering the AfCFTA: whoever thinks otherwise is wrong] // United Nations. 21 January 2022. URL: https://www.un.org/osaa/en/reports-and-publications/policy-brief-african-continental-free-trade-area-afcfta (дата обращения: 19.07.2025).

[14] Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 112.

Сегодня региональная интеграция в Африке находится на этапе перехода от декларативной интеграции к реальной – к расширению, совершенствованию и введению в действие комплексной нормативно-правовой базы, включающей соглашения о свободной торговле, таможенных союзах, трансграничных инвестициях, защите прав человека и др. В этом контексте изучение правовых основ интеграционных процессов приобретает особую значимость не только для более глубокого понимания механизмов правовой интеграции на Африканском континенте, но и для формирования четких ориентиров в развитии партнерских отношений России и ЕАЭС с африканскими государствами, РЭС и континентом в целом.

Российско-африканские отношения представляют собой важный элемент формирования мультицентричного мирового порядка, основанного на принципах равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Исторически сложившиеся связи России и Африки, их общая позиция по вопросам деколонизации и противостояния неоколониализму, а также активное сотрудничество в рамках различных международных структур свидетельствуют об имеющемся значительном потенциале партнерства. На этом фоне особую актуальность приобретает вопрос определения перспектив для дальнейшего взаимодействия России со странами Африки как напрямую, так и через посредство интеграционных объединений континента разного уровня. Российская Федерация может активно способствовать процессу интеграции на Африканском континенте, так как заинтересована в увеличении числа международных партнеров, видит в странах Африки стратегических союзников, а также обладает достаточным запасом ресурсов для оказания им необходимой поддержки.

В текущей непростой геополитической ситуации перед Россией и странами Африки остро встает вопрос необходимости усиления обоюдной активности в совместных проектах, создании предпосылок, в том числе регулятивного типа, для повышения эффективности и увеличения отдачи от торгово-экономических, политических связей, в том числе в целях сдерживания деструктивного влияния

Соединенных Штатов Америки и Европейского союза (ЕС) в Африке. Долгосрочное успешное сотрудничество невозможно без ясного понимания позиций обеих договаривающихся сторон, поэтому особенно ценно, что стратегическое партнерство Российской Федерации, африканских государств и различных региональных объединений на континенте зафиксировано в ряде международно-правовых актов.

В преддверии второго саммита «Россия – Африка» в 2023 году президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Партнерские связи нашей страны с Африкой имеют прочные, глубокие корни и во все времена отличались стабильностью, доверием и доброжелательностью» [15].

Полноценное взаимодействие Москвы со странами Африканского континента невозможно без учета особенностей интеграционных процессов на континенте, которые проходят неравномерно в связи с существенными различиями в уровне социально-экономического развития государств континента. Так, например, номинальный ВВП ЮАР по итогам 2024 года составил 400,2 млрд долл., а ВВП Эсватини – 4,89 млрд долл.[16], при этом оба государства входят в Южноафриканский таможенный союз. Столь большое различие в удельном весе создает дополнительные сложности при решении задач гармоничного развития интеграционных объединений, в рамках которых должны быть учтены интересы каждого государства-члена.

Современные вызовы мировой политики – включая геоэкономическое давление, санкционные риски и трансформацию глобальных торговых цепочек – усиливают потребность в укреплении договорно-правовой базы взаимодействия между Российской Федерацией, Евразийским экономическим союзом и странами Африки и их объединениями. Системное развитие нормативных механизмов

---

[15] Путин В. В. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего // Президент России : [офиц. сайт]. 24.07.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71719 (дата обращения: 22.12.2024).

[16] World Bank. GDP (Current US$) // World Bank Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD (дата обращения: 27.07.2025).

сотрудничества, придание им непротиворечивого, взаимодополняющего и взаимоподдерживающего характера способно снизить регуляторные барьеры и создать устойчивую институциональную основу для долгосрочного партнерства.

Степень научной разработанности темы исследования. В настоящем исследовании рассмотрены особенности регулирования интеграционных процессов, происходящих на Африканском континенте. Отечественная наука внесла весомый вклад в исследование Африки, ее регионов и стран и создала фундаментальную основу для комплексного анализа ее исторического, политического, экономического и правового развития. Вместе с тем анализу интеграционных процессов и их регулированию уделялось недостаточное внимание в силу того, что они стали политической, правовой, экономической и социальной реальностью только в последнее время.

Изучению широкого круга вопросов, касающихся национально-освободительных движений в Африке, посвящены работы таких видных ученых, как Л. М. Энтин[17], А. М. Хазанов[18], Г. Ф. Ким[19], А. А. Иванов[20], Г. Б. Старушенко[21]. Проблематика идеологии африканского национализма глубоко исследована советскими учеными в монографии «Национализм в современной Африке»[22]. Вопросы российско-африканских отношений анализируются в многочисленных трудах доктора исторических наук С. В. Мазова[23]. Проблемы интеграции,

---

[17] Энтин Л. М. Крушение французского колониализма и становление национальной государственности народов тропической Африки : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва : [б. и.], 1965. 35 с. ; Энтин Л. М., Энтин М. Л. Политология развития и освободившиеся страны: Критика немарксист. Концепций. Москва : Наука, 1986. 80 с.

[18] Хазанов А. М. Крушение последней колониальной империи. Москва : Мысль, 1986. 222 с.

[19] Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному: социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. Москва : Наука, 1982. 294 с.

[20] Иванов А. А. Социалистический выбор в Африке и идеологическая борьба. Москва : Международные отношения, 1984. 232 с.

[21] Идеология революционных демократов Африки / В. Ф. Ковальский, М. Ю. Френкель, Н. И. Высоцкая [и др.] ; отв. ред. и авт. предисл. Г. Б. Старушенко. Москва : Наука, 1981. 288 с. ; 67. Африка: проблемы социалистической ориентации : сборник статей / отв. ред. Г. Б. Старушенко. Москва : Наука, 1976. 478 с.

[22] Национализм в современной Африке / Б. А. Валериков, Н. И. Высоцкая, Л. О. Голден [и др.]. Москва : Наука, 1983. 264 с.

[23]Мазов С. В. СССР и проект создания «Союза африканских государств», 1963–1964 гг. (по материалам российских архивов) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 5. С. 66–72. ; Давидсон А.,

экономического развития Африки подробно разбираются в работах специалистов Института Африки РАН[24], В. Н. Шитова[25], В. А. Мельянцева[26], Г. М. Костюниной[27], И. О. Абрамовой, Л. Л. Фитуни и А. Л. Сапунцова[28]. Политика африканских государств анализируется в работах Н. Д. Косухина[29], В. М. Татаринцева[30] и А. Ю. Урнова[31]. Основные аспекты деколонизации и неоколониализма детально рассматриваются в работах М. Л. Энтина[32], Е. Г. Энтиной[33], Е. А. Торкуновой[34], А. Л. Емельянова[35] и М. В. Тлостановой[36].

Мазов С., Цыпкин Г. СССР и Африка, 1918–1960: документированная история взаимоотношений. Москва : ИВИ РАН, 2002. 320 с.

[24] 66. Африка. Пути модернизации экономики : коллективная монография / отв. ред. Е. В. Морозенская. Москва : Институт Африки РАН, 2014. 274 с. ; Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в. Москва : Восточная литература, 2012. 374 с.

[25] Шитов В. Н. Африка южнее Сахары. Тенденции и противоречия развития : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : МГИМО-Университет, 2014. 95 с.

[26] Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). Москва : Ключ-С, 2009. 216 с.

[27] Костюнина Г. М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 4. С. 34–50.

[28] Абрамова И. О., Фитуни Л. Л., Сапунцов А. Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике / отв. ред. Л. Л. Фитуни. Москва : Институт Африки РАН, 2007. 198 с.

[29] Косухин Н. Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. Москва : Институт Африки РАН, 2015. 178 с.

[30] Татаринцев В. М. Африка в современном мире. Москва : Научная книга, 2003. 321 с.

[31] Урнов А. Ю. Африка и ООН на исходе первого десятилетия XXI века. Вопросы развития, миротворчества и реформирования ООН : монография. Москва : Институт Африки РАН, 2011. 230 с.

[32] Энтин М. Л. Западная политология о формах проявления и политических последствиях отсталости государственных структур в странах тропической Африки // Особенности политики и права в обществах периферийного капитализма. Серия: «Проблемы государства и права за рубежом». 1984. С. 142–171.

[33] Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Грядущий «девятый вал» деколонизации // Вся Европа.ru. 2019. № 1-2 (137). URL: http://alleuropa.ru/?p=16190 (дата обращения: 01.09.2025).

[34] Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Торкунова Е. А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 124–135.

[35] Емельянов А. Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары : учебое пособие. Москва : МГИМО-Университет, 2012. 492 с.

[36] Тлостанова М. В. Деколониальность знания и преодоление дисциплинарного декаданса // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 27, № 1. С. 84–100.

Регулирование отдельных интеграционных объединений Африки входит в сферу научных интересов ряда ученых: Аду Яо Никэза[37], А. Б. Мезяева[38], Д. М. Базадзе[39], Д. Амара[40] и других. Отдельно стоит отметить ряд диссертационных исследований, подготовленных на русском языке такими учеными, как Аддису Гебреигзабхиер Абера[41], Диалло Сираба[42], Диоманде Дро Хиасинте[43], Менса Коку Мариус[44]. При этом комплексные исследования по правовому регулированию интеграционных процессов на Африканском континенте в российской юридической науке еще не проводились.

В зарубежном научном дискурсе проблемам правового регулирования интеграционных процессов в Африке посвящено большее количество трудов.

Среди наиболее важных работ по изучаемому вопросу можно выделить:

---

[37] Аду Я., Дементьев А. А. Экономическое и валютное сообщество стран Центральной Африки (СЕМАК/CEMAC) // Африка и международное право. 2020. С. 73–82.

[38] Аду Я. Н., Мезяев А. Б. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 1. С. 170–189.

[39] Актуальные вопросы международного права в Африке // Материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 г. ; отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. Москва : РУДН, 2012. 310 с.

[40] Думбия А. Проблемы региональной безопасности в зоне Сахело-Сахары и их влияние на национальную безопасность Республики Мали // Казачество. 2019. № 41. С. 86–92.

[41] Аддису, Г. А. Соотношение международного и внутригосударственного права (на примере Эфиопии) : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Аддису Гебреигзабхиер Абера ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2002. – 198 с.

[42] Диалло, С. Африканская система защиты прав человека и народов : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Диалло Сираба ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2013. – 199 с.

[43] Диоманде, Д. Х. Региональные и субрегиональные правовые механизмы защиты окружающей среды в Африке : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Диоманде Дро Хиасинте ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2014. – 190 с.

[44] Менса, К. М. Международно-правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в субрегионе ЭКОВАС в условиях глобального изменения климата : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Менса Коку Мариус ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2015. – 217 с.

- «Юридические аспекты экономической интеграции в Африке» Ричарда Фримпонга Оппонга[45], в которой автор исследует нормативно-правовые акты африканских объединений и делает вывод о необходимости их пересмотра;
- «Конституционное строительство в Африканском союзе: Право, политика и практика»[46] Мика Вебуша, в которой рассмотрена роль Африканского союза в повышении эффективности правового регулирования африканских государств;
- докторская диссертация Якубу Идизире Нагу по регулированию Африканской континентальной зоны свободной торговли[47].

В зарубежной научной литературе представлены как исследования, посвященные правовому и институциональному регулированию интеграционных процессов на Африканском континенте в целом, так и работы, анализирующие влияние интеграционных объединений на социально-экономическое и политическое развитие отдельных государств региона.

Среди зарубежных авторов, занимающихся исследованием африканской интеграции, следует отметить А. Мохаммеда[48], С. Нкала[49], Т. Тиеку[50], Р. Фосу[51], Ч.

---

[45] Oppong R. F. Legal Aspects of Economic Integration in Africa. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 402 p.
[46] Wiebush M. Constitution Building in the African Union: Law, Policy and Practice. Antwerp : Institute of Development Policy, University of Antwerp, 2020. 200 p.
[47] Nagu Y. Implementing the African Continental Free Trade Agreement (AfCFTA): Policies, Regulations, Laws and Institutions Required for Development : PhD thesis. Cape Town, 2023. 274 p.
[48] Mohammed A. Towards an Effective African Union: Participation, Institutions, and Leadership // The African Union and New Strategies for Development in Africa / S. Adejumobi, A. Olukoshi (eds.). Amherst : Cambria Press, 2008. P. 59–94.
[49] Nkala S. Building Continental Institutions: The African Continental Free Trade Area // The Quest for Unity: An Appraisal of Regional Integration in Africa / D. Monyae, S. Nkala (eds.). Johannesburg : Jacana, 2023. P. 576.
[50] Tieku T. The African Union: Successes and Failures. Oxford Encyclopaedia of African Politics, 2019. 25 p.
[51] Nyinevi C., Fosu R. The African Union’s Prohibition of Unconstitutional Changes of Government: An Uneasy Choice between Fidelity to Principle and Pragmatism // African Security. 2023. Vol. 16, № 1. P. 95–119.

Ризики[52], М. Питтс[53], А. Адебайо[54], А. Л. Аду[55], Дж. Акокпари[56], Р. Герберт[57], Х. Матлоша[58], Л. Натан[59], Н. С. Удомбана[60], К. Готтшалк[61] и других.

При этом в зарубежном научном дискурсе, так же как и в отечественном, практически отсутствуют современные комплексные исследования правового регулирования африканской интеграции.

В процессе данного исследования были использованы различные источники из библиотечных фондов МГИМО МИД России, ведущих российских, а также иностранных университетов и библиотек.

Объектом исследования диссертации являются общественные отношения, складывающиеся в рамках формирования и функционирования интеграционных объединений на Африканском континенте.

Предметом исследования выступают положения учредительных актов Организации африканского единства, Африканского союза и региональных экономических сообществ, заключаемые ими международные договоры, решения институтов и органов указанных объединений.

---

[52] Majinge C. R. The United Nations, the African Union and the Rule of Law in Southern Sudan. London : The London School of Economics and Political Science, 2013. P. 342.

[53] Pitts M. Sub-Regional Solutions for African Conflict: The ECOMOG Experiment // Journal of Conflict Studies. 1999. Vol. 19, № 1. P. 49–69.

[54] Adebajo A. The Peacekeeping Travails of the AU and the Regional Economic Communities // The African Union and its Institutions / J. Akokpari, J. Ndinga-Muvumba, T. Murithi (eds.). Johannesburg : Jacana, 2008. 416 p.

[55] Adu A. L. Review of the Structure of the General Secretariat of the OAU. Addis Ababa : Organization of African Unity, 1972. 5 p.

[56] Akokpari J., Ampomah E. The Economic Community of West African States // The Quest for Unity: An Appraisal of Regional Integration in Africa / D. Monyae, S. Nkala (eds.). Johannesburg : Jacana, 2023. 424 p.

[57] Herbert R., Gruzd S. The African Peer Review Mechanism: Lessons from the Pioneers. Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2008. 426 p.

[58] Matlosa Kh. The Free Movement of Persons and African Integration // The Quest for Unity: An Appraisal of Regional Integration in Africa / D. Monyae, S. Nkala (eds.). Johannesburg : Jacana, 2023. P. 265–289.

[59] Nathan L. The Disbanding of the SADC Tribunal: A Cautionary Tale // Human Rights Quarterly. 2013. Vol. 35, № 4. P. 870–892.

[60] Udombana N. S. AU Institutional Capacity to Implement Integration and the Human Security Agenda // The African Union at 20: African Perspectives on Progress, Challenges and Prospects / W. Okumu, Atta-Asamoah (eds.). Pretoria ; Addis Ababa : Institute for Security Studies, 2023. P. 75–97.

[61] Gottshalk K. Six Decades of African Integration: Successes and Failures // Journal of the Institute for African Studies. 2024. № 2. P. 24–39.

Целью настоящего исследования является проработка теоретических и практических аспектов регулирования интеграционных процессов на Африканском континенте в современных условиях, а также определение ключевых трендов развития африканской интеграции.

Для достижения данной цели автором поставлены следующие **задачи**:

- раскрыть сущность подходов к исследованию интеграционных процессов с учетом специфики Африканского континента;
- проанализировать исторические предпосылки и этапы развития интеграционных процессов в Африке, определить ключевые факторы, оказавшие влияние на формирование и развитие интеграционных процессов;
- проанализировать правовые основы региональной интеграции в Африке;
- исследовать роль Африканского союза и региональных экономических сообществ в формировании и развитии правового механизма африканской интеграции;
- проанализировать имеющуюся нормативно-правовую базу, регулирующую интеграционные процессы в Африке, включая учредительные документы ключевых региональных объединений, соглашения и договоры;
- исследовать вопросы регулирования Африканской континентальной зоны свободной торговли и оценить перспективы ее функционирования;
- выявить современные тенденции и ключевые вызовы интеграции африканских государств, включая влияние неоколониальных практик, процессов глобализации, международной политико-экономической конъюнктуры, а также факторов внутриконтинентальной конфликтности и институциональной нестабильности;
- изучить текущее состояние правового регулирования и перспективы взаимодействия Российской Федерации и Евразийского экономического союза с Африканским союзом и региональными экономическими сообществами.

Научная новизна настоящего исследования обусловлена комплексным и межотраслевым изучением нормативных и эмпирических данных о действующих

интеграционных объединениях на Африканском континенте; классификацией автором источников права Африканского союза; выделением автором особых черт, присущих правовому регулированию интеграционных объединений в Африке; авторской оценкой основных тенденций и направлений развития Африканского союза и региональных экономических сообществ.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в восполнении существующего пробела в российской юридической науке, связанного с недостаточной разработанностью вопросов правового регулирования интеграционных процессов на Африканском континенте. В отличие от хорошо изученных экономических аспектов интеграции правовая составляющая африканских интеграционных объединений освещена лишь фрагментарно. В рамках настоящей работы предлагается комплексный подход к анализу политико-правовых основ африканской интеграции, предусматривающий системное изучение нормативных актов, институциональной архитектуры и механизмов функционирования таких структур, как Африканский союз и региональные экономические сообщества.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в деятельности государственных органов Российской Федерации, прежде всего Министерства иностранных дел, Министерства экономического развития, Министерства промышленности и торговли, иных министерств и ведомств, а также Торгово-промышленной палаты и других организаций, осуществляющих внешнеэкономическое и внешнеполитическое взаимодействие с африканскими странами и региональными объединениями на континенте. Материалы диссертации могут быть использованы при выработке правовых позиций Российской Федерации в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества с африканскими странами, при подготовке международных договоров, а также при анализе правовой среды в странах Африки, что имеет особое значение для российских компаний, планирующих выход на африканские рынки. Кроме того, результаты исследования могут найти применение в

деятельности органов ЕАЭС при разработке и корректировке правовых механизмов взаимодействия с африканскими интеграционными объединениями, включая Африканский союз. В академической среде материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе – при преподавании курсов по международному праву, праву международных организаций, а также интеграционному праву.

Теоретическую основу исследования составили концепции и научные подходы, сформировавшие современное научное представление об интеграционном праве как самостоятельном направлении правового регулирования межгосударственного взаимодействия. В частности, были использованы обобщенные научные взгляды на природу, особенности и структуру интеграционного права, представленные в работах Л. М. Энтина[62], М. Л. Энтина[63],

[62] Бирюков М. М., Торкунова Е. А. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. Москва : Норма, 2018. 528 с. ; Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / М. М. Бирюков, М. В. Каргалова, Р. А. Касьянов [и др.] ; отв. ред. Л. М. Энтин. 3 изд., пересмотр. и доп. Москва : Норма: НИЦ Инфра, 2011. 960 с.

[63] Энтин М. Л. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 2. С. 29–47 ; Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах : научная монография. Москва : Галактика, Зебра-Е, 2023. 622 с. ; Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Войников В. В. Углубление интеграции и институциональная трансформация: дилеммы для стран Евросоюза // Международные процессы. 2021. Т. 14, № 4 (63). С. 6–35 ; Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Торкунова Е. А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть I // Современная Европа. 2019. № 1 (87). С. 27–38 ; Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Торкунова Е. А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть II // Современная Европа. 2019. № 2 (88). С. 39–49.

Р. А. Касьянова[64], В. В. Войникова[65], Ю. М. Колосова[66], Е. Г. Потапенко[67], С. Ю. Кашкина[68], Д. В. Галушко[69], А. Я. Капустина[70], М. М. Бирюкова[71], А. А. Наку[72], Г. И. Тункина[73], Н. А. Ушакова[74], Е. А. Торкуновой[75] и других известных ученых. Дополнительно в основу исследования легли теоретические положения отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих правовое регулирование интеграционных процессов в Африке. В исследовании были учтены теоретические модели наднационального регулирования интеграционных процессов, разработанные африканскими исследователями и учеными.

Методологической основой исследования выступает совокупность современных методов научного познания, обеспечивающих комплексное и

---

[64] Касьянов, Р. А. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Рустам Альбертович Касьянов; Московский государственный институт международных отношений (ун-т). – Москва, 2019 – 749 с.

[65] Войников, В. В. Правовые основы пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Вадим Валентинович Войников; Московский государственный институт международных отношений (ун-т). – Москва, 2019. – 400 с. – EDN: WXIPCO

[66] Колосов Ю. М. О понятии европейского международного права // Российский ежегодник международного права. 2006. Санкт-Петербург : Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2007. С. 194–198.

[67] Потапенко Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов : [б. и.], 2010. 26 с.

[68] Кашкин С. Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2151–2160.

[69] Галушко, Д. В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.5 / Дмитрий Вячеславович Галушко ; ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2023. – 544 с. – EDN: UOHISB

[70] Капустин А. Я. Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва : Московская государственная юридическая академия, 2001. С. 15.

[71] Бирюков М. М. Европейское право до и после Лиссабонского договора. Москва : Научная книга, 2010. С. 76.

[72] Европейское право : учебник для вузов / Л. М. Энтин, С. В. Водолагин, Е. Ю. Козлов [и др.]. Москва : Норма, 2000. — 720 с.

[73] Курс международного права : в 7 т. Т. 1 : Понятие, предмет и система международного права / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин [и др.] ; отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. Москва : Наука, 1989. 360 с.

[74] Ушаков Н. А. Международное право. Москва : Юристъ, 2003. 304 с.

[75] Greater Eurasia: In Search of a Legal Order / У. Э. Батлер, М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 9–23.

всестороннее исследование политико-правовых основ африканской интеграции в условиях современного этапа трансформации международных отношений.

Общее методологическое направление исследования составляет материалистическая диалектика, которая позволила рассматривать интеграционные процессы в Африке как динамически развивающееся явление. Особое значение имел диалектический закон перехода количественных изменений в качественные: именно он применялся для анализа постепенного усложнения системы межгосударственных связей и углубления интеграционного взаимодействия, на основе которых формируются качественно новые интеграционные объединения. Это позволило установить внутренние закономерности перехода от фрагментарных форм координации к системной интеграции с элементами наднационального регулирования.

Среди общенаучных методов, использованных в работе, можно выделить:

- анализ – применялся для выявления составных элементов правового механизма африканской интеграции;
- синтез – позволил обобщить полученные данные и выстроить целостное представление о системе интеграционного регулирования;
- индуктивный и дедуктивный подходы – использовались для формирования обоснованных выводов на основе эмпирических наблюдений и теоретических построений;
- системный метод – дал возможность рассматривать африканскую интеграцию как структурированную систему, включающую в себя правовые, институциональные и политические компоненты;
- структурно-функциональный метод – способствовал выявлению роли и назначения отдельных элементов региональных объединений на Африканском континенте.

В числе специальных юридических методов, задействованных в исследовании, были использованы:

• историко-правовой метод – применялся для анализа эволюции африканских интеграционных инициатив, начиная с периода деколонизации;

• сравнительно-правовой метод – обеспечил возможность сопоставления моделей региональной интеграции, используемых в Африке, с аналогичными подходами в рамках других региональных объединений: ЕС и ЕАЭС;

• формально-юридический метод – использовался при анализе нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность Африканского союза, РЭС и других интеграционных структур на континенте.

Применение данной методологической базы обеспечило комплексный анализ предмета исследования и позволило выявить ключевые особенности правовой природы африканской интеграции.

Нормативная база исследования представлена нормативно-правовыми актами Организации африканского единства, Африканского союза и 8 региональных экономических сообществ (ЭКОВАС, КОМЕСА, ЭСГЦА, САДК, ИГАД, ВАС, САМ, СЕНСАД), регламентирующими организационно-правовую основу и деятельность объединений, а также их взаимодействие с иными субъектами международного права, в частности с Российской Федерацией и ЕАЭС.

Эмпирическая основа исследования включает в себя материалы правоприменительной практики Африканского суда по правам человека и народов и отдельные решения судов региональных экономических сообществ, а также официальные документы Африканского союза и региональных экономических сообществ, включая программные документы, выступления и заявления официальных лиц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изначальная ориентация Африки на европейскую модель региональной интеграции стала частью политико-правового пакета, которым бывшие колонизаторы подменили полную деколонизацию африканских государств. Это обусловило преимущественно декларативный характер деятельности как

Организации африканского единства, так и региональных экономических сообществ, а также стало одной из причин разрыва между интеграционной идеологией и задачами развития. Формирование в конце XX – начале XXI века собственных африканских теоретико-правовых подходов к интеграции, основанных на междисциплинарном учете социальных, экономических, культурных и институциональных факторов, позволило перейти к концептуализации интеграции как действенного инструмента развития в регионе, невозможного без адекватной правовой архитектуры.

2. Вместе с учреждением Африканского союза в качестве преемника Организации африканского единства в 2002 году произошла переориентация повестки африканских государств с решения сугубо политических задач на более широкий спектр вопросов, включая ускорение социально-экономического развития и активизацию продвижения интеграции. С этого момента Африканский континент вступил в качественно новую фазу развития, содержательно связанную с формированием более эффективных, юридически закрепленных механизмов координации между панафриканскими институтами и региональными экономическими сообществами, что отчетливо отражает переход от преимущественно декларативной модели интеграции к практико-ориентированному и институционально обеспеченному взаимодействию.

3. Попытка Организации африканского единства и Африканского союза скопировать институционально-правовую модель Европейского союза не смогла обеспечить их эффективное функционирование в силу различных исторических, социокультурных и экономических причин. Несмотря на разломы, обусловленные колониальным прошлым, низкий уровень развития государственных институтов, финансовую зависимость от внешних доноров, отсутствие единой политико-правовой культуры, Африканский союз смог создать свою собственную модель интеграции и сформировать правовую архитектуру интеграционных процессов, включающую международные договоры, решения, протоколы и иные акты институтов и органов Африканского союза и региональных экономических

сообществ.

4. Африканская интеграция опирается на выстраивание связей между субрегиональными объединениями и представляет собой комплексную систему, включающую восемь региональных экономических сообществ, входящих в единый зонтичный режим (Африканское экономическое сообщество) и объединенных общей целью, закрепленной в Абуджийском договоре, – созданием панафриканского экономического и валютного союза.

Между Африканским союзом и региональными экономическими сообществами был подписан ряд юридически обязывающих документов, закрепляющих порядок их взаимодействия, в том числе обязательство следовать принципам субсидиарности, комплементарности и сравнительных преимуществ. В последние годы прослеживается тенденция по расширению повестки дня Ассамблеи Африканского союза за счет увеличения сфер взаимодействия между Африканским союзом и региональными экономическими сообществами.

5. Отчеты Африканского союза о состоянии региональный интеграции свидетельствуют о том, что интеграция на континенте развивается умеренными темпами. Ряд факторов негативно влияет на африканскую интеграцию: политическая нерешительность отдельных лидеров африканских государств в вопросах имплементации норм РЭС и АС в национальное законодательство стран – членов объединений; низкая эффективность работы национальных и региональных институтов; проблемы, связанные с участием африканских государств в нескольких РЭС одновременно, и другие.

В то же время активная деятельность Африканского союза способствует процессу углубления интеграции как на субрегиональном, так и на континентальном уровнях. Это является результатом его активной политики по мобилизации ресурсов для реализации крупных инфраструктурных, торговых и социально-экономических инициатив на континентальном уровне, координации деятельности РЭС, а также развитию партнерских отношений с международными организациями и третьими странами.

6. Право Африканского союза определяется как система норм, закрепленных в учредительных договорах и протоколах к ним, а также в резолюциях, решениях и иных актах, принятых Организацией африканского единства и Африканским союзом и регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе африканской интеграции. Право региональных экономических сообществ следует рассматривать как составную часть формирующегося права Африканского союза в широком (системном) смысле либо как протоправо, подлежащее интеграции в единый правопорядок по мере углубления панафриканской интеграции и слияния РЭС в единое Африканское экономическое сообщество.

Источники права Африканского союза возможно классифицировать на три группы. К первой группе источников права относятся Договор об учреждении Африканского экономического сообщества, Учредительный акт Африканского союза и Договор об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли. Указанные акты обладают высшей юридической силой в системе права АС и определяют цели, принципы, институциональную структуру и основные направления деятельности АС, АЭС и АКЗСТ.

Документы, направленные на разграничение полномочий и институционализацию взаимодействия между АС и РЭС, такие как протоколы и меморандумы, относятся ко второй группе источников права.

К третьей группе источников права относятся акты институтов и органов АС по различным аспектам взаимодействия с РЭС в отдельных областях интеграционного сотрудничества, которыми регулируются точечные вопросы, требующие координации между АС и РЭС.

7. Одним из наиболее значимых этапов интеграционного развития Африки стало учреждение в 2019 году Африканской континентальной зоны свободной торговли, которая дополняет существующие субрегиональные экономические сообщества, расширяет базу торговых соглашений и регулирует такие области, как инвестиции и защита прав интеллектуальной собственности, которые до ее

учреждения не были охвачены большинством субрегиональных соглашений.

Несмотря на то что процесс согласования единого Перечня тарифных уступок, одного из ключевых параметров функционирования АКЗСТ, и ряда протоколов к нему до сих пор не завершен, создание АКЗСТ позволило сформировать единый интеграционный вектор развития всего континента и усилило роль Африканского союза как координирующего центра панафриканской интеграции. Ряд проектов, запущенных в рамках АКЗСТ, таких как Инициатива по регулированию торговли и Упрощенный режим торговли, уже охватывают большинство африканских стран и вносят вклад в развитие межафриканской торговли.

8. Понимание структуры и вектора развития интеграционных процессов имеет ключевое значение для обеспечения правовой ясности, экономической устойчивости и предсказуемости ведения предпринимательской деятельности в регионе. Эффективное сотрудничество Российской Федерации и Евразийского экономического союза с Африкой возможно в рамках трехуровневой модели правового взаимодействия, включающей панафриканский (Африканский союз), региональный (региональные экономические сообщества) и национальный уровни (государства Африки).

АС и РЭС обладают международной правосубъектностью и наделены правом заключать международные договоры с третьими сторонами, а также участвовать в реализации совместных проектов, что позволяет заключать торговые соглашения и соглашения о партнерстве не только с африканскими государствами, но и с объединениями. В совокупности с деятельностью совместных межправительственных комиссий, деловых форумов и отраслевых площадок эти инструменты позволяют сформировать нормативно-правовую и организационную основу для поступательного расширения экономических и социально-политических связей между Российской Федерацией, Евразийским экономическим союзом и АС, РЭС и африканскими государствами.

Степень обоснованности и научной достоверности результатов исследования обеспечивается использованием репрезентативной теоретико-методологической базы, а также привлечением широкого круга нормативных источников и эмпирических данных, что позволило провести комплексный анализ как универсальных подходов, так и специфики наднационального регулирования в африканском интеграционном контексте.

Апробация исследования осуществлялась в процессе обсуждений на заседаниях кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, а также участия в следующих научно-практических мероприятиях:

1) IX Международная научная студенческая конференция «Российская государственность в Евразийском пространстве: правовые аспекты». Секция 2 «Российская государственность в многополярном мире: тенденции развития». Доклад «Общая криптовалюта ЕАЭС: перспективы внедрения» (30 ноября 2023 года);

2) Международная научная конференция «XXIX Шишкинские чтения. Мораль в эпоху мировой турбулентности». Пленарное заседание. Доклад «Соотношение морали и права в истории зарубежной этико-философской мысли» (23 декабря 2023 года);

3) 68-е собрание Российской ассоциации международного права. Круглый стол по теме «Новейшие тенденции регулирования мировых интеграционных процессов». Доклад «Правовое регулирование интеграционных процессов в Африке через призму деколонизации» (2 июля 2025 года);

4) Научная конференция «Сахель: политика, экономика, культура». Секция 3. Доклад «Роль Африканского союза в преодолении кризисов безопасности Сахеля» (9 октября 2025 года);

5) Третья модель Африканского союза в МГИМО. Консультирование организаторов, проверка докладов и выступлений участников на английском языке (25–28 ноября 2025 года);

6) XXIV Всероссийская школа молодых африканистов «Россия и Африка в условиях формирования новой плюриверсальности». Секция «Страны Африки в современной системе международных отношений». Доклад «Европейская модель интеграции для Африки: следовать или прокладывать собственный путь?» (3 декабря 2025 года);

7) Всероссийская конференция «Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки». Секция 1. Доклад «Роль Африканского союза в продвижении региональной стабильности» (11 декабря 2025 года).

Кроме того, основные положения и результаты диссертационной работы нашли отражение в публикациях, размещенных в научных изданиях, входящих в перечень рецензируемых журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

1. Злобин, Е. В. Правовое регулирование российско-алжирских отношений в контексте перестройки системы международных отношений / Е. В. Злобин, М. Л. Энтин // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 21 (2). – С. 3–14.

2. Злобин, Е. В. Интеграция в Африканском и Европейском союзах: сравнительный анализ / Е. В. Злобин // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 21 (4). – С. 82–91.

3. Злобин, Е. В. Модернизация правовых основ взаимодействия Африканского союза с региональными экономическими сообществами в целях активизации интеграционных процессов в Африке / Е. В. Злобин, М. Л. Энтин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2026. – Т. 22, № 2. – С. 59–74.

4. Злобин, Е. В. Правовое регулирование трансграничной мобильности в рамках ЭКОВАС: проблемы гармонизации и обеспечения безопасности / Е. В. Злобин // Закон и власть. – 2026. № 2. – С. 144–148.

Структура и объем диссертации предопределены логической последовательностью изложения материала в соответствии с целями и задачами

исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя девять параграфов, заключения, приложения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. Динамика и тенденции развития африканской интеграции

1.1. Теоретические подходы к исследованию региональных интеграционных процессов в Африке

После Второй мировой войны изоляционистская и протекционистская политика постепенно уступила место курсу на международную интеграцию, что позволило государствам более эффективно реализовывать свои внутренние и внешние функции[76]. В ответ на эту трансформацию международной системы государства начали формировать союзы и институционализировать некоторые из них посредством создания систем и институтов, основанных на правовых нормах[77].

Теоретическое осмысление интеграции в Африке базируется на сочетании универсальных теорий интеграции с учетом региональной специфики, включая идеи панафриканизма и нового панафриканизма.

Термин интеграция происходит от лат. *integratio* – «восстановление, восполнение, соединение». Интеграционные процессы представляют собой формы и механизмы объединения государств с целью достижения экономической, политической, правовой или иной консолидации[78].

---

[76] Closa Montero C., Casini L., Sender O. Comparative Regional Integration: Governance and Legal Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. (Integration through Law: The Role of Law and the Rule of Law in ASEAN Integration; 10; Global Governance Programme). URL: https://hdl.handle.net/1814/43168 (дата обращения: 20.07.2025).

[77] Cassese S. Relations between International Organizations and National Administrations // Proceedings of the XIXth International Congress of Administrative Sciences. International Institute of Administrative Sciences, 1983. 177 p. ; Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton : Princeton University Press, 2005. 376 p. ; Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. 2007. Vol. 59. P. 639.

[78] Галушко, Д. В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.5 / Дмитрий Вячеславович Галушко ; ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2023. – 544 с. – С. 45. – EDN: UOHISB

Региональная интеграция основывается на естественных процессах укрепления и углубления взаимозависимости[79], на культурном, историческом и географическом родстве стран-участниц при сохранении их культурной самобытности[80].

Как отмечал основоположник неофункционализма в теории европейской интеграции Эрнст Хаас, «интеграция представляет собой институционализированный механизм, с помощью которого правительства стремятся эффективно реагировать на нарастающую взаимозависимость в международных отношениях»[81].

Интеграция предполагает все более тесное сближение и единство государств, участвующих в интеграционном проекте, переплетение обществ, совместное управление суверенными полномочиями, переданными на наднациональный уровень, частичную переплавку государств и обществ в квазигосударственное образование при сохранении за ними в полном объеме международной правосубъектности, вытекающих из нее прав и возможностей[82]. Ключевой целью интеграции является развитие как отдельных государств, так и их объединений[83].

Как отмечает С. Ю. Кашкин, «интеграционное право – это обобщенная модель правового регулирования межгосударственных и внутригосударственных

---

[79] Fink S., Krapohl S. Assessing the Impact of Regional Integration: Do Regional Trade Institutions Shape Trade Patterns? // SciSpace. 2010. URL: https://scispace.com/pdf/assessing-the-impact-of-regional-integration-do-regional-2lz6jk88oo.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

[80] Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security, Economic Development. New York : Palgrave Macmillan, 2007. 189 p.

[81] Haas E. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // International Organization. 1970. Vol. 24. P. 607–646 ; Muzee H., Enaifoghe A. O. Towards an Inclusive Model of African Regional Integration: How Effective Has the Linear Model Been So Far? // Journal of Economics and Behavioral Studies. 2019. Vol. 11. P. 55–65.

[82] Теория и практика правового регулирования мировых интеграционных процессов : учебник : в 2 т. Т. 1 / М. Л. Энтин, В. В. Войников, Д. В. Галушко [и др.] ; отв. ред. В. В. Войников, М. Л. Энтин. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. С. 32.

[83] Далдеган У., Де Борба В. Концепция развития БРИКС: анализ проектов, финансируемых НБР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18, № 4. С. 7–33.

отношений, возникающая в реальной жизни в процессе интеграции и глобализации»[84].

Большинство теорий региональной интеграции изначально рассматривались как аналитические инструменты, с помощью которых исследователи ставили целью осмыслить влияние политических и социальных факторов на межгосударственные отношения в послевоенной Европе[85].

При этом можно выделить три ключевые особенности этих теоретических подходов. Во-первых, они характеризуются европоцентристской направленностью, поскольку были разработаны с учетом специфики европейского политического пространства. Во-вторых, каждая теория отражает различную трактовку изменений в динамике межгосударственных взаимодействий, обусловленную конкретным историческим контекстом их возникновения. И в-третьих, теории демонстрируют разные подходы к понятию развития и степени его включения в анализ межгосударственных отношений[86].

Классические западные модели интеграции, основанные на предпосылках экономической рациональности, политической стабильности и институциональной зрелости, оказываются малоприменимыми к интеграционным процессам в Африке[87]. Использование западных теорий интеграции в африканском контексте на первом этапе развития интеграционных процессов на континенте было следствием колониального прошлого. Бывшие колонизаторы навязывали свои теории африканским ученым и государственным деятелям, в результате чего как ОАЕ, так и многие РЭС на континенте имели преимущественно декларативный характер.

---

[84] Кашкин С. Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2151.

[85] Laursen F. Theory and Practice of Regional Integration // Jean Monnet- Robert Schuman Paper Series. 2008. Vol. 8, № 3. P. 7.

[86] Oloruntoba S. O., Muchie M. (eds.). Innovation, Regional Integration, and Development in Africa: Rethinking Theories, Institutions, and Policies. Cham : Springer, 2019. 349 p.

[87] Злобин Е. В. Интеграция в Африканском и Европейском союзах: сравнительный // Право и управление. XXI век. 2025. № 21 (4). С. 84.

Практика показала, что западные теории интеграции не позволяют в полной мере отразить специфику и характер интеграционных процессов, происходящих на континенте. Африканский регион отличается уникальным сочетанием факторов, среди которых наследие колониального прошлого, искусственный характер государственных границ, высокая этнокультурная фрагментированность, относительная слабость государственных институтов и значительная зависимость от внешнеэкономических воздействий.

Современный этап развития международных отношений во всех регионах и макрорегионах мира характеризуется ускорением интеграционных процессов[88] и, как следствие, развитием интеграционного права. В условиях растущей взаимозависимости экономик в Африке интеграция рассматривается как инструмент повышения конкурентоспособности государств на мировом рынке посредством координации экономической политики, расширения торговли и укрепления производственных связей. Потребность в таком инструменте особенно велика в Африке, что обусловлено тяжелым колониальным наследием, внутренними конфликтами, слабостью государственных институтов и макроэкономической нестабильностью[89].

Идеи, акцентирующие единство, суверенитет и развитие, основанное на собственных ценностях, легли в основу стратегического документа Африканского союза – «Повестки дня – 2063»[90], провозглашающей следующее видение будущего континента: «интегрированная, процветающая и мирная Африка, управляемая своими гражданами и представляющая собой динамичную силу на мировой арене». «Повестка дня – 2063» выступает не только политико-декларативным актом, но и

---

[88] Энтин М. Л. Право ЕАЭС в контексте правового регулирования мировых интеграционных процессов // Annual International Conference of the Court of the Eurasian Economic Union. 16–17 ноября 2023 г. С. 1.

[89] Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. 2010. URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

[90] Agenda 2063. The Africa We Want. Second Ten-Year Implementation Plan // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/36204-doc-agenda2063_popular_version_en.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

программной основой для разработки и реализации конкретных интеграционных инициатив, что позволяет рассматривать континентальную интеграцию в качестве приоритетного и институционально закреплённого направления деятельности Африканского союза.

В связи с тем, что европейская модель интеграции не приводила к реальным результатам, в Африке были разработаны собственные теории интеграции, позволяющие анализировать происходящие на континенте процессы и определять их дальнейший вектор развития с учетом уникальных, характерных для Африки особенностей.

В африканском научном дискурсе были разработаны собственные подходы к понятию и изучению природы интеграционных процессов, тесно связанные с теорией права и развития, которые рассматриваются в настоящем параграфе.

Единого определения понятия «развитие», как и «интеграция», не существует. Подобно многим другим концепциям, оно изменялось под влиянием междисциплинарных исследований, что способствовало переходу от его узкого понимания через призму исключительно экономических показателей (таких как уровень дохода, жизненный уровень и темпы экономического роста) к более комплексному подходу, включающему в себя также неэкономические и социальные переменные, например вовлеченность лиц, проживающих в государстве, в политические процессы, права человека и др. В философском смысле развитие – это направленное изменение, приводящее к существенной смене состояния объекта[91]. В контексте правовых и социологических исследований развитие определяется как прогрессивная трансформация общества[92].

В рамках данного исследования особенно важной является концепция развития, представленная нигерийским профессором и политическим деятелем

---

[91] Кудряшев А. Ф. Развитие, эволюция, коэволюция: соотношение понятий // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1-1. С. 640.

[92] Lee Y. S. General Theory of Law and Development // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50, № 3. P. 428.

Адеджи Адебайо, одним из «пророков» африканской интеграции[93]. А. Адебайо утверждает, что развитие следует рассматривать как сложный, целостный и ориентированный на человека процесс. По его мнению, развитие должно учитывать широкий спектр взаимосвязанных факторов: социальных, культурных, политических, экологических и экономических[94]. Особенность подхода А. Адебайо заключается в том, что он одним из первых в Африке радикально смещает фокус интеграции с внешне ориентированных моделей на внутренне обусловленное развитие континента, критикует «копирование» европейской модели и доказывает ключевую роль сильных публичных институтов в развитии интеграции.

Такой подход позволяет глубже осмыслить реализацию масштабных интеграционных инициатив на континенте и проанализировать их не только с точки зрения экономики, но и сквозь призму комплексных условий, необходимых для устойчивого прогресса. Исходя из такого понимания развития, становится возможным перейти к рассмотрению правовой составляющей интеграционных процессов.

Карлос Лопес, африканский эксперт, государственный служащий из Гвинеи-Бисау, утверждает, что в условиях, когда правовые рамки являются нечеткими или сложны в применении, торговля может быть «заторможена». В своей работе, посвященной трансформации африканских стран, он подчеркивает, что последовательная разработка правовой и политической архитектуры служит катализатором изменения доминирующих нарративов об Африке, способствует структурным преобразованиям и обеспечивает устойчивое развитие[95].

Между правом и развитием прослеживаются взаимозависимые, симбиотические отношения: с одной стороны, законы выступают как средство

---

[93] Adebajo A. Adebayo Adedeji: Africa's Foremost Prophet of Regional Integration // The Palgrave Handbook of African Political Economy / S. O. Oloruntoba, T. Falola (eds.). Cham : Palgrave Macmillan, 2020. P. 265.

[94] Asante S. K. B. African Development: Adebayo Adedeji's Alternative Strategies. London : Hans Zell Publishers, 1991. P. 232.

[95] Lopes C. Africa in Transformation: Economic Development in the Age of Doubt. London : Palgrave Macmillan, 2018. 175 p.

достижения целей развития, с другой – сам процесс развития трансформирует формы и механизмы правового регулирования[96].

Несмотря на потенциальную прогрессивную роль права, оно может также способствовать обратному эффекту – усилению социального неравенства[97]. Международные организации, в том числе Организация Объединенных Наций, адаптировали свои индикаторы и концептуальные рамки оценки человеческого развития с учетом этих сложностей. В данном контексте Африка вносит вклад в научную дискуссию о том, в какой мере право может быть использовано как эффективный инструмент решения задач развития на континенте.

На Африканском континенте укоренилось представление о том, что право способно играть ключевую функциональную роль в процессе устойчивого развития[98]. В этом контексте африканские ученые выдвинули ряд концептуальных подходов, направленных на осмысление специфической роли права в африканской действительности.

Доктор юридических наук из Нигерии Игнатиус Айюа в свою очередь подчеркивает приоритетность правовых рамок для эффективного развития. Однако он указывает на то, что законы в Африке редко использовались в целях развития, поскольку правовые системы на континенте зачастую противоречивы, реактивны, подвержены коррупции и страдают от неэффективности государственных институтов[99].

Профессор Максвелл Чибунду, анализируя развитие Африканского континента, делает акцент на важности учета локальных идеологических и социальных реалий при концептуализации права и развития. Он утверждает, что целостное осмысление этой взаимосвязи должно исходить не только из

---

[96] De Waart P. J. I. M., Peters P., Denters E. M. G. International Law and Development. Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1988. Vol. 1. P. 295.
[97] Paul J. C. N., Dias C. J. State-Managed Development: A Legal Critique // Third World Legal Studies. 1982. P. 38.
[98] Nagu Y. Implementing the African Continental Free Trade Agreement (AfCFTA): Policies, Regulations, Laws and Institutions Required for Development : PhD thesis. Cape Town, 2023. P. 19.
[99] Ayua I. Law and Development in Africa // International Journal on World Peace. 1986. Vol. 3. P. 71.

объективных потребностей, но также из субъективных устремлений и ценностей сообществ[100].

В этом смысле подход, ориентированный на человека, приобретает особую значимость для анализа взаимодействия права и развития в Африке. Его ключевые положения находят отражение в теории базовых потребностей[101]. Теория рассматривает низкий уровень развития как результат неравных классовых отношений, порожденных международными производственными структурами капиталистического характера, но в то же время отказывается от марксистской фатальности и допускает возможность трансформации этих отношений.

Таким образом, в африканском научном дискурсе формируется комплексное понимание взаимосвязи права и развития, в рамках которого интеграция рассматривается не как самоцель, а как инструмент структурной трансформации, ориентированной на человека. Подход Адеджи Адебайо, дополняемый позициями таких исследователей, как Карлос Лопес, Игнатиус Айюа и Максвелл Чибунду, позволяет обосновать, что право в Африке выступает одновременно и инструментом, и результатом развития, требующим учета институциональных, социокультурных и экономических факторов.

Из современных теорий права и развития, разработанных африканскими учеными, следует особо выделить аналитическую модель интеграции права и развития (ALDIM, *Analytical Law and Development Integration Model*), разработанную профессором из Кейптауна Якубу Идизире Нагу, которая совмещает подходы представленных выше исследователей с общей теорией права и развития Йонг-Шика Ли и теорией регионализма Файзела Исмаила[102].

Общая теория права и развития, изложенная Йонг-Шиком Ли, представляет собой первую целостную концептуальную теорию, системно определяющую связь

---

[100] Chibundu M. O. Law in Development: On Tapping, Gourding, and Serving Palm-Wine // Case Western Reserve Journal of International Law. 1997. Vol. 29. P. 192.

[101] International Law of Development: Comparative Perspectives / F. G. Snyder, P. Slinn (eds.). Abingdon : Professional Books, 1987. P. 239.

[102] Nagu Y. Implementing the African Continental Free Trade Agreement (AfCFTA): Policies, Regulations, Laws and Institutions Required for Development : PhD thesis. Cape Town, 2023. 274 p.

между правом и экономическим/социальным прогрессом. Согласно Ли, ключевыми элементами теории является четкое понимание того, что представляет собой «право» (не только кодифицированные тексты, но и судебный прецедент, юридические институты и даже устоявшиеся нормы) и что подразумевается под «развитием» (комбинация экономического роста и социальных улучшений).

Основной вклад теории Ли – раскрытие «механизмов регулирующего воздействия», которые состоят из трех взаимосвязанных уровней: проектирования закона (его целей, структуры и институционального контекста), обеспечения соблюдения и качества практической реализации, включающего политическую волю и институциональную способность государства. Эта аналитическая модель позволяет объяснить успешный кейс Южной Кореи (1962–1996), а также дает общий подход к изучению развития в различных правовых и политических условиях[103].

В соответствии с теорией права и развития право влияет на развитие через механизмы регулятивного воздействия. Эти механизмы включают три концептуально различающихся, но взаимосвязанных компонента: регуляторный дизайн, соблюдение нормативных норм и качество реализации. Первый компонент анализирует архитектуру закона и его способность достигать предполагаемых целей развития. Второй компонент оценивает степень приверженности субъектов праву как в общем, так и в конкретных контекстах. Третий компонент отражает то, в какой мере государственные структуры способны обеспечить достижение установленных целей развития.

Анализ модели Ли позволяет сформулировать два ключевых вывода. Во-первых, между правом и развитием прослеживается положительная корреляция: эффективность правового воздействия на процессы развития обусловлена совокупностью факторов, включая предполагаемые результаты действия норм, особенности их конструкции, уровень институционального обеспечения

[103] Может Lee Y. S. General Theory of Law and Development // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50, № 3. P. 415.

реализации, а также способность законодательства учитывать социально-экономические и экологические параметры. Во-вторых, право и развитие не находятся в жесткой причинно-следственной или линейной зависимости. Как подчеркивает Ли, результирующий эффект законодательства определяется прежде всего качеством его практической реализации – степенью соблюдения государством норм, эффективностью мониторинга и последовательностью правоприменения. Следовательно, в условиях, когда государство не реагирует на правовые вызовы или не может обеспечить соблюдение и исполнение норм, это существенно снижает потенциал права как инструмента развития.

В настоящее время создание новых правовых рамок в целях устойчивого развития является актуальной задачей для современной науки и практической политики[104].

Интеграционный подход (подход к развитию через интеграцию) представляет собой практический и концептуальный ответ на необходимость учета вопросов развития в процессах региональной интеграции стран Глобального Юга[105]. Его ценность заключается в том, что предлагаются целостные стратегии, соответствующие реальным вызовам, стоящим перед интеграционными процессами на Африканском континенте. Подход акцентирует внимание на приоритетных направлениях, оказывающих более значительное влияние на развитие, чем классические регулятивные барьеры. К таким направлениям относятся экономическая трансформация, диверсификация, индустриализация и развитие инфраструктуры, а также устранение ограничений со стороны предложения – включая производственные мощности, развитие «жесткой» и «мягкой» инфраструктуры, финансовое обеспечение и сотрудничество в целях развития[106].

---

[104] Добротворский П. П. Преломление доктрины «Право и развитие» в России: перспективы теории и практическая политика // Ex jure. 2021. № 1. С. 22.

[105] Fagbayibo B. O. A Politico-Legal Framework for Integration in Africa: Exploring the Attainability of a Supranational African Union : PhD thesis. University of Pretoria, 2010. P. 15.

[106] Rudahindwa J. B. Regional Developmentalism through Law: Establishing an African Economic Community. London : Routledge, 2018. 252 p.

Существуют различные формулировки концепции «развития через право». Одной из них является модель Джонатана Баши Рудахиндвы– «региональное развитие через право», основанная на «парадигме нового государства развития»[107]. Данная модель подчеркивает синергетический эффект либерализации торговли, правового сотрудничества, региональной экономической интеграции и наращивания институционального потенциала, направленного на повышение благосостояния населения.

Однако Акинкугбе критикует концептуализацию Рудахиндвы как излишне европоцентричную и предлагает альтернативные направления, включая развитие региональных цепочек добавленной стоимости и цифровую торговлю как важнейшие векторы регионализма, ориентированного на развитие[108]. Он подчеркивает, что многие существующие подходы страдают от концептуальной несогласованности, связанной с отсутствием четкого и унифицированного понимания сущности интеграции развития и способов ее достижения. Это приводит к расхождениям в приоритезации среди различных акторов и институтов, вовлеченных в интеграционные процессы, а следовательно – к несовместимым целям и стратегиям.

Такие разрозненные формулировки могут включать асимметричную торговую интеграцию, трансграничные инвестиции в инфраструктуру, содействие торговле, создание региональных цепочек добавленной стоимости, индустриализацию трансформационного типа, а также сотрудничество в сферах демократии, эффективного управления, мира и безопасности. В модели регионализма развития Ф. А. Исмаила подчеркивается, что реализация инициатив в области региональной интеграции требует согласованных стратегий,

---

[107] Ibid.

[108] Akinkugbe, O. D. Theorizing Developmental Regionalism in Narratives of African Regional Trade Agreements (RTAs) / O. D. Akinkugbe // African Journal of International Economic Law. – 2020. – Vol. 1. – P. 297–320.

направленных на повышение производственного потенциала и индустриализацию, способную трансформировать экономику в интересах устойчивого развития[109].

В работе Якубу Идизире Нагу предлагается объединенный подход к теории права и развития – аналитическая модель интеграции права и развития, совмещающая ключевые элементы двух рассматриваемых выше подходов.

Согласно концептуальной модели ALDIM устойчивое развитие интеграционных инициатив невозможно без наличия адекватной правовой архитектуры. Для того чтобы такие инициативы обладали реальным развивающим потенциалом и способствовали социально-экономическому прогрессу, внутреннее правовое регулирование должно быть не декларативным, а эффективным, опирающимся на функциональные и устойчивые правовые и институциональные структуры. Это, в свою очередь, предполагает не только формальное принятие нормативных актов, но и наличие действенных механизмов их имплементации, мониторинга и принудительного исполнения. Закон должен выступать не формальностью, а инструментом практического преобразования общественных отношений, обеспечивающим достижение заявленных целей развития.

Экономическая интеграция представляет собой процесс поэтапного устранения экономических барьеров между двумя и более государствами, участвующими в объединении. Под экономическими барьерами, как правило, понимаются географические и нормативные ограничения, препятствующие свободному перемещению товаров, услуг, рабочей силы и капитала. В зависимости от глубины интеграции традиционно выделяют несколько основных ее форм:

- **Зона свободной торговли**, предусматривающая устранение тарифных барьеров между государствами-участниками;
- **Таможенный союз**, предполагающий не только отмену внутренних тарифов, но и согласование общей внешнеторговой политики;

[109] Ismail F. A. Advancing Regional Integration in Africa through the Continental Free Trade Area (CFTA) // Law and Development Review. 2017. Vol. 10, № 1. P. 119–146.

• **Общий рынок**, в рамках которого обеспечивается свобода движения всех факторов производства, включая труд и капитал;

• **Экономический союз**, характеризующийся координацией и гармонизацией экономических политик на наднациональном уровне[110].

Фактически указанные формы интеграции используются и в Абуджийском договоре, однако в Африке они выступают скорее как аналитический ориентир, так как процессы углубления интеграции на континенте идут не последовательно, а фрагментарно и асимметрично.

Для Африканского континента экономическая интеграция является не просто стратегическим приоритетом, а экзистенциальной необходимостью. По данным Экономической комиссии ООН для Африки, продвижение интеграционных процессов замедлено совокупным воздействием ряда негативных факторов: ограниченностью внутренних рынков, фрагментированностью экономик, уязвимостью к внешним шокам, последствиями колониального наследия, хроническими управленческими слабостями и конфликтами[111]. Названные структурные ограничения объективно препятствует самостоятельному устойчивому развитию отдельных государств и обусловливают необходимость консолидации их экономического потенциала. В этой связи данные реалии подталкивают к поиску эффективных интеграционных решений как на уровне субрегионов, так и в масштабе всего континента.

В Африке выдвигаются альтернативные подходы к интеграции, фокусирующиеся на проектном сотрудничестве в стратегических секторах – сельском хозяйстве, инфраструктуре, цифровых технологиях, – и предлагается сместить акцент с регионализма на континентальный уровень, продвигая идею панафриканской интеграции как базового принципа развития, который

---

[110] Остапенко Ю. Понятие, формы и правовые последствия экономической интеграции государств // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 4 (79). С. 164–173.

[111] Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. 2010. URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

заключается в том, что интеграция подчинена целям структурной трансформации континента и преодоления его фрагментированности.

Регионализм в африканском контексте нередко рассматривается как управляемая форма экономической интеграции, адаптированная к реалиям континента, насчитывающего 55 суверенных государств с разнородными политико-экономическими системами. Данная форма выражается в преимущественно межгосударственном характере взаимодействия, опоре на региональные экономические сообщества как базовые «строительные блоки» интеграции, а также в поэтапной и функциональной координации отдельных направлений сотрудничества (торговля, инфраструктура, безопасность, развитие), без формирования жестких наднациональных структур и с сохранением ключевой роли государств в принятии и имплементации решений.

Ключевые преимущества теории регионализма заключаются в институциональной гибкости, способности обеспечивать реализацию конкретных проектных инициатив и относительной управляемости по сравнению с централизованными наднациональными моделями интеграции.

Вместе с тем характерные особенности многоуровневой архитектуры африканской интеграции, включающей параллельное функционирование региональных экономических сообществ, Африканского союза и государств-членов, обусловливают возникновение ряда системных эффектов. К их числу относятся пересечение и частичное дублирование международных обязательств государств, их участие в нескольких интеграционных режимах одновременно, а также сложность согласования компетенций между различными уровнями регулирования. Дополнительно это проявляется в потенциальной фрагментации правового регулирования и усложнении координации между институтами региональных объединений.

На этом фоне вопросы правового обеспечения интеграционных процессов продолжают оставаться в тени более широко обсуждаемых экономических и

политических аспектов регионализма[112]. Между тем именно на продвинутых стадиях интеграции – таких как создание общего рынка или экономического союза – юридические проблемы приобретают критическое значение. Особое внимание в этом контексте следует уделить таким правовым вопросам, как:

- взаимодействие между правом сообществ и внутренними правовыми системами государств-членов;
- механизмы нормативной и институциональной коммуникации между наднациональными органами и национальными юрисдикциями;
- распределение и разграничение компетенций между уровнями управления;
- предотвращение и разрешение конфликтов юрисдикций;
- обеспечение доступа частных лиц и негосударственных субъектов к правосудию в рамках интеграционных структур;
- признание, приведение в исполнение и обязательность исполнения решений наднациональных судебных органов.

Перечисленные аспекты становятся особенно актуальными в условиях многоуровневой и поэтапной модели африканской интеграции, где РЭС функционируют одновременно как независимые субрегиональные образования и как структурные элементы более широкой архитектуры Африканского экономического сообщества[113]. При этом одни сообщества углубляют интеграцию путем институционального развития, другие – через расширение состава участников, что еще более усложняет правовую согласованность и институциональное сопряжение.

Следовательно, право должно рассматриваться как ядро интеграционного процесса, а не как второстепенный инструмент. Правовые барьеры, такие как несогласованность законодательства, отсутствие юридической определенности и

---

[112] Kulusika S. E. The Lawyer and the Challenges of Economic Integration // Zambia Law Journal. 2000. Vol. 32. P. 20.

[113] Treaty Establishing the African Economic Community. 03.06.1991 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-TREATY_ESTABLISHING_THE_AEC-compressed.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

фрагментарность правоприменения, зачастую представляют собой не меньшую угрозу для интеграции, чем тарифные или инфраструктурные ограничения. Их преодоление требует системной и последовательной правовой проработки. Как справедливо отмечал один из теоретиков права европейской интеграции Пьер Пескаторе, «Процесс интеграции не может иметь реальной последовательности и прежде всего реальной стабильности и долговременной силы, если мы не сумеем придать ему достаточно прочную институциональную и правовую основу»[114].

С юридической точки зрения зрелое и эффективно функционирующее интеграционное сообщество должно обладать комплексом ключевых характеристик, масштаб и полнота реализации которых зависят от стадии достигнутой экономической интеграции. Среди этих характеристик свобода перемещения товаров, услуг, капитала, лиц и прав собственности, включая взаимное признание и исполнение судебных и административных решений внутри сообщества; развитое право сообщества, охватывающее не только договорные нормы, но и обширную судебную практику, способствующую формированию автономного правопорядка; инкорпорация норм сообщества в национальные правовые системы государств-членов и установление иерархического приоритета норм сообщества в соответствующих сферах; сложная и взаимосвязанная правовая архитектура, способная регулировать как вертикальные отношения между сообществом и государствами-членами, так и горизонтальные – межгосударственные и межинституциональные; эффективные и независимые институты, обладающие полномочиями и ресурсами для применения, интерпретации и обеспечения соблюдения норм права сообщества; системы мониторинга, правоприменения и разрешения споров, обеспечивающие санкционирование нарушений и восстановление прав субъектов; добросовестное исполнение обязательств государствами-членами, основанное на принципе *pacta sunt servanda*; инклюзивность и вовлеченность гражданского общества, включая

[114] Pescatore P. Les exigences de la démocratie et la légitimité de la Communauté // Cahiers de droit européen. 1974. Vol. 10, № 5. P. 501.

формирование структурированных групп заинтересованных сторон, имеющих возможность участвовать в принятии решений на национальном и региональном уровнях.

Однако даже самая продуманная юридическая конструкция теряет свою эффективность в отсутствии должной институциональной среды. Реализация интеграционного права требует устойчивых политических институтов, высокого уровня управленческой компетенции и прежде всего подлинной политической воли к совместному развитию. В условиях дефицита институциональной устойчивости, коррупционных рисков и ограниченной административной емкости правовые механизмы интеграции нередко оказываются недееспособными или формализованными.

Таким образом, правовая интеграция в Африке должна рассматриваться не как легкодостижимая в краткосрочной перспективе цель, а как долгосрочная стратегия, требующая сочетания нормативного прогресса, институционального созревания и политического консенсуса. В этом контексте необходимо еще раз подчеркнуть особую значимость модели ALDIM, в рамках которой право рассматривается как неотъемлемый элемент развития, а правовая интеграция – как необходимое условие устойчивого развития регионального экономического объединения.

Таким образом, европейские теории интеграции, сформировавшиеся в специфических исторических и институциональных условиях послевоенной Европы, оказали заметное влияние на ранние подходы к осмыслению интеграционных процессов в Африке, однако не обеспечили ожидаемой эффективности в продвижении интеграции. В этих условиях произошел постепенный отход от копирования навязываемых бывшими колонизаторами подходов в сторону формирования собственных моделей интеграции, учитывающих многоуровневую, неоднородную структуру региональной интеграции на континенте и приоритета координации, а не наднациональности.

1.2. Эволюция межгосударственного сотрудничества в Африке

Современные представления об африканской интеграции выходят далеко за рамки традиционного понимания ее как создания лишь координационных структур. Интеграция все в большей степени рассматривается как инструмент, который не только обеспечивает согласованность действий государств, но и должен активно способствовать диверсификации национальных экономик и процессам индустриализации континента. Эти задачи приобретают особую значимость в условиях кризиса многостороннего сотрудничества и нарастающей глобальной нестабильности, что требует от африканских государств более глубокого и содержательного подхода к интеграционному развитию[115].

На первом этапе региональной интеграции (1889–1979) реализовывались преимущественно субрегиональные инициативы, тесно связанные с политической программой панафриканского движения. В этот период совместные усилия африканских государств в основном были направлены на решение общих политических целей и не рассматривались как экономическая необходимость.

Чтобы понять современную необходимость углубления региональной интеграции, важно рассмотреть основные этапы ее исторического развития. Формирование идеи общеафриканского единства относится к рубежу XIX–XX столетий и было обусловлено необходимостью противодействия колониальной экспансии европейских держав, а также политике расового неравенства в отношении народов Африки. Существенную роль в развитии данной идеи сыграло панафриканское движение: в период 1900–1945 годов был проведен ряд панафриканских конгрессов, объединивших политических деятелей, представителей интеллектуальных кругов и африканской диаспоры, многие из

[115] Davies R. The Politics of Trade in the Era of Hyperglobalisation: A Southern African Perspective // The South Centre. 2019. URL: https://www.southcentre.int/wp-content/uploads/2019/11/Bk_2019_The-Politics-of-Trade-in-the-Era-of-Hyperglobalisation-A-Southern-African-Perspective_EN.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

которых впоследствии стали руководителями независимых африканских государств.

Хотя главным приоритетом того времени было обретение независимости, идея африканского единства занимала значимое место прежде всего в культурном и идеологическом, а не в институциональном измерении. Именно панафриканизм как выражение континентальной идентичности народов Африки формировал основу будущей региональной интеграции и отличал ее от аналогичных процессов в других развивающихся регионах[116].

С конца 1950-х годов идея региональной экономической интеграции начала получать распространение в странах так называемого третьего мира[117]. Период после Второй мировой войны стал временем активной деколонизации: в 1957 году Гана стала первой страной к югу от Сахары, добившейся независимости, а к концу 1963 года около 80 % африканских стран освободились от колониального господства. Значительное влияние на формирование интеграционной повестки оказал Кваме Нкрума – первый премьер-министр Ганы, организовавший три всеафриканские конференции (1957, 1960, 1961). По мнению Г. Б. Айиттея, «во-первых, конференции проводились с целью стимулирования движений за независимость в других колониях; во-вторых, они служили дипломатической основой для создания политического союза африканских государств»[118].

Процессы региональной интеграции в постколониальный период стали важным компонентом стратегии развития Африканского континента. С 1960-х годов страны Африки начали создавать институциональные механизмы для реализации этой цели. В 1963 году была учреждена Организация африканского единства, которая стала первой общеафриканской платформой для ведения

---

[116] Ellis S. (ed.). Africa Now: People, Policies, and Institutions. London : James Currey ; Portsmouth : Heinemann, 1996. P. 225.
[117] Economic Issues of Developing Countries / E. Malhasian, L. Belov, St. Mechev [et al.]. Sofia : VII Karl Marks, 1977. 155 p.
[118] Ayittey G. B. The United States of Africa: A Revisit // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2010. Vol. 632, iss. 1. P. 89.

политического диалога и координации действий в целях объединения независимых стран континента.

По сути, ОАЕ представляла собой межправительственную структуру, поскольку ее Устав практически не предусматривал создание наднациональных институтов и опирался на принцип консенсуса при принятии решений. Основное внимание в деятельности ОАЕ уделялось продолжению процесса деколонизации, сохранению независимости новых государств и уважению существующих границ. Целями ОАЕ, в соответствии с ее Уставом, являлись «(i) содействие укреплению единства и солидарности африканских государств; (ii) координация и активизация их сотрудничества и усилий, направленных на обеспечение более высокого уровня жизни народов Африки; (iii) защита суверенитета, территориальной целостности и независимости; (iv) искоренение всех форм колониализма в Африке; (v) содействие международному сотрудничеству с учетом положений Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека»[119]. ОАЕ стала действенным инструментом солидарной поддержки освободительных движений в тех странах, которые на тот момент оставались колониями и стремились к обретению независимости[120].

Одним из ключевых принципов ОАЕ стало невмешательство во внутренние дела государств-членов. Как отмечает Т. Мурити, эта политика «доводилась до крайности, позволяя национальным режимам безнаказанно угнетать собственное население и не предпринимать никаких мер в ответ на массовые нарушения прав человека в соседних странах»[121]. В результате организация функционировала в большей степени как дискуссионный форум, не обладая реальными механизмами влияния. Тем не менее ОАЕ удалось частично стабилизировать ситуацию на

---

[119] Charter of the Organization of African Unity, 25.03.1957 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf (дата обращения: 17.04.2026).
[120] Kimenyi M. S. An African Union for an Emerging Continent: Reforms to Increase Effectiveness // Africa Growth Initiative. 2015. P. 28.
[121] Murithi T. The African Union: Pan-Africanism, Peacebuilding and Development. Hampshire : Ashgate Publishing Ltd, 2005. P. 26.

континенте: по наблюдениям исследователей, количество вооруженных конфликтов в Африке в этот период несколько сократилось[122].

Нехватка политической воли у государств-членов препятствовала частичной передаче ОАЕ своих полномочий и ответственности. В период с 1963 по 1970 год было проведено семь очередных заседаний Ассамблеи, основной повесткой которых оставались конфликты на континенте, вопросы независимости и деколонизации. Хотя в рамках организации затрагивались темы экономического сотрудничества, практические шаги в этом направлении не предпринимались.

В целях координации экономической политики и наращивания экспортных доходов от реализации сырьевых товаров африканские государства инициировали создание ряда специализированных межгосударственных объединений в отдельных секторах экономики. К числу таких механизмов сотрудничества относятся Международная организация по кофе, Союз стран-производителей какао, Африканский совет по арахису, Межправительственный совет государств – экспортеров меди, Ассоциация производителей каучука и другие профильные структуры. Часть указанных организаций продолжает функционировать по настоящее время, что свидетельствует о сохранении значимости координации экспортной политики для государств африканского континента.

Предполагалось, что экономическое объединение будет катализатором устойчивого развития региона. При этом в среде африканских политиков и ученых существовало мнение, что для достижения поставленных целей необходим как экономический, так и политический союз[123]. В этот период африканские государства придавали приоритетное значение восстановлению внутриконтинентальных связей и расширению собственной компетенции в

---

[122] Michel S. European Integration Theories and African Integration Realities : MSc thesis Leiden University, 2012. P. 39.

[123] African Development Bank. African Economic Outlook 2019 // African Development Bank. 2019. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/AEO_2019-EN-CHAP3.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

принятии решений, что обусловило важность региональной интеграции как средства социально-экономического возрождения[124].

Реализация этих устремлений нашла выражение в формировании региональных экономических сообществ, заключении новых торговых соглашений и развитии дипломатических контактов между африканскими странами. Эти шаги были направлены на преодоление колониального наследия и продвижение собственных стратегий развития на афроцентричной основе.

Деятельность ОАЕ в рассматриваемых направлениях оказалась результативной: такие страны, как Гвинея-Бисау, Ангола, Мозамбик, Намибия и другие, добились независимости, а Нельсон Мандела стал президентом Южно-Африканской Республики, что ознаменовало конец режима апартеида[125]. В 1994 году ЮАР стала членом организации.

К достижениям ОАЕ в миротворческой сфере можно отнести урегулирование нигерийского кризиса, вызванного попыткой отделения восточной части Нигерии – самопровозглашенной Республики Биафра – 30 мая 1967 года. Организация не допустила легитимацию сепаратистской Биафры, в результате был предотвращен эффект домино с тяжелыми последствиями для всего Африканского континента[126].

Однако ОАЕ столкнулась с объективными трудностями при достижении социально-экономических целей, включая гармонизацию экономической политики государств-членов[127]. ОАЕ можно охарактеризовать как организацию,

---

[124] Locke J. B. Death at Birth: The Political, Economic and Social Impact of the Decolonization and Perpetual Neocolonial Control of Congo : Master’s thesis. University Chicago, 2010. 202 p. URL: https://via.library.depaul.edu/etd/21/ (дата обращения: 10.10.2025).

[125] Fon N. N. State of the Union: Innovations and Illusions in the March towards African Integration : Master’s thesis. Eastern Mediterranean University, 2018. 106 p.

[126] Мазов С. В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967–1970 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 392.

[127] Art. 2 of the Charter of the Organization of African Unity, 25.03.1957 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

«занимающуюся политикой, а не экономикой»[128]. К положительным результатам деятельности организации в данном направлении относится подписание Договора об учреждении Африканского экономического сообщества в 1991 году, который содержал план по достижению общеконтинентальной экономической интеграции в течение 34 лет. Хотя этот договор и не удалось реализовать в рамках ОАЕ, он заложил основу для дальнейшей интеграции на Африканском континенте.

Тем не менее именно в рамках политических встреч лидеров африканских государств постепенно формировалась идея экономического союза, которая в дальнейшем нашла отражение в Договоре об учреждении Африканского экономического сообщества.

В 1980-е годы обострилась проблема неоколониализма – явления, при котором бывшие метрополии продолжали оказывать влияние на развивающиеся страны преимущественно через экономические механизмы. Метрополии достигали своих глобальных политических целей посредством реальной экономической деятельности в бывшем колониальном мире[129].

С начала 1980-х годов интеграционные инициативы вступили во второй этап – более ориентированный на международную экономическую систему. Этот этап ознаменовался подписанием и вступлением в силу в 1994 году Абуджийского договора, который заложил юридическую основу для поэтапного формирования Африканского экономического сообщества.

В ходе чрезвычайного саммита 1980 года ОАЕ приняла Лагосский план действий, кульминацией которого стало подписание Договора об учреждении Африканского экономического сообщества. Данный договор вступил в силу в мае

---

[128] Mathews K. Renaissance of Pan-Africanism: The AU and the New Pan-Africanists // The Transformation of Organisation of African Unity to African Union, 1963–2007: A Review / A. Adoo, W. Atera, S. Wycliff (eds.). Johannesburg : Jacana, 2008. Vol. 8. P. 159–175.

[129] Malhasian E. Neocolonialism – Economic Activities and Political Objectives. Sofia : Partizdat, 1979.

1994 года, зафиксировав намерение сторон создать целостную интегрированную экономическую зону, охватывающую весь Африканский континент[130].

Цели АЭС включают в себя обеспечение устойчивого экономического роста, углубление интеграционных процессов между национальными экономиками, а также продвижение моделей самодостаточного и эндогенного развития. Важным направлением деятельности АЭС также является координация и гармонизация политики между действующими и перспективными региональными экономическими сообществами.

Процесс формирования Африканского экономического сообщества, согласно Договору, был рассчитан на шесть этапов, проводимых в течение 34 лет, с предполагаемым завершением в 2028 году.

Процесс поэтапной реализации Африканского экономического сообщества, изложенный в статье 6 Договора об учреждении АЭС, представляет собой последовательную шестиступенчатую модель региональной и континентальной интеграции, рассчитанную на период до 2028 года. Ниже представлен краткий анализ каждого из этапов с учетом текущего состояния их реализации.

Первый этап: укрепление и формирование РЭС (до 1999 года)

На первом этапе предполагалось укрепление уже существующих региональных экономических сообществ и создание новых там, где они отсутствовали. К моменту вступления в силу Договора об учреждении АЭС в Африке функционировали следующие РЭС:

- Магрибский союз;
- Общий рынок Восточной и Южной Африки;
- Экономическое сообщество государств Западной Африки;
- Экономическое сообщество государств Центральной Африки;
- Южноафриканское сообщество развития.

К 2001 году к ним были добавлены:

---

[130] Treaty Establishing the African Economic Community // African Union : [офиц. сайт]. 03.06.1991. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-TREATY_ESTABLISHING_THE_AEC-compressed.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

- Межправительственное агентство по развитию;
- Экономическое сообщество стран Сахеля и Сахары;
- Восточноафриканское сообщество.

С 2006 года было принято решение не признавать другие региональные организации в качестве составных элементов АЭС с целью консолидации усилий вокруг признанных восьми РЭС. Подробные причины этого решения перечислены в главе 2 настоящей диссертации.

Второй этап: устранение барьеров для торговли (до 2007 года)

В рамках второго этапа РЭС должны были в течение восьми лет принять меры по снижению или полной отмене тарифов, квот и иных ограничений, препятствующих внутренней торговле. Предусматривалась координация политики в сферах торговли, финансов, транспорта, связи, промышленности и энергетики, а также согласование и гармонизация деятельности между различными РЭС. Несмотря на наличие институциональных и политических трудностей, наблюдался определенный прогресс в укреплении отдельных секторов РЭС, что позволило приступить к реализации третьего этапа[131].

Третий этап: создание зон свободной торговли и таможенных союзов (до 2017 года)

Третий этап предполагал полную ликвидацию торговых барьеров в рамках отдельных РЭС и формирование зон свободной торговли (ЗСТ), сопровождаемых введением единых внешнеторговых тарифов – то есть созданием таможенных союзов. Почти все РЭС завершили этот этап в той или иной степени за исключением САМ, ИГАД и СЕНСАД. В целом прогресс в реализации третьего этапа можно оценить как удовлетворительный, хотя внутренние конфликты и нестабильность, особенно в регионе Магриба, существенно затрудняют достижение целей третьего этапа[132].

---

[131] Mlenga K. Assessing the Progress of Africa's Economic Integration in Light of the Establishment of the African Economic Community // Acadmia.edu. 2012. P. 7.
[132] Ibid. P. 8.

Четвертый этап: формирование Африканского таможенного союза (до 2019 года)

На этом этапе предполагалось объединение таможенных союзов всех РЭС в единый Африканский таможенный союз. Создание трехсторонней ЗСТ между КОМЕСА, ВАС и САДК (2008) стало важным шагом в процессе устранения торговых барьеров между крупнейшими региональными блоками. Однако унифицированная континентальная таможенная политика пока не реализована; гармонизация внешнеторговых тарифов остается фрагментарной.

Пятый этап: создание африканского общего рынка (до 2023 года)

На пятом этапе предусматривалось создание общего рынка с полным свободным движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Учреждение Африканской континентальной зоны свободной торговли в 2019 году и ее формальный запуск в 2021 году стали значительным достижением. Однако механизм функционирования остается частично реализованным: сохраняются нетарифные барьеры, до конца не завершено согласование правил происхождения, а вопросы трудовой мобильности остаются нерешенными. Указанный срок не был соблюден.

Шестой этап: создание экономического и валютного союза (до 2028 года)

Финальный этап предполагает введение общей валюты, создание наднациональных институтов экономического управления и согласования макроэкономической политики. На сегодняшний день практическая реализация этого этапа еще не начата. Отсутствие макроэкономической конвергенции и нежелание отдельных государств передавать суверенные полномочия на наднациональный уровень делают достижение поставленных целей к 2028 году крайне маловероятным.

Таким образом, несмотря на успешное формирование и институционализацию большинства региональных экономических сообществ (этапы I–III) и частичный прогресс в создании зон свободной торговли, углубление интеграции на континентальном уровне существенно отстает от установленных

сроков. Четвертый и пятый этапы – формирование единого таможенного пространства и общего рынка – остались незавершенными, а реализация шестого, заключительного этапа по созданию экономического и валютного союза пока даже не начата. Учитывая отсутствие унифицированной таможенной политики, сохраняющиеся барьеры внутри АКЗСТ, а также политико-экономические ограничения, можно утверждать, что выполнение интеграционного плана в срок до 2028 года представляется малореалистичным.

Существенной особенностью модели, закрепленной в Договоре об учреждении АЭС, является использование региональных экономических сообществ в качестве базовых «строительных блоков» для формирования общеафриканского интеграционного механизма. При наличии более пятидесяти государств-членов именно такой подход позволяет обеспечить институциональную управляемость на ранних этапах интеграционного процесса. Вместе с тем на Африканском континенте функционируют более четырнадцати РЭС, находящихся на разных стадиях развития. Каждое из них обладает собственной институциональной структурой, правосубъектностью и целями, а значительная часть государств одновременно участвует в нескольких сообществах. Это приводит к правовой фрагментации и возникновению институциональных противоречий, затрудняющих реализацию интеграционных целей АЭС.

Ключевыми органами Африканского экономического сообщества являются:

- Ассамблея глав государств и правительств;
- Совет министров;
- Панафриканский парламент;
- Экономическая и социальная комиссия;
- Суд;
- Генеральный секретариат;
- специализированные технические комитеты[133].

[133] Art. 7 of the Treaty Establishing the African Economic Community, Abuja, 03.06.1991 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-TREATY_ESTABLISHING_THE_AEC-compressed.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Ассамблея глав государств и правительств выступает в качестве высшего органа Африканского экономического сообщества[134]. Она несет главную ответственность за реализацию задач и достижение целей Сообщества[135]. В круг ее полномочий входит определение стратегических направлений интеграционной политики, формулирование директив, а также координация и гармонизация экономической, научной, технической, культурной и социальной политики государств-членов. Ассамблея уполномочена принимать необходимые меры для достижения целей Сообщества, осуществлять надзор за деятельностью его институтов и контролировать выполнение обязательств государствами-членами.

Ассамблея утверждает структуру Секретариата, избирает генерального секретаря и его заместителей, а также назначает ключевых должностных лиц, включая финансового контролера, главного бухгалтера и внешних аудиторов. Ее компетенция также включает утверждение внутренних правил Секретариата, принятие бюджета и распределение финансовых обязательств между государствами-членами. Кроме того, Ассамблея может передавать дела в Суд АЭС в случае нарушения государством-членом или органом Сообщества своих обязательств, превышения полномочий или злоупотребления ими. Также Ассамблея имеет право запрашивать у Суда консультативные заключения по правовым вопросам[136].

Совет министров выполняет функции по текущему управлению и координации деятельности Сообщества[137]. Он формирует рекомендации для Ассамблеи, направленные на реализацию интеграционных задач, осуществляет руководство подчиненными структурами, вносит предложения по бюджету и назначению финансовых должностных лиц, а также может обращаться в Суд с запросами о консультативных заключениях. В пределах своей компетенции Совет

[134] Ibid. Art. 8 (1).
[135] Ibid. Art. 8 (2).
[136] Ibid. Art. 8 (3).
[137] Ibid. Art. 11 (2).

исполняет функции, предусмотренные Договором об учреждении АЭС и делегированные ему Ассамблеей[138].

Панафриканский парламент был учрежден с целью обеспечения широкого участия народов Африки в процессах экономического развития и континентальной интеграции[139]. Его правовой статус, полномочия и структура закреплены в специальном Протоколе, подписанном после вступления в силу Договора об учреждении АЭС[140]. На текущем этапе парламент выполняет исключительно консультативные и совещательные функции[141]. Каждое государство-член делегирует пять парламентариев, включая не менее одной женщины. Делегаты назначаются или избираются национальными парламентами или иными представительными органами из числа действующих депутатов[142]. Стратегическая цель заключается в постепенной трансформации Панафриканского парламента в полноценный законодательный орган, формируемый путем прямых всеобщих выборов[143].

Экономическая и социальная комиссия включает в себя министров, отвечающих за вопросы экономического планирования, развития и интеграции. При необходимости к работе Комиссии привлекаются другие министры, а также представители региональных экономических сообществ, которые участвуют в заседаниях Комиссии. К числу основных функций Комиссии относятся разработка стратегий и политик в области экономического и социального сотрудничества как внутри Африки, так и во взаимодействии с международным сообществом; координация и контроль деятельности Секретариата, комитетов и вспомогательных органов в научной, культурной, технической и социальной

---

[138] Ibid. Art. 11 (3).
[139] Ibid. Art. 14.
[140] Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community relating to the Pan-African Parliament, 02.03.2001 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36301-treaty-0022_-_protocol_to_the_treaty_establishing_the_african_economic_community_relating_to_the_pan-african_parliament_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).
[141] Ibid. Art. 2 (3) (i).
[142] Ibid. Arts. 4; 5.
[143] Ibid. Art. 2 (3).

сферах; анализ докладов и подготовка рекомендаций для Ассамблеи через Совет; содействие согласованию деятельности различных РЭС и подготовка к международным переговорам с последующей оценкой их результатов и представлением отчетов.

Суд Африканского экономического сообщества должен был осуществлять судебный надзор и консультативные функции, но фактически не работает по сегодняшний день.

Генеральный секретарь возглавляет Секретариат, является его официальным представителем и несет ответственность за реализацию решений Ассамблеи и постановлений Совета. Среди его обязанностей – координация программ и проектов развития, подготовка предложений по бюджету и программе деятельности, контроль за их исполнением, представление отчетности органам Сообщества, организационно-техническое обеспечение заседаний, проведение научных исследований, направленных на достижение целей интеграции, а также подбор и назначение кадров для работы в структурах АЭС[144].

Основной целью создания АЭС было снижение экономической зависимости африканских государств от внешних партнеров, стимулирование устойчивого экономического роста и развитие внутриконтинентальных связей. Договор предусматривал не только формирование общего рынка, но и учреждение Африканского центрального банка, а также создание Африканского суда. Однако реализация этих институтов началась лишь с 2003 года и уже проходила в рамках Африканского союза, ставшего правопреемником Организации африканского единства и институциональной основой для дальнейшего углубления процесса интеграции на континенте.

Для понимания текущего правового регулирования интеграционных процессов на Африканском континенте важно рассмотреть взаимосвязь между АЭС и АС.

---

[144] Art. 22. of the Treaty Establishing the African Economic Community, 03.06.1991 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-TREATY_ESTABLISHING_THE_AEC-compressed.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Согласно Договору об учреждении АЭС, Сообщество позиционируется как «неотъемлемая часть» Организации африканского единства[145]. Несмотря на такой статус, АЭС формально сохраняет самостоятельность, обладая целеполагающей направленностью на создание экономического единства среди африканских государств. Однако фактическая институциональная автономия АЭС с момента ее создания в значительной степени нивелировалась: ее функции были перераспределены в пользу координационных структур ОАЕ, а впоследствии – Африканского союза.

Договор об учреждении АЭС предусматривал институциональное дублирование с ОАЕ. В частности, статьи 11 (1) и 15 (1) прямо устанавливали, что Совет министров АЭС и Экономическая и социальная комиссия АЭС одновременно выполняют функции аналогичных органов ОАЕ[146]. Это означало, что фактически АЭС опирался на уже существующие механизмы ОАЕ, не создавая дублирующих структур. Тем не менее, несмотря на юридическое и политическое слияние, членство в этих организациях не является тождественным: из 55 государств – членов АС 50 ратифицировали Договор об учреждении АЭС[147].

В июле 2002 года в Дурбане состоялась 38-я очередная сессия Организации африканского единства, на которой было принято решение учредить новое объединение в качестве ее преемника – Африканский союз. Переход от ОАЕ к АС представлял собой не просто смену названия, а качественную трансформацию ее концептуальных основ – переход от международной межправительственной организации к интеграционному объединению. Формирование Африканского союза тесно связано с «новым панафриканизмом», ориентированным прежде всего на продвижение прав человека, демократическое управление и экономическое

---

[145] Ibid. Preamble; arts. 1 (c); 82 (1); 98 (1); 99.
[146] Ibid. Art. 21 (1).
[147] List of Countries Which Have Signed, Ratified/Acceded to the Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36403-sl-PROTOCOL_TO_THE_TREATY_ESTABLISHING_THE_AFRICAN_ECONOMIC_COMMUNITY_RELATING_TO_FREE_MOVEMENT_OF_PERSONS-1.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

развитие[148]. Учредительным актом АС предусмотрены социально-экономические цели, такие как содействие устойчивому развитию, стимулирование научной деятельности, ускорение экономической интеграции на континенте, а также координация и гармонизация деятельности РЭС[149].

С созданием Африканского союза в 2002 году и вступлением в силу его Учредительного акта произошло качественное изменение в институциональной конфигурации. Новый правовой документ отменил Устав ОАЕ, заменив его более всеобъемлющим и динамичным правовым инструментом. В то же время государства – члены АС подтвердили свою приверженность целям Договора об учреждении АЭС и выразили готовность ускорить реализацию континентальной экономической интеграции. Однако Учредительный акт не предложил исчерпывающего правового механизма, регламентирующего взаимодействие между АС и АЭС. Единственное положение, напрямую затрагивающее АЭС, содержится в статье 33 (2), которая устанавливает приоритет положений Учредительного акта над любыми противоречивыми нормами Договора об учреждении АЭС: «Положения настоящего Акта имеют приоритет над любыми противоречащими или противоположными положениями Договора об учреждении Африканского экономического сообщества и заменяют их».

Таким образом, АЭС трансформировалось в функциональный компонент АС, представляющий собой экономический блок – своего рода «экономическое крыло» Африканского союза[150]. Все его ключевые полномочия и институциональные функции были фактически интегрированы в систему управления АС.

С момента своего создания Африканский союз стал ключевой институциональной платформой, нацеленной на углубление политической и

---

[148] Okhonmina S. The African Union: Pan-Africanist Aspirations and the Challenge of African Unity // Journal of Pan African Studies. 2009. Vol. 3, № 4. P. 89.
[149] Art. 3 of the Constitutive Act of the African Union.
[150] Kouassi R. N. The Itinerary of the African Integration Process: An Overview of the Historical Landmarks // African Integration Review. 2007. Vol. 1, № 2. P. 6.

экономической интеграции Африканского континента. Учредительный акт АС наряду с целями обеспечения мира, безопасности и соблюдения прав человека закрепляет и ряд амбициозных экономических задач: содействие социально-экономической интеграции, укрепление позиции Африки в глобальной экономике, продвижение устойчивого развития, а также координация и гармонизация политики между существующими и будущими региональными экономическими сообществами[151]. Фактически Африканский союз формирует институционально-правовую основу континентального уровня интеграции. Об этом, в частности, свидетельствует развитие в его рамках АЭС и создание АКЗСТ, направленных на формирование единого экономического пространства на континенте.

С момента образования Африканского союза в 2002 году Африканское экономическое сообщество органически стало частью его институционально-правовой архитектуры. Тем не менее деятельность Африканский союза неоднократно подвергалась серьезной критике. Ряд исследователей отмечали, что он является скорее «реинкарнацией ОАЕ под новым названием»[152]. Например, Т. Малува выражал сомнения в способности АС эффективно отвечать на вызовы глобализации и нового регионализма[153]. Однако в отличие от своего предшественника Африканский союз получил расширенные наднациональные полномочия. В частности, были учреждены Панафриканский парламент, Африканский суд, а также закреплено право вмешательства в дела государств-членов в случаях военных преступлений, геноцида и преступлений против человечности.

На практике АС реализовал несколько миротворческих операций, включая:

- Дарфур (Судан, 2006);
- Сомали (АМИСОМ, 2007);

---

[151] Art. 3 of the Constitutive Act of the African Union.

[152] Michel S. European Integration Theories and African Integration Realities : MSc thesis Leiden University, 2012. P. 45

[153] Maluwa T. From the Organisation of African Unity to the African Union: Rethinking the Framework for Inter-State Cooperation in Africa in the Era of Globalisation // University of Botswana Law Journal. 2009. Vol. 9. P. 55.

- Анжуан (Коморские острова, 2008).

Кроме того, союз осуществил интервенции в поддержку конституционного порядка:

- в Того (2005);
- в Мавритании (2005–2007);
- в Мали (2012–2013).

Важным элементом институционального укрепления Африканского союза стало учреждение в 2001 году Нового партнерства в интересах развития Африки (NEPAD) – стратегической инициативы, направленной на обеспечение устойчивого экономического роста, улучшение управления и мобилизацию внутренних ресурсов развития. NEPAD заложило новые основы для активного участия самих африканских государств в управлении трансформационными реформами, с особым акцентом на инфраструктуру, сельское хозяйство, образование, здоровье и развитие частного сектора. Программа способствовала укреплению партнерских отношений с международными донорами на принципах взаимной ответственности и с 2010-х годов была институционально интегрирована в структуру АС через преобразование в Агентство планирования и координации NEPAD с отчетностью перед органами союза.

В 2003 году в рамках АС был также создан Совет мира и безопасности, обладающий полномочиями по предупреждению конфликтов, поддержанию мира и проведению миротворческих операций. Его учреждение стало важной частью архитектуры Африканской системы коллективной безопасности. В 2007 году АС принял Протокол о взаимоотношениях между АЭС и РЭС, который имел целью устранение институциональной фрагментации, дублирования мандатов и пересекающегося членства между различными региональными интеграционными блоками. Это позволило заложить основы согласованного механизма многоуровневого управления в рамках общеафриканской интеграционной стратегии.

Ключевым программным документом стало принятие «Повестки дня – 2063: Африка, которую мы хотим» – комплексной стратегии, ориентированной на построение процветающего, объединенного и устойчивого континента. Данный документ закрепил в числе приоритетов развития континента экономическую интеграцию, развитие инфраструктуры, цифровую трансформацию, укрепление верховенства права и расширение участия граждан.

Наиболее значительным достижением последних лет стало учреждение Африканской континентальной зоны свободной торговли, подписанной в 2018 году и официально запущенной в 2021 году. АКЗСТ объединила 54 государства и стала крупнейшим интеграционным проектом по числу участников с момента создания Всемирной торговой организации. АКЗСТ направлена на устранение 90% тарифов, преодоление нетарифных барьеров, создание единого африканского рынка товаров и услуг, а в перспективе – на продвижение движения капитала и трудовой мобильности. Также были запущены смежные инициативы, включая Протокол о цифровой торговле, Протокол об инвестициях и Панафриканский механизм электронных платежей и расчетов.

Таким образом, несмотря на сохраняющиеся структурные вызовы, Африканский союз продемонстрировал значительный прогресс в институциональном и нормативном развитии континентальной интеграции. В следующих главах будет подробно рассмотрено правовое регулирование АС и АКЗСТ.

1.3. Особенности интеграционных процессов в Африке

1.3.1. Влияние колониализма и неоколониализма на интеграционные процессы

Колониальный период оставил глубокий след в истории Африки. Как отмечают африканские исследователи, с XVIII века и вплоть до середины XX века

большинство стран континента подвергались европейской колонизации, что радикально изменило траекторию их социально-экономического развития. До сих пор Африка хочет избавиться от зависимости от Запада: западных рынков, технологий и инвестиций[154]. Именно поэтому континенту необходимо единство[155], чтобы минимизировать уязвимость перед воздействием бывших колониальных держав, которые упорно стараются сохранить существующую систему международного разделения труда, в которой Африке отведена роль поставщика основных сырьевых товаров.

Колониальный контроль изменил структуру и характер торговли в Африке. Введение европейских правовых норм и торговых правил нарушило устоявшиеся формы межгосударственного обмена, которые ранее способствовали мирному сосуществованию и развитию взаимных связей между африканскими общинами. Колониальное правление стало результатом конкуренции между европейскими державами за контроль над африканскими ресурсами[156]. В условиях колониализма торговля на континенте была переориентирована преимущественно на экспортно-импортные операции, что преждевременно включило африканские страны в глобальную торговую систему. Отсутствие необходимой нормативно-правовой базы и политической самостоятельности серьезно ограничивало их возможности в мировой экономике. К концу XIX – началу XX века почти весь континент находился под колониальным управлением. Это обстоятельство оказало долговременное неблагоприятное воздействие на экономическую структуру и торговые модели стран Африки, последствия которого до сих пор ощущаются в процессе региональной интеграции.

---

[154] Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Грядущий «девятый вал» деколонизации // Вся Европа.ru. 2019. № 1-2 (137). URL: http://alleuropa.ru/?p=16190 (дата обращения: 01.09.2025).

[155] Abdulrahman A., Abraham M. P. Comparative Analysis of African Union (AU) and European Union (EU): Challenges and Prospects // International Journal of Peace and Conflict Studies. 2021. Vol. 3, № 1. P. 47.

[156] Austin G. African Economic Development and Colonial Legacies // Institut de hautes études internationales et du développement. 2010. № 1. P. 14.

Интеграция в Африке не является замкнутым и изолированным процессом – на нее оказывают влияние многочисленные внешние факторы. Несмотря на то что интеграционные процессы преимущественно эндогенны и инициируются самими африканскими странами, нельзя недооценивать роль внешних акторов, а также исторические, геополитические, экономические и идеологические аспекты. Особенно значительное влияние на формирование контуров, структуры и динамики интеграции в Западной Африке оказали бывшие колониальные державы, прежде всего страны Европейского союза[157]. Однако влияние ограничивается не только ими – международные организации и новые глобальные игроки также все активнее вовлечены в процессы региональной интеграции в Африке.

Опыт европейской интеграции воспринимается не только как пример, но и как своего рода модель, которая служит ориентиром для африканских региональных интеграционных инициатив. Европейский союз твердо убежден в преимуществах региональной интеграции, рассматривая ее как эффективный инструмент устойчивого развития. В этом контексте ЕС оказывает разнообразную поддержку африканским регионам, включая политическую поддержку принципов интеграции, техническое содействие, финансовую помощь, а также поддержку через двусторонние программы развития стран – членов ЕС.

Стоит учитывать, что тот высокий уровень правовой интеграции, который на сегодняшний день достигнут в рамках Европейского союза, является результатом многолетней институциональной эволюции и нормативной консолидации, начатой еще в 1950-х годах[158]. В это время подавляющее большинство африканских государств находилось под колониальным контролем, и, следовательно, процессы их суверенного участия в региональной интеграции стали развиваться лишь со второй половины 1990-х годов. В этом контексте прямое сопоставление

---

[157] Bilal S. External Influences on Regional Integration in West Africa: The Role of Third Parties // Regional Trade and Monetary Integration in West Africa and Europe / R. Sohn, A. K. Oppong (eds.). Praia ; Bonn : West Africa Institute : ZEI, 2013. P. 33.

[158] Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. — С. 34.

европейского и африканского интеграционных проектов в части глубины правовой интеграции представляется не только методологически некорректным, но и игнорирующим фундаментальные историко-политические различия.

Одной из наиболее амбициозных инициатив, направленных на укрепление интеграции, являются переговоры об экономических партнерствах между африканскими регионами и ЕС. Однако, как отмечают многие африканские исследователи (Нкулулеко Хумало, Мбеки Табо, Атирно Ндомо и др.)[159], эти соглашения несут и потенциальные риски – в частности, они могут способствовать дальнейшей фрагментации уже существующих региональных экономических инициатив в Западной Африке.

Отсталость Африканского континента – это состояние, исторически порожденное капиталистической экспансией и империализмом, и совершенно очевидно, что оно не является неотъемлемым свойством самой Африки. Развитие африканских обществ было сознательно подорвано в процессе капиталистической экспансии, в частности из-за потери человеческого капитала в результате трансатлантической работорговли. Эта интерпретация подчеркивает внешне навязанный характер структурной слабости африканских государств.

Адебайо Адеджеджи, занимавший пост исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН для Африки в период с 1975 по 1991 год и внесший существенный вклад в формирование концептуальных основ африканского развития, включая Абуджийский договор 1991 года, выделяет две ключевые группы факторов, препятствовавших эффективной интеграции на континенте: внутренние и внешние[160].

Внутренние ограничения ранних интеграционных инициатив в значительной степени были обусловлены отсутствием действенных правовых и организационных рамок, а также нехваткой физической инфраструктуры –

---

[159] Oppong R. F. Legal Aspects of Economic Integration in Africa. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 211.

[160] Adedeji A. The economic evolution of developing Africa // The Cambridge History of Africa / M. Crowder (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 192–250.

транспортной, энергетической и коммуникационной. В условиях такого институционального и материального дефицита политическая воля африканских лидеров к интеграции ослабевала, что усугублялось нестабильностью внутриполитической ситуации в ряде государств.

Что касается внешних факторов, А. Адедеджи акцентирует внимание на двух аспектах. Первый – это глубоко укорененный европоцентристский вектор в экономической и торговой политике большинства африканских стран, унаследованный от колониального прошлого. Именно колониальные метрополии создали и институционализировали экспортно-сырьевую модель, ориентированную на обслуживание интересов внешнего мира, а не на внутреннее развитие[161]. После обретения независимости страны – инициаторы интеграции в значительной мере сохранили эту модель, что способствовало углублению внешней зависимости. Вместо ориентации на трансформацию социально-экономических структур, интеграционные механизмы преимущественно способствовали росту внешней торговли за счет экспорта сырья, игнорируя задачи внутреннего развития[162]. Второй аспект – это деструктивное воздействие транснационального капитала, который, по мнению А. Адедеджи, сознательно укреплял внешне зависимую модель развития. Во-первых, взаимодействие с многонациональными корпорациями создавало институциональную неопределенность и снижало заинтересованность национальных правительств в развитии внутриафриканской торговли. Во-вторых, сама идея экономической консолидации в Африке представляла угрозу устоявшейся международной системе распределения ресурсов, служившей основой накопления богатства на Глобальном Севере[163]. Стабильность этой системы зависела от сохранения неэффективных и

---

[161] Bienefeld M. Dependency Theory and the Political Economy of Africa's Crisis // Review of African Political Economy. 1988. Vol. 15. P. 68–87 ; Uche L. U. Some Reflections on the Dependency Theory // Africa. 1994. Vol. 8. P. 1–18.

[162] Adedeji A. The economic evolution of developing Africa // The Cambridge History of Africa / M. Crowder (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 201.

[163] Mutharika B. Multinational Corporations in Regional Integration: The African Experience // Development & Socio-Economic Progress. 1975 (publ. Cairo; ZDB-ID 860827-1). 1982. Vol. 6. P. 245.

зависимых моделей на Юге, что обусловило сопротивление проведению интеграционных реформ.

Таким образом, недостаточная результативность африканской интеграции объясняется как внутренними, так и внешними факторами. Альтернативный путь был возможен – при условии более глубокого понимания африканскими элитами собственных социально-экономических реалий и выработки эндогенных моделей развития, соответствующих специфике континента.

1.3.2. Региональные экономические сообщества

Отражением недостаточной сформированности правовой базы на национальном уровне является отсутствие в законодательстве многих африканских государств положений, необходимых для реализации решений, принимаемых в рамках региональных экономических сообществ. Конституционные акты и судебные системы стран континента нередко демонстрируют неопределенность и институциональную неподготовленность к имплементации норм сообществ в национальное законодательство. Прямое действие норм сообществ прямо не закреплено ни в одном из учредительных договоров РЭС, однако в САДК, ЭКОВАС и ВАМ указанный принцип применяется ограниченно в судебной практике.

Обязательства, принимаемые государствами в рамках региональных экономических сообществ, как правило, не проходят надлежащей правовой трансформации на национальном уровне, вследствие чего они не приобретают характера субъективных прав для физических и юридических лиц. Лица, пытающиеся реализовать права, основанные на нормах интеграционного права, в большинстве случаев сталкиваются с серьезными юридическими препятствиями. В совокупности это свидетельствует о низкой восприимчивости национальных правовых систем к правовым императивам экономической интеграции и об

ограниченной способности государств обеспечивать эффективную имплементацию наднациональных обязательств.

Сходные правовые пробелы характерны и для сферы межгосударственного взаимодействия. Проблематика взаимного признания и исполнения судебных актов, равно как и использование норм международного частного права в качестве инструмента урегулирования трансграничных частноправовых отношений, остается вне поля системного нормативного регулирования в рамках африканских РЭС.

Дополнительный пласт правовых противоречий возникает в связи с недостаточной проработкой соотношения африканских интеграционных процессов с международными экономическими режимами, в частности с правом Всемирной торговой организации (ВТО).

Особое значение приобретают такие вопросы, как правовой статус норм ВТО в структуре права африканских РЭС и национальных систем; методы согласования обязательств, возникающих в рамках ВТО и регионального сообщества; механизмы разрешения коллизий между нормами международного, наднационального и внутреннего права. По состоянию на сегодняшний день 44 африканских государства являются членами ВТО, а несколько региональных объединений официально уведомлены ВТО в соответствии с процедурой признания региональных соглашений[164]. Несмотря на то что данная работа не ставит своей задачей всесторонний анализ правового регулирования африканских РЭС и их взаимодействия с ВТО, указанная тематика остается крайне важной.

Африканский континент охвачен множеством перекрывающихся региональных интеграционных объединений, что создает сложную институциональную архитектуру.

По данным Экономической комиссии ООН для Африки, общее число действующих межправительственных организаций по состоянию на 2006 год

---

[164] Members and Observers // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата обращения: 01.11.2025).

достигало четырнадцати. Двадцать шесть из пятидесяти трех государств – членов Африканского союза одновременно входили как минимум в две из этих четырнадцати организаций, двадцать государств состояли в трех, а одно государство являлось членом четырех интеграционных объединений[165].

В таблице 1 (см. *Приложение*) содержится сводная информация о членстве стран в восьми РЭС, признанных Африканским союзом, по состоянию на 2025 год.

Из таблицы 1 видно, что на текущий момент сорок три из пятидесяти пяти государств – членов Африканского союза одновременно входят как минимум в два из восьми признанных региональных экономических сообществ, восемь государств состоят в трех, а одно государство является членом четырех интеграционных объединений. Можно проследить тенденцию, в соответствии с которой государства отказываются от множественного членства в РЭС: за двадцать лет количество государств, участвующих в трех РЭС, сократилось с двадцати до восьми.

Хотя региональные экономические сообщества признаны составными элементами Африканского экономического сообщества, сами по себе они не являются членами АЭС и не подписывали Договор об учреждении Африканского экономического сообщества. Членами АЭС являются отдельные африканские государства, которые одновременно входят в одно или несколько РЭС. Такое перекрестное членство порождает институциональные и правовые сложности, особенно в части соотношения полномочий и обязательств между АЭС и РЭС.

На данный момент в Африканском союзе ряд вопросов о правовом соотношении АЭС и РЭС остается в значительной степени без ответа: ни Договор об учреждении АЭС, ни Протокол об отношениях между АЭС и РЭС, ни договоры самих РЭС не содержат исчерпывающих положений, регламентирующих такие аспекты, как, например, статус и функционал региональных экономических

---

[165] United Nations Economic Commission for Africa. Economic Report on Africa 2006 // UNECA. 2006. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/era2006full.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

сообществ после их встраивания в систему Африканского экономического сообщества[166].

Экономическая комиссия ООН для Африки предложила следующее видение будущей архитектуры взаимодействия между АЭС и РЭС: «После формирования таможенных союзов и общих рынков внутри отдельных РЭС они объединятся, чтобы сформировать Африканский общий рынок, а затем и Африканское экономическое сообщество. В результате АЭС будет играть координирующую роль в отношениях с государствами-членами, а функции и структура РЭС будут пересмотрены с целью обеспечения реализации целей АЭС»[167]. Это предполагает иерархическое перераспределение функций в пользу наднациональных органов АЭС при условии, что РЭС согласуют с ним свои стратегии и институциональные формы.

Одна из ключевых проблем, связанных с формированием подобного объединения, состоит в существенной неоднородности уровней интеграции между различными РЭС. Ряд из них, в частности Восточноафриканское сообщество, достиг значительно более продвинутой стадии экономической интеграции, включая перспективу введения единой валюты, тогда как другие, например СЕНСАД или ИГАД, по-прежнему находятся на начальных этапах институционального и экономического взаимодействия. В данных условиях возрастает риск нивелирования интеграционных достижений более развитых сообществ в процессе унификации моделей сотрудничества.

Дополнительную сложность представляет феномен множественного членства. Многие африканские государства состоят сразу в двух или более РЭС, что приводит к дублированию функций, конфликту норм и институциональной перегрузке. Участие государств в нескольких РЭС одновременно приводит к

---

[166] Oppong R. F. The African Union, African Economic Community and Africa's Regional Economic Communities: Untangling a Complex Web // African Journal of International and Comparative Law. 2010. Vol. 18, № 1. P. 94.

[167] Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. 2010. URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

принятию на себя пересекающихся и нередко несогласованных обязательств, прежде всего в сфере торговой либерализации, тарифной политики и правил происхождения товаров, что затрудняет их одновременное исполнение. Это, в свою очередь, способствует фрагментации правового регулирования и формированию параллельных интеграционных режимов, не образующих единой согласованной системы, то есть фактически замедляющих дальнейшее формирование общеконтинентального интегрированного пространства, предусмотренного Абуджийским договором.

Для повышения эффективности интеграционного процесса государствам-членам необходимо определить, в рамках какого сообщества их участие является наименее затратным и наиболее эффективным с экономической точки зрения. Сокращение числа членств, основанное на рациональных экономических критериях, позволит сосредоточить усилия на углублении взаимодействия и упростит будущее институциональное слияние РЭС в рамках АЭС.

Таким образом, в перспективе успешной реализации целей Договора об учреждении АЭС ключевыми задачами остаются нормативное закрепление статуса РЭС в системе АЭС, устранение институционального дублирования, синхронизация уровней интеграции и последовательное выстраивание архитектуры, в которой АЭС будет играть ведущую координирующую роль.

Значительная часть РЭС последовательно реализует обязательства, вытекающие из Договора об учреждении АЭС в установленные сроки. Отдельные интеграционные объединения демонстрируют опережающие темпы институционального развития. Например, многие РЭС успешно продвигаются в реализации первых трех этапов, предусмотренных Договором, – начиная с постепенного снижения и отмены таможенных пошлин во внутригрупповой торговле, заканчивая созданием зон свободной торговли и формированием таможенных союзов.

Однако между РЭС существуют значительные различия. В то время как некоторые уже имеют действующие таможенные союзы, другие все еще не смогли

создать полноценные зоны свободной торговли. При этом неравномерные темпы прогресса усложняют процесс объединения усилий на континентальном уровне.

В этом контексте создание АКЗСТ рассматривается как первый шаг на пути к формированию Африканского таможенного союза, к общему рынку и в конечном итоге к полноценному функционированию АЭС.

В состав региональных экономических сообществ, объединяющих страны Африки к югу от Сахары, входят, за исключением КОМЕСА, преимущественно географически сопредельные государства. Географическая близость играет важную роль для экономической интеграции не только с точки зрения удобства коммуникаций и торговли, но и потому, что многие африканские страны лишены выхода к морю и зависят от соседей с береговой линией для доступа к транспортным маршрутам экспорта и импорта.

РЭС разделяют общую концепцию, направленную на содействие торговле и экономическому развитию в своих субрегионах, которая должна реализовываться через последовательные этапы экономической интеграции, которой содействует Африканский союз.

Хотя социально-политические, культурные и исторические факторы в значительной степени влияют на динамику интеграционных процессов, в данной работе акцент делается на особой роли права как центрального элемента экономической интеграции в Африке. Многие региональные сообщества уже прошли этап «правовой трансформации»: они располагают учредительными договорами и нормативно-правовыми актами, закрепляющими обязательные правовые нормы и создающими условия для более глубокого сближения и взаимодействия национальных правовых систем государств-членов.

Следует отметить, что в исследовании анализ ограничен восемью региональными экономическими сообществами, признанными АС, поскольку именно они формируют базовую архитектуру континентальной интеграции. Иные субрегиональные объединения, такие как Южноафриканский таможенный союз, Союз государств реки Мано, Экономическое сообщество стран Великих озер и

другие, не включаются, так как они не оказывают существенного влияния на формирование общеафриканского интеграционного пространства.

Рассмотрим общую характеристику восьми признанных РЭС.

Сообщество развития юга Африки (САДК)

Договор о Сообществе развития юга Африки, вступивший в силу в 1992 году, стал правовой основой интеграционного объединения стран южноафриканского региона. САДК возник как преемник Координационной конференции по развитию юга Африки (САДКК), образованной в 1980 году. Первоначальной задачей САДКК было обеспечение координации усилий стран региона по снижению зависимости от Южной Африки, находившейся в условиях апартеида, а также стимулирование экономического роста. Преобразование в полноценную организацию региональной интеграции состоялось в августе 1992 года с подписанием Договора о САДК[168] в Виндхуке (Намибия).

В соответствии со статьей 5 Договора, основными целями САДК являются «содействие устойчивому экономическому росту и социальному развитию государств-членов с целью сокращения и ликвидации бедности, улучшение уровня жизни населения, особенно уязвимых групп, через углубление региональной интеграции, а также укрепление демократии, мира, безопасности и стабильности посредством функционирования легитимных и эффективных институтов»[169]. Кроме того, организация направлена на продвижение коллективной самообеспеченности, согласование национальных и региональных программ развития, обеспечение рационального использования природных ресурсов в интересах экологической устойчивости и укрепление исторических, социальных и культурных связей между народами региона. Хотя экономическая интеграция не указана в числе целей статьи 5, она прямо упоминается в статье 1 Договора, где САДК определяется как организация экономической интеграции, а также в

---

[168] Declaration and Treaty of SADC, Windhoek, 17.08.1992 // Southern African Development Community : [офиц. сайт]. URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/2021-11/Declaration__Treaty_of_SADC_0.pdf (дата обращения:17.04.2026).
[169] Ibid.

преамбуле, в которой подчеркивается стремление государств-членов к консолидации ресурсов в целях осуществления как национальных, так и региональных программ развития.

В соответствии со статьей 3 Договора САДК является международной организацией и обладает правосубъектностью, а также правоспособностью и полномочиями заключать договоры, приобретать, владеть и отчуждать движимое и недвижимое имущество, а также выступать истцом и ответчиком в суде.

В подтверждение своих интеграционных устремлений в 2008 году САДК учредило зону свободной торговли, ставшую важным этапом углубления экономических связей между странами-членами. На 2010 год было запланировано создание таможенного союза, что должно было стать следующим шагом в реализации долгосрочной цели по формированию общего рынка и валютного союза, несмотря на то что реализация этих инициатив столкнулась с рядом институциональных и экономических вызовов. Статья 9 Договора о САДК определяет институциональную структуру организации, в которую входят Саммит глав государств и правительств – высший орган сообщества, ответственный за определение стратегических направлений развития; Совет министров, обеспечивающий реализацию решений Саммита; Секретариат, выступающий как исполнительный орган САДК, и Трибунал, призванный обеспечивать соблюдение положений договора и правовых норм организации. Кроме того, важную роль играют такие органы, как Постоянный комитет должностных лиц, Объединенный комитет министров, Орган по политике, обороне и безопасности, а также Национальные комитеты САДК, обеспечивающие взаимодействие между национальными правительствами и органами сообщества.

Сообщество активно пользуется своей международной правосубъектностью для заключения международных договоров. Так, в 2016 году было заключено Экономическое партнерское соглашение между ЕС и САДК[170], которое

[170] EU-SADC Economic Partnership Agreement, Kasane, 10.06.2016 // Eur-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22016A0916(01)&from=EN (дата обращения: 17.04.2026).

предусматривает асимметричное снижение тарифных барьеров, при котором государства САДК получают расширенный доступ на рынок Европейского союза при постепенной либерализации собственных рынков.

Таким образом, САДК представляет собой не только экономическое объединение, но и политико-правовую организацию, ориентированную на комплексное развитие региона на основе принципов устойчивости, взаимозависимости, демократии и солидарности. Ее правовая конструкция отражает стремление государств-членов к дальнейшему углублению интеграции, открывающей возможности для преодоления исторических последствий постколониального периода, а также для эффективного реагирования на современные вызовы глобализации и сокращения социально-экономического неравенства.

Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС)

Экономическое сообщество западноафриканских государств является региональным интеграционным объединением, функционирующим на основании Пересмотренного договора об учреждении ЭКОВАС, подписанного в Ломе в июле 1993 года и заменившего первоначальный Договор 1975 года[171].

Пересмотр был обусловлен необходимостью усиления интеграционного мандата организации и расширения сфер ее деятельности. С момента своего создания ЭКОВАС выступает одним из ключевых институтов регионального сотрудничества в Западной Африке, реализуя как экономические, так и политико-правовые задачи, направленные на углубление интеграционных процессов и укрепление устойчивого развития региона.

В соответствии со статьей 3 Пересмотренного договора основными целями ЭКОВАС «являются содействие экономическому сотрудничеству и интеграции с конечной целью создания экономического союза в Западной Африке, повышение уровня жизни населения, укрепление экономической стабильности, развитие

[171] Revised Treaty of the Economic Community of West African States, Abuja, 28.05.1975 // Economic Community of West African States : [офиц. сайт]. URL: https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

добрососедских и дружественных отношений между государствами-членами, а также посильный вклад в общий прогресс и развитие Африканского континента»[172]. В пункте 2 статьи 3 определены конкретные механизмы достижения этих целей, в том числе гармонизация и координация национальной политики в ключевых секторах, а также реализация совместных программ и инициатив в таких областях, как продовольственная безопасность, сельское хозяйство, природные ресурсы, промышленность, транспорт и связь, энергетика, торговля, финансы и налогообложение, экономические реформы, человеческий капитал, образование, наука, технологии, здравоохранение, культура, туризм, а также вопросы правового регулирования. Центральное место в интеграционной стратегии ЭКОВАС занимает формирование общего рынка и экономического союза, предполагающее единую политику в экономической, финансовой, социальной и культурной сферах, а также создание валютного союза.

Организационно ЭКОВАС обладает разветвленной институциональной структурой, обеспечивающей как координацию политики, так и правовое сопровождение интеграционного процесса. Высшим органом сообщества является Орган глав государств и правительств, принимающий ключевые решения и определяющий стратегический курс развития. Совет министров координирует реализацию решений и программ, Парламент сообщества обеспечивает участие граждан в законодательной инициативе на наднациональном уровне, а Суд сообщества исполняет функции судебного органа, обеспечивающего соблюдение права ЭКОВАС и разрешающего споры между участниками. Важную роль также играют Исполнительный секретариат (ныне преобразованный в Комиссию ЭКОВАС), Экономический и социальный совет, Фонд сотрудничества, компенсаций и развития, а также специализированные технические комиссии, ответственные за разработку и внедрение программ в профильных секторах.

Таким образом, ЭКОВАС на сегодняшний день представляет собой зрелую региональную организацию с комплексной правовой и институциональной

---

[172] Ibid.

архитектурой, направленной на создание интегрированного и устойчивого экономического пространства в Западной Африке[173]. В отличие от других субрегиональных образований ЭКОВАС демонстрирует готовность к политической и экономической унификации, а его правовая база свидетельствует о стремлении государств-членов преодолеть имеющиеся внутренние барьеры и выйти на уровень наднационального управления, соответствующий задачам достижения устойчивого развития и укреплению континентальной солидарности.

Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА)

Общий рынок Восточной и Южной Африки является одним из крупнейших интеграционных объединений на африканском континенте, учрежденным на основе Договора об учреждении Общего рынка Восточной и Южной Африки[174], вступившего в силу в 1994 году. КОМЕСА возник как правопреемник зоны преференциальной торговли, созданной в 1982 году в рамках усилий по углублению экономической кооперации между государствами Восточной и Южной Африки.

В соответствии со статьей 3 Договора КОМЕСА ключевыми целями «организации являются содействие устойчивому экономическому росту и развитию государств-членов, обеспечение сбалансированного и гармоничного развития их производственных и рыночных структур, разработка и реализация совместных экономических стратегий и макроэкономических программ, направленных на повышение уровня жизни населения региона»[175]. Кроме того, особое внимание уделяется созданию благоприятного инвестиционного климата для внутренних, трансграничных и иностранных инвестиций, стимулированию научно-технического прогресса, укреплению мира, безопасности и стабильности в

---

[173] Злобин Е. В. Правовое регулирование трансграничной мобильности в рамках ЭКОВАС: проблемы гармонизации и обеспечения безопасности // Закон и власть. 2026. № 2. С. 144.
[174] Treaty Establishing the Common Market for Eastern and Southern Africa, Kampala, 05.11.1993 // Common Market for Eastern and Southern Africa : [офиц. сайт]. URL: https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2019/02/comesa-treaty-revised-20092012_with-zaire_final.pdf (дата обращения: 17.04.2026).
[175] Ibid.

регионе, а также формированию единой позиции на международных форумах и продвижению целей Африканского экономического сообщества.

Реализация этих задач в рамках КОМЕСА осуществляется через поэтапное углубление экономической интеграции. Договором предусмотрено создание таможенного союза, ликвидация всех нетарифных барьеров во взаимной торговле, введение единого внешнего тарифа и унификация процедур таможенного администрирования. Фактически таможенный союз КОМЕСА был официально учрежден в 2009 году, что стало важной вехой на пути формирования общего рынка, цель которого – обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капитала и людей. В долгосрочной перспективе, как зафиксировано в стратегических документах сообщества, предполагается внедрение элементов финансового союза до 2025 года, что подчеркивает высокую степень интеграционных амбиций[176].

Институциональная структура КОМЕСА построена на принципах многоуровневого управления, охватывающего как политико-стратегические, так и технические и судебные аспекты функционирования сообщества. Высшим органом объединения выступает Орган глав государств и правительств, который принимает ключевые решения в области политики и развития. Совет министров координирует реализацию интеграционной повестки, Межправительственный комитет осуществляет общее руководство деятельностью технических органов, а Комитет управляющих центральными банками обеспечивает координацию в сфере финансово-валютной политики. Суд КОМЕСА выполняет функции судебного органа сообщества, обеспечивая соблюдение права и ведение процедур по разрешение споров, возникающих между государствами-членами. Секретариат КОМЕСА действует как исполнительный орган, обеспечивающий административную поддержку и реализацию общих программ и проектов. Кроме того, важную роль играют технические комитеты и Консультативный комитет,

[176] Medium Term Strategic Plan 2021–2025 // COMESA. URL: https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2022/03/4Final-MTSP-2021-2025-English-Reviewed-2_feb.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

обеспечивающие экспертную проработку секторальных направлений сотрудничества.

Таким образом, КОМЕСА представляет собой полноценное региональное экономическое сообщество с развитой институциональной и правовой системой, направленной на поэтапное построение интегрированного экономического пространства. Его деятельность ориентирована не только на решение экономических задач, но и на достижение более широкой цели – содействие устойчивому развитию и поддержанию стабильности в регионе Восточной и Южной Африки через механизмы взаимозависимости, интеграции и наднационального регулирования.

Восточноафриканское сообщество (ВАС)

Восточноафриканское сообщество представляет собой региональную межгосударственную организацию, целью которой является углубление политической, экономической, социальной и правовой интеграции государств Восточной Африки. ВАС было официально учреждено Договором об учреждении Восточноафриканского сообщества[177], вступившим в силу в 2001 году, однако его истоки восходят к более ранним интеграционным процессам, сформировавшимся еще в колониальный период. В частности, сообщество продолжает традиции Восточноафриканского сообщества 1967 года, созданного на основе Договора о восточноафриканском сотрудничестве, объединившего бывшие постколониальные государства региона.

Цели ВАС, закрепленные в статье 5 Договора, заключаются в разработке и реализации согласованной политики и программ, направленных на углубление сотрудничества в различных областях – от экономики и политики до науки, техники, культуры, обороны, безопасности и судебных вопросов. В рамках этих целей государства-члены договорились о проведении поэтапной интеграции, включающей создание таможенного союза, формирование общего рынка,

[177] Treaty for the Establishment of the East African Community, Arusha, 30.11.1999 // East African Community : [офиц. сайт]. URL: https://www.eacj.org/?page_id=33 (дата обращения: 17.04.2026).

учреждение валютного союза и, в перспективе, трансформацию сообщества в политическую федерацию. Такая последовательность соответствует логике регионализации, заложенной в Африканском экономическом сообществе, и свидетельствует о высоком уровне политической воли государств-членов к углублению сотрудничества и постепенному движению в сторону наднационального объединения.

Таможенный союз ВАС был создан в середине 2000-х годов, а общий рынок официально начал функционировать в июле 2010 года, когда вступил в силу Протокол об Общем рынке[178], что стало важной вехой в развитии интеграционной модели Восточной Африки. В соответствии с протоколом предусмотрено свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы между государствами-членами. Высокая скорость и относительная эффективность интеграции ВАС обусловлены рядом объективных факторов: компактной географической структурой сообщества, исторически прочными экономическими и институциональными связями, сложившимися еще в колониальную эпоху, а также наличием устойчивых и в целом демократических политических систем, способствующих формированию дальнейшего регионального развития.

Высшим органом сообщества является Саммит глав государств и правительств, определяющий стратегическое направление развития и принимающий ключевые решения. Совет министров осуществляет координацию на исполнительном уровне, в то время как Координационный комитет и отраслевые комитеты разрабатывают и реализуют конкретные программы в профильных секторах, надзор за которыми осуществляют секторальные комитеты. Восточноафриканская законодательная ассамблея выполняет функции наднационального парламента, обеспечивая участие представителей государств-членов в законотворческом процессе, а Восточноафриканский суд обеспечивает соблюдение права ВАС, осуществляя судебный контроль. Секретариат служит

[178] Protocol on the establishment of the East African Community Common Market, Arusha, 20.11.2009 // East African Court of Justice : [офиц. сайт]. URL: https://eacj.org/wp-content/uploads/2012/08/Common-Market-Protocol.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

административным и техническим органом, ответственным за повседневное функционирование сообщества.

Правовая и институциональная архитектура ВАС отражает амбиции государств-членов по созданию не просто экономического союза, но и наднационального политико-правового пространства, ориентированного на устойчивое развитие, мир и безопасность в Восточной Африке.

Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭСГЦА)

ЭСЦГА создано с целью углубления экономического сотрудничества и содействия устойчивому развитию государств в Центральной Африке. Организация была официально учреждена подписанием Договора об учреждении Экономического сообщества государств Центральной Африки[179] в Либревиле (Габон) в 1983 году, а в 1985 году он вступил в силу. Создание ЭСГЦА стало частью континентальной стратегии по реализации проекта Африканского экономического сообщества, закрепленного в Лагосском плане действий (1980) и Договоре об учреждении Африканского экономического сообщества (1991).

Согласно положениям Договора об учреждении ЭСГЦА, в частности статье 4, целью объединения является содействие гармоничному и сбалансированному развитию государств-членов во всех сферах – экономической, социальной и культурной – с особым акцентом на углубление процессов экономической интеграции. Ключевыми задачами ЭСЦГА выступают обеспечение свободы передвижения товаров, услуг, капитала и людей, а также формирование общей политики в областях сельского хозяйства, промышленности, транспорта и связи, энергетики, использования природных ресурсов, внешней торговли и таможенного регулирования. Существенное внимание уделяется вопросам продовольственной безопасности, охраны окружающей среды и борьбы с бедностью. Особое место в миссии ЭСГЦА занимает укрепление мира, безопасности и стабильности в Центральной Африке, что обусловлено историческими и современными вызовами

[179] Treaty Establishing the Economic Community of Central African States, Libreville, 18.10.1983 // UNCTAD : [офиц. сайт]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2401/download (дата обращения: 17.04.2026).

региона, традиционно подверженного конфликтам и политической нестабильности.

В рамках договорных обязательств государства-члены подтвердили общее стремление к созданию зоны свободной торговли, таможенного союза и, в долгосрочной перспективе, общего рынка.

В соответствии со статьей 7 Договора об ЭСГЦА организационно-правовая структура объединения включает в себя следующие ключевые институты: «Конференцию глав государств и правительств, которая выступает высшим политическим органом сообщества и определяет стратегические направления развития; Совет министров, осуществляющий координацию и мониторинг выполнения решений; Суд; Генеральный секретариат, выполняющий административные и исполнительные функции; Консультационную комиссию, которая осуществляет вспомогательные функции и поддержку Совету министров; специализированные технические комитеты»[180]. Система правосудия ЭСГЦА пока находится в стадии институционального формирования и не обладает развитым механизмом судебного контроля, аналогичным, например, Суду САДК или Суду ЭКОВАС.

Таким образом, ЭСГЦА представляет собой важную правовую и институциональную платформу для интеграции государств Центральной Африки, несмотря на сохраняющиеся структурные и политические вызовы. Правовая конструкция сообщества направлена на формирование единого экономического пространства, способного стать опорой устойчивого развития, мира и безопасности в регионе. В условиях высокой степени политической и институциональной фрагментации Центральной Африки ЭСГЦА остается ключевым инструментом для реализации как субрегиональных, так и континентальных целей интеграции в рамках Африканского союза.

---

[180] Ibid.

Межправительственная организация по развитию (ИГАД)

Межправительственная организация по развитию представляет собой региональное интеграционное объединение стран Восточного Африканского Рога, учрежденное с целью координации усилий государств-членов в области устойчивого развития, сохранения мира, безопасности и поддержании процесса региональной интеграции. Современная ИГАД была создана на основе пересмотра и расширения полномочий своей предшественницы – Межправительственной организации по борьбе с засухой и опустыниванием, учрежденной в 1986 году. После череды экологических, экономических и политических кризисов в регионе в 1996 году государства-члены приняли решение о преобразовании организации в более широкую и институционально укрепленную структуру – ИГАД, существующую в ее нынешнем виде.

В соответствии со статьей 7 Договора об учреждении Межправительственной организации по сотрудничеству[181], принятого в 1996 году, основными целями организации являются содействие экономическому сотрудничеству и интеграции, обеспечение мира, стабильности и безопасности в регионе, а также координация усилий по преодолению последствий засух, опустынивания, изменения климата и других вызовов устойчивому развитию. Организация активно занимается формированием единой региональной политики в сферах сельского хозяйства, окружающей среды, торговли, транспорта, энергетики, образования, здравоохранения и управления природными ресурсами. Одно из направлений ИГАД – миротворческая деятельность: организация играет ключевую роль в посредничестве и урегулировании конфликтов в Сомали, Судане и Южном Судане, а также в разработке механизмов раннего предупреждения и предотвращения кризисов.

Интеграционные цели ИГАД включают поэтапное углубление экономического взаимодействия между государствами-членами. Хотя организация

[181] Agreement Establishing the Intergovernmental Authority on Development, Nairobi, 21.03.1996 // ICPALD : [офиц. сайт]. URL: https://icpald.org/download/agreement-establishing-igad/ (дата обращения: 17.04.2026).

пока не достигла стадии создания таможенного союза или общего рынка, ее стратегия предусматривает согласование торговых режимов, упрощение трансграничного перемещения товаров и услуг, унификацию транспортной инфраструктуры и развитие взаимосвязей между экономиками региона. Особое внимание ИГАД уделяет вопросам трансграничного управления природными ресурсами, в том числе водными, что имеет критическое значение в засушливых и полузасушливых зонах Восточной Африки. Кроме того, организация является важным участником общеафриканских инициатив в рамках континентальной интеграционной архитектуры Африканского союза и Плана действий по развитию инфраструктуры в Африке.

Высший орган ИГАД – Ассамблея глав государств и правительств, обладающая полномочиями по принятию политических решений и определению приоритетов развития. Совет министров осуществляет политическую координацию и надзор за реализацией решений Ассамблеи, а Секретариат ИГАД выступает в качестве исполнительного органа и обеспечивает реализацию программ и административное управление. Комитет послов состоит из послов или уполномоченных представителей государств – членов ИГАД, аккредитованных в стране, где расположена штаб-квартира ИГАД. Он собирается по мере необходимости для консультирования и оказания поддержки Секретариату.

Правовая и институциональная архитектура ИГАД сосредоточена не только на экономической интеграции, но и на поддержании мира, обеспечении устойчивого развития и регулировании вопросов, связанных с воздействием природных и климатических угроз, что делает ИГАД уникальным региональным объединением на Африканском континенте. Однако в настоящее время ИГАД не смог приступить к функционированию зоны свободной торговли и остается одним из наименее развитых интеграционных объединений наряду с САМ и СЕНСАД.

Союз арабского Магриба (САМ)

Союз арабского Магриба представляет собой региональное интеграционное объединение стран Северо-Западной Африки, созданное с целью углубления

сотрудничества между государствами Магриба в политической, экономической, социальной и культурной сферах. САМ был учрежден подписанием Договора об учреждении Союза арабского Магриба[182] в Марракеше 17 февраля 1989 года. В состав организации входят пять государств: Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко и Тунис. Эти страны объединены не только географически, но и исторически, культурно и лингвистически, поскольку все являются арабскими и в большинстве своем мусульманскими государствами, унаследовавшими схожую правовую и административную систему.

В соответствии со статьей 2 Договора об учреждении Союза арабского Магриба его цели заключаются прежде всего в координации действий государств-членов в политической сфере, направленных на укрепление уз братства, в проведении согласованной политики в различных областях общественной жизни и содействии поддержанию мира, основанного на принципах справедливости и равенства. САМ также ориентирован на обеспечение экономического прогресса, создание условий для устойчивого развития государств-членов и поэтапную реализацию свободы передвижения лиц, услуг, товаров и капитала.

Несмотря на амбициозный характер поставленных целей, практическая реализация интеграционных инициатив оказалась крайне затруднительной. Главным препятствием стали глубокие политические противоречия между ключевыми государствами региона, прежде всего между Алжиром и Марокко, включая нерешенный вопрос о статусе Западной Сахары. Эти разногласия, усугубленные отсутствием эффективных механизмов разрешения споров и слабой институциональной структурой, фактически парализовали деятельность организации на протяжении последних десятилетий.

Высшим органом, ответственным за принятие стратегических решений, является Президентский совет, определяющий основные направления развития Союза и утверждающий ключевые политические решения. Подготовка заседаний

[182] Treaty Establishing the Arab Maghreb Union, Marrakesh, 17.02.1989 // United Nations : [офиц. сайт]. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201546/volume-1546-I-26844-English.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Президентского совета и координация текущей работы входят в компетенцию Совета министров иностранных дел.

Кроме того, в структуре Союза функционируют специализированные министерские комитеты, которые занимаются отдельными направлениями сотрудничества между государствами-членами.

Исполнительную функцию в рамках САМ выполняет Генеральный секретариат, обеспечивающий административную и организационную поддержку всех структур Союза, а также деятельность Консультативного совета. Консультативный совет состоит из представителей законодательных органов государств-членов и выполняет функцию консультирования по проектам решений Совета президентства, выдвигает мнения и разрабатывает рекомендации по ключевым вопросам интеграционного взаимодействия.

Таким образом, Союз арабского Магриба представляет собой пример интеграционного объединения, чьи правовые и институциональные основы соответствуют модели регионального сообщества, но практическая реализация интеграционных задач существенно ограничена политическими реалиями. САМ по-прежнему сохраняет формальный статус региональной организации, однако его институциональный застой наглядно демонстрирует, что политическая воля и урегулирование межгосударственных конфликтов являются необходимыми предпосылками успешной интеграции. При этом деятельность объединения остается практически парализованной.

Экономическое сообщество сахаро-сахельских государств (СЕНСАД)

Экономическое сообщество сахаро-сахельских государств представляет собой региональное интеграционное объединение, созданное с целью укрепления сотрудничества между государствами Сахеля и Сахары в области экономики, развития, безопасности и социальной интеграции. СЕНСАД было учреждено в феврале 1998 года в Триполи (Ливия) на основе Устава, подписанного первоначально шестью странами: Буркина-Фасо, Чадом, Ливией, Мали, Нигером и Суданом. В последующие годы организация значительно расширилась, включив в

свой состав 25 государств. Такое расширение отразило стремление к более широкой интеграции в зоне, охватывающей как арабскую, так и субсахарскую части Африканского континента.

Согласно Пересмотренному договору СЕНСАД[183] ключевыми целями сообщества являются сохранение и укрепление мира, безопасности и стабильности на территории СЕНСАД; содействие политическому диалогу и борьба с трансграничной преступностью и связанными с ней угрозами, такими как торговля наркотиками, оружием и людьми, отмывание денег и терроризм; противодействие опустыниванию, засухе и изменению климата; развитие экономического, торгового, научного и социокультурного сотрудничества; развитие инфраструктуры; а также обеспечение свободного передвижения лиц, товаров и услуг.

Однако, несмотря на масштаб заявленных задач, фактическая реализация интеграционных инициатив сталкивается с рядом серьезных препятствий: слабой институциональной базой, недостаточным уровнем экономической взаимозависимости между государствами-участниками и высокой степенью политической нестабильности в регионе. Тем не менее организация продолжает функционировать как важная платформа для межгосударственного диалога, особенно в вопросах региональной безопасности и гуманитарного взаимодействия.

Институциональная структура объединения включает в себя Конференцию глав государств и/или правительств; Исполнительный совет; Постоянный совет мира и безопасности; Постоянный совет по устойчивому развитию; Комитет послов и постоянных представителей; Исполнительный секретариат; Экономический, социальный и культурный совет; Сахаро-Сахельский банк инвестиций и торговли.

Таким образом, СЕНСАД представляет собой объединение государств сахаро-сахельского пояса, ориентированное на формирование единого

[183] Community of Sahel-Saharan States Revised Treaty, N’Djamena, 16.02.2013 // Electronic Database of Investment Treaties. URL: https://edit.wti.org/document/show/5dbd7174-6ed3-403d-a5ed-9b1de76cd34e (дата обращения: 17.04.2026).

экономического и политического пространства, способного реагировать на сложные и разноплановые вызовы региона. Однако интеграция в рамках СЕНСАД в настоящее время остается преимущественно декларативной: зона свободной торговли и общий рынок так и не были созданы как вследствие пересечения мандатов с другими региональными экономическими сообществами (ЭКОВАС, ЭСГЦА, КОМЕСА), так и из-за недостаточной институциональной устойчивости организации.

Несмотря на имеющиеся проблемы, региональные экономические сообщества играют ключевую роль в архитектуре африканской интеграции и тесно связаны с деятельностью Африканского союза, выступающего как координирующий орган континентального уровня[184].

Таким образом, африканская интеграция следует собственным, уникальным путем, отличающимся от классических моделей регионализма, основанных на жесткой институциональной централизации в рамках одного наднационального объединения. Вместо этого на африканском континенте складывается многоуровневая и многослойная интеграционная система, в центре которой находятся восемь признанных Африканским союзом региональных экономических сообществ. Эти сообщества выступают не как конкурирующие или изолированные структуры, а как взаимосвязанные элементы, играющие роль «строительных блоков» для создания всеафриканского экономического пространства. Африканский союз, выполняющий координирующую и стратегическую функцию, и Африканская континентальная зона свободной торговли, создающая единые правила торгово-экономического взаимодействия, обеспечивают общую рамочную структуру, в которой усиливается синергия между РЭС.

Такой подход отражает специфику политических, правовых и социально-экономических реалий Африки, где разнообразие правовых систем, уровней

---

[184] Энтин М. Л., Злобин Е. В. Модернизация правовых основ взаимодействия Африканского союза с региональными экономическими сообществами в целях активизации интеграционных процессов в Африке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2026. Т. 22, № 2. С. 69.

развития и интеграционного опыта требует гибкой и инклюзивной модели. Вместо стремления к единому жесткому союзу по образцу Европейского африканская интеграция опирается на горизонтальное и вертикальное выстраивание связей между субрегиональными и континентальными структурами. В этом состоит главный вектор африканского интеграционного проекта: не заменить РЭС, а усилить их координацию и взаимную совместимость в рамках общеафриканского правового пространства, основанного на принципах сотрудничества, солидарности и постепенного сближения. При этом ключевая роль в развитии интеграции отводится Африканскому союзу, создающему институционально-правовую платформу для интеграции континента и дальнейшего слияния РЭС в единое экономическое пространство, в связи с чем в работе наиболее подробным образом рассматривается регулирование АС, АЭС и АКЗСТ как общеконтинентальных интеграционных проектов.

1.3.3. Имплементация права сообществ

Учредительные договоры региональных экономических сообществ часто содержат положения, определяющие соотношение между правом сообщества и национальным правом, а также порядок имплементации норм сообщества в национальное законодательство. В отсутствие таких положений приходится ориентироваться на национальные конституции и судебную практику.

Принцип прямого применения (direct application) права АЭС позволяет нормам права сообщества становиться частью национального права без необходимости применения дополнительных национальных имплементационных мер. Суд ЕС определяет прямое применение как вступление в силу норм права сообщества «независимо от какой-либо меры рецепции в национальное законодательство»[185]. Такая мера может выражаться в резолюции парламента, акте

[185] Amsterdam Bulb v. Produktschap voor Siergewassen (50/76) [1976] ECR 137 at 146 // Eur-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-

законодательного органа или решении органа исполнительной власти, например одобрении кабинета министров. Например, в статье 231 (3) Конституции Южноафриканской Республики зафиксировано, что «международное соглашение технического, административного или исполнительного характера либо соглашение, не требующее ратификации или присоединения, заключенное национальным исполнительным органом, является обязательным для Республики без одобрения Национального собрания и Национального совета провинций, однако должно быть представлено в Собрание и Совет в разумный срок»[186].

Характер и форма рецепции часто определяют возможность применения и исполнения соответствующего международного права на национальном уровне. В странах общего права для придания международным договорам силы в национальной системе обычно требуется принятие специального акта парламента; одной лишь ратификации договора зачастую недостаточно.

Например, в статье 231 (4) Конституции Южноафриканской Республики установлено, что «любое международное соглашение становится законом в Республике, когда оно вводится в действие посредством национального законодательства; однако самоисполняемое положение соглашения, одобренного Парламентом, имеет силу закона в Республике, если только оно не противоречит Конституции или акту Парламента»[187].

В отношении обычного международного права практика более гибкая: при условии доказательства существования нормы она обычно признается

---

content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61976CJ0050&qid=1776424109636 (дата обращения: 18.11.2025).

[186] The Constitution of the Republic of South Africa, 08.05.1996 // South African Government : [офиц. сайт]. URL: https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-act-200-1993-repealed-28-jan-1994 (дата обращения: 18.11.2025); аналогичные положения также имеются, например, в Конституциях Республики Малави и Кении. См. подробнее: Art. 211 (3) of The Constitution of the Republic of Malawi, 16.05.1994 // Malawi Government : [офиц. сайт]. URL: https://www.malawi.gov.mw/index.php/resources/documents/constitution-of-the-republic-of-malawi?download=44:constitution-of-malawi (дата обращения: 18.11.2025) ; art. 2 (5) of the Constitution of Kenya, 27.08.2010 // Parliament of Kenya : [офиц. сайт]. URL: https://www.parliament.go.ke/sites/default/files/2017-05/The_Constitution_of_Kenya_2010.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[187] Ibid. Art. 231 (4).

автоматически частью национального права. Поскольку право сообщества базируется преимущественно на договорах, оно не может рассчитывать на подобное отношение, как к обычному международному праву.

Прямое применение обеспечивает сохранение специфики норм сообщества внутри национальных правовых систем[188].

Опасности такой «национализации» права сообщества хорошо иллюстрирует южноафриканское дело *Мулла Груп Лтд против Комиссара налоговой службы ЮАР*. В этом деле рассматривался конфликт между национальным законодательным актом, включающим двустороннее торговое соглашение между ЮАР и Малави, и самим соглашением. Суд постановил, что в случае конфликта преимущество имеет национальный закон: «Если возникает явное противоречие между общими положениями закона и конкретными положениями соглашения, преимущественную силу должен иметь закон; соглашение, будучи промульгированным, по определению является частью закона»[189].

Данное решение ошибочно предполагает, что инкорпорация лишает международное право его независимого существования, что свидетельствует о рисках «национализации» международных норм.

Прямое применение также позволяет избежать одного из классических последствий традиционных способов придания международному праву силы – подчинения его национальной иерархии норм и правил коллизии. В национальных правовых системах коллизия норм разрешается с помощью правил, таких как принцип верховенства конституции, *lex specialis derogat legi generali* и *lex posterior derogat priori*[190].

---

[188] Oppong R. F. Legal Aspects of Economic Integration in Africa. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 402 p.

[189] A M Moolla Group Limited and Others v The Commissioner for SARS and Others (139/2002) [2003] // South African Revenue Service. – 2003. – URL: https://www.sars.gov.za/wp-content/uploads/Legal/Judgments/SCA/LAPD-DRJ-SCA-2003-02-AM-Moola-Group-Ltd-and-Others-26-March-2003.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[190] Ромашев Ю. С. Иерархия норм международного права при их применении и в нормотворческом процессе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 190.

Договор об Африканском экономическом сообществе содержит уникальное положение об автоматической принудительной силе. Статья 10 Договора предусматривает, что решения Ассамблеи глав государств и правительств «автоматически подлежат исполнению» через тридцать дней после их подписания Председателем Ассамблеи. Аналогично, статья 13 указывает, что постановления Совета министров должны быть утверждены Ассамблеей и «автоматически вступают в силу» через тридцать дней после подписания председателем Совета.

Концепция «автоматического приведения в исполнение» уникальна для Договора АЭС. Более поздние договоры КОМЕСА, САДК, ВАС и ЭКОВАС содержат схожие положения, но избегают использования формулировки «автоматически приводимые в исполнение».

В договоре об учреждении АЭС отсутствуют указания на уровень исполнения – на уровне сообщества или в государствах-членах, а также на субъекты исполнения – сообщества, государств или частных лиц. Целевое толкование предполагает, что автоматическое исполнение не должно ограничиваться только уровнем сообщества. Решения и постановления, подлежащие исполнению только внутри сообщества и не имеющие национального эффекта, будут противоречить обязательству государств-членов «соблюдать правовую систему сообщества»[191] и ослаблять эффективность права сообщества. Следовательно, следует считать, что автоматическая исполнимость включает исполнение как на уровне сообщества, так и на национальном уровне.

Однако остается открытым вопрос о содержании понятия автоматической исполнимости на национальном уровне. Это может означать:

1) прямое применение – отсутствие необходимости национальных мер для реализации решения или постановления;

2) прямое действие – возможность для отдельных лиц ссылаться на решения или постановления в национальных судах.

---

[191] Art. 3 (e) of the Treaty Establishing the African Economic Community.

Неопределенность этой концепции усугубляется тем, что статья 5 (2) Договора АЭС обязывает государства-члены принимать все необходимые меры для обеспечения принятия и распространения соответствующего законодательства, необходимого для реализации положений договора. Однако принятие такого законодательства несовместимо с принципом прямого действия.

В большинстве африканских государств для придания международному праву статуса внутреннего закона требуется принятие соответствующего нормативного акта исполнительной или законодательной власти. Вместе с тем суды в определенных обстоятельствах могут признать договоры и, соответственно, нормы права сообщества применимыми внутри страны даже при отсутствии формальной инкорпорации. Возможности судебного признания международного права зависят от характера законодательства, действий правительства, а также от подхода суда к доктрине разделения властей.

В африканской судебной практике опора на неинкорпорированные международные договоры особенно заметна в делах, связанных с защитой прав человека. Так, в ряде дел суды ссылались на неинкорпорированные договоры для толкования двусмысленных норм национального права. Например, в деле *Доу против Генерального прокурора*[192] Высокий суд Ботсваны признал дискриминационность положений Закона о гражданстве 1984 года, лишающих гражданства детей, рожденных у гражданок Ботсваны, состоящих в браке с иностранцами. Судья подчеркнул, что толкование закона подкрепляется обязательствами страны в рамках Конвенции ОАЕ о недискриминации, несмотря на то что Ботсвана ее не ратифицировала.

Хотя в апелляции генеральный прокурор оспаривал использование неинкорпорированных договоров, Апелляционный суд подтвердил возможность их применения, указав, что даже если договоры и конвенции не предоставляют лицам в пределах государства подлежащих принудительному исполнению прав до

[192] Dow v. Attorney-General 1991 BLR 233 (HC) // Citizenship Rights in Africa Initiative. URL: https://citizenshiprightsafrica.org/wp-content/uploads/2016/07/Dow-vs-AG-HCt.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

тех пор, пока парламент не придаст им силу закона, они все равно могут использоваться в качестве вспомогательных средств для толкования[193].

Аналогичный подход наблюдается и в других африканских странах. В Гане судья Арчер в деле *Новая патриотическая партия против Генерального инспектора полиции*[194] установил, что отсутствие специального национального законодательства, вводящего в действие Африканскую хартию прав человека и народов, не препятствует ее применению при вынесении судебных решений[195]. В деле *Мэри Роно против Джейн Роно и других* апелляционный суд Кении признал, что хотя международное право признается частью внутреннего права лишь при его инкорпорации, современная доктрина общего права допускает применение международного обычного и договорного права судами при отсутствии противоречий с национальным законодательством[196].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что суды могут придать силу нормам права сообщества без формальной инкорпорации, что представляет собой важный механизм повышения эффективности интеграционных процессов. Степень такого применения варьируется и зависит от конкретных обстоятельств, а также от способности стороны привлечь внимание суда к соответствующим нормам права сообщества. Как будет показано далее, практика подобного применения уже находит отражение в судебных делах.

Помимо использования права сообщества в качестве вспомогательного средства толкования для повышения его эффективности в государствах-членах, судебная практика может служить основанием для того, чтобы нормы права

---

[193] Attorney-General v. Dow 1992 BLR 119 (CA) // Citizenship Rights in Africa Initiative. URL: https://citizenshiprightsafrica.org/wp-content/uploads/1992/07/AG-vs-Dow-CA.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[194] New patriotic party v inspector-general of Police [1993–94] 2 GLR 459–509 // Studocu. URL: https://www.studocu.com/row/document/kwame-nkrumah-university-of-science-and-technology/constitutional-law/new-patriotic-party-v-inspector-general-of-police-2-glr-459-509-supreme-court/151931412 (дата обращения: 18.11.2025).

[195] Botha N., Olivier M. Ten Years of International Law in the South African Courts: Reviewing the Past and Assessing the Future // South African Yearbook of International Law. 2004. Vol. 29. P. 77.

[196] Mary Rono v. Jane Rono & Another [2005] eKLR // KenyaLaw. URL: https://kenyalaw.org/caselaw/cases/view/11233 (дата обращения: 19.07.2025).

сообщества наделяли отдельные лица правами на основе доктрины законных ожиданий. Эта доктрина широко признана в публичном праве многих стран общего права, включая африканские. Изначально доктрина была разработана как инструмент обеспечения процессуальной справедливости и правовой определенности, однако в настоящее время признано, что в некоторых случаях она способна создавать и материальные права для отдельных лиц. В ряде стран доктрина распространилась на договоры, которые были ратифицированы, но не инкорпорированы в национальное законодательство[197]. Тем не менее в африканской судебной практике дела по данному вопросу остаются редкими.

В настоящее время остается неясным, смогут ли африканские суды эффективно содействовать имплементации законов сообщества и каким образом это будет осуществляться, особенно в условиях, когда правительства в целом неохотно прибегают к инкорпорации законов сообщества в национальное законодательство. В этом контексте применение доктрины законных ожиданий и принципа последовательного толкования может стать важным шагом вперед. Такая практика может послать правительствам позитивный и весомый сигнал о том, что нормы права сообщества обладают реальной значимостью и последствиями на национальном уровне, а не являются лишь декларативными документами. Это, в свою очередь, способно стимулировать правительства к более ответственному отношению к процессу переговоров и ратификации договоров и законов сообщества. Хотя это пока остается предположением, важно помнить, что лучше иметь договор с реальным воздействием, чем формальный, не имеющий юридической силы.

В ряде судебных дел африканские суды обращались к целям и задачам сообществ. Например, в деле *Шах против Манурама Лтд*[198] угандийский суд

---

[197] Minister of Immigration and Ethnic Affairs v. Teoh (1995) 183 CLR 273 // Asian Development Bank. URL: https://lpr.adb.org/resource/minister-immigration-and-ethnic-affairs-vs-teoh-1995-183-clr-273-australia (дата обращения: 19.07.2025).

[198] Deepak K. Shah & 3 Others v Manurama Limited & 2 Others (Miscellaneous Application 361 of 2001) [2002] UGCommC 31 (5 February 2002) // ULII. URL:

отметил, что в Восточной Африке больше не может существовать автоматической и негибкой презумпции об обеспечении судебных расходов против истца, проживающего в зоне ВАС. Одним из факторов, повлиявших на решение суда, стало указание на цели сообщества, изложенные в статье 5 Договора о ВАС, в том числе необходимость разработки политик и программ, направленных на расширение и углубление сотрудничества между государствами-членами в правовой и судебной сферах для их взаимной выгоды.

Судебная опора на цели сообществ приобретает особое значение на современном этапе развития интеграционных объединений, когда нормативный массив права сообществ остается ограниченным, а государства не спешат с его полноценной инкорпорацией в национальные правопорядки. Обращение к целям сообществ позволяет судам формировать новые средства правовой защиты и выносить решения, направленные на укрепление интеграционных процессов. Такая практика особенно востребована в сферах признания и исполнения судебных решений, принятых в других африканских государствах.

Помимо использования целей сообществ в отдельных случаях суды ссылались и на материальные законы сообществ для подкрепления своих решений. Так, в деле *Джумбе и Анор против генерального прокурора*[199] малавийский суд руководствовался Протоколом Сообщества по развитию Юга Африки о борьбе с коррупцией как ориентиром по таким вопросам.

В деле *Хлорид Бэттерис Лтд против Вискозити и Орс*[200] малавийский суд учел положения статьи 55 Договора КОМЕСА, касающейся регулирования конкуренции, при вынесении судебного запрета, запрещающего ответчику

---

https://ulii.org/en/akn/ug/judgment/ugcommc/2002/31/eng@2002-02-05 (дата обращения: 18.11.2025).

[199] Jumbe & Anor. v Attorney General (1 of 2005; 2 of 2005) [2005] MWHC // MalawiLII. URL: https://malawilii.org/akn/mw/judgment/mwhc/2005/15/eng@2005-10-20 (дата обращения: 18.11.2025).

[200] Chroride Batteries Ltd v Viscocity & Ors. (1896 of 2006) [2006] MWHC 12 // ConnectedAFRICA. URL: https://data.connectedafrica.net/entities/194460.80fa082029ddb53e68ccaff551f16cd2b929a213 (дата обращения: 18.11.2025).

продавать на территории Малави якобы контрафактные аккумуляторы, импортированные из Кении.

Во многих из упомянутых дел суды недостаточно глубоко проанализировали содержание применяемых ими норм права сообщества и соответствующих целей интеграции. Если бы они это сделали, можно было бы более полно понять их отношение к праву сообществ и их вкладу в процессы экономической интеграции. Это также позволило бы точнее прогнозировать, как будут восприниматься будущие правовые акты, основанные на праве сообществ, даже при отсутствии их инкорпорации в национальные законодательства.

Из вышеизложенного следует, что помимо ситуаций, когда нормы права сообществ прямо инкорпорированы в национальное законодательство или прямо признаны источником национального права, существуют альтернативные механизмы их реализации. Это, в частности, доктрина законных ожиданий, принцип последовательного толкования национального законодательства в соответствии с международными нормами, а также судебная философия, допускающая ссылку на внешние нормы права. Эти подходы открывают возможность придания силы неинкорпорированным нормам права сообществ в государствах-членах. Это принесет пользу как самим сообществам, так и отдельным гражданам.

Однако при отсутствии конкретного законодательства, имплементирующего нормы права сообществ, полномочия судов ограничены. Их действия подчинены конституционному принципу разделения властей. Немаловажным остается и уровень информированности судей и юристов о существовании права сообществ, а также их готовность применять это право при вынесении судебных решений. Кроме того, роль судов во многом определяется контекстом: насколько часто нормы права сообществ становятся предметом судебного рассмотрения и насколько активно они используются в правовых аргументах.

В настоящее время право сообществ в большинстве государств-членов не обладает преференциальным статусом и воспринимается наравне с другими

источниками международного права. Хотя происхождение права сообществ из международного права не вызывает сомнений, для его эффективной имплементации требуется качественно иной подход, отличающийся от традиционных методов рецепции международных норм в национальные правовые системы.

Несмотря на десятилетия усилий в области экономической интеграции, остается неясным, насколько успешно осуществляется имплементация норм права сообществ в правопорядки государств-членов. Недостаточное внимание к этому аспекту формирует разрыв между правовыми системами сообществ и государств-членов, что в конечном итоге подрывает эффективность интеграционных процессов. Учитывая, что архитектура сообществ предполагает поэтапное развитие – от зоны свободной торговли до таможенного союза, общего рынка и, в перспективе, полноценного экономического сообщества, вопрос имплементации приобретает все большее значение. По мере углубления интеграции взаимодействие между правом сообществ и национальным правом будет становиться все более интенсивным и комплексным.

В этих условиях сообщества и государства-члены обязаны обеспечить более надежную и предсказуемую правовую основу для регулирования такого взаимодействия. Это предполагает необходимость проведения анализа существующих правовых препятствий в национальных правопорядках, включая как нормативные акты, так и судебную практику. На основе такого анализа следует внести соответствующие поправки в законодательство или принять новые нормативные акты, устраняющие выявленные барьеры.

Эта задача непосредственно вытекает из договорных обязательств государств-членов – создавать благоприятные условия для функционирования сообществ, воздерживаясь от мер, способных подорвать достижение их целей. Следовательно, государства-члены несут как юридическую, так и политическую ответственность за обеспечение совместимости своих правовых систем с правом сообществ.

Распространенное объяснение причин отсутствия прогресса в экономической интеграции через призму нехватки «политической воли» является недостаточным. Даже при наличии политической готовности у национальных правительств внедрять нормы права сообщества на практике в этом вопросе возникают серьезные правовые препятствия. Их преодоление требует комплексного пересмотра как наднациональных, так и национальных правовых механизмов, направленных на институциональное укрепление правового взаимодействия в рамках интеграционных объединений Африки.

ГЛАВА 2. Роль Африканского союза в развитии африканской интеграции

2.1. Правовая основа и институциональная система Африканского союза

2.1.1. Правовая природа Африканского союза

В Учредительном акте Африканского союза нет прямого указания на правовую природу организации, однако АС, несомненно, является международной организацией, обладая всеми необходимыми для этого признаками: создание в соответствии с международным правом, учреждение на основе международного договора, осуществление сотрудничества в конкретных областях деятельности, наличие соответствующей организационной структуры, наличие прав и обязанностей организации, самостоятельные международные права и обязанности организации[201].

Африканский союз обладает международной правосубъектностью. Учредительный акт Африканского союза не содержит прямых положений о правосубъектности АС, однако это положение вытекает из Генеральной конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Африканского единства, согласно которой организация обладает юридической правосубъектностью. Это также подтверждается значительным числом заключенных Африканским союзом договоров и его участием в международных спорах[202].

Учредительный документ АС выступает в качестве правотворческого акта, включенного в перечень источников международного права согласно статье 38(1) Статута Международного суда ООН. Все действия органов Африканского союза

---

[201] Бекяшев К. А. Международное право : учебник для бакалавров. Москва : Проспект, 2020. С. 312–313.

[202] The Court authorizes the African Union to participate in the proceedings. International Court of Justice. № 196-20250220-PRE-01-00-EN // International Court of Justice : [офиц. сайт]. URL: https://www.icj-cij.org/node/205168 (дата обращения: 18.11.2025).

должны строго соответствовать положениям учредительного договора для обеспечения принципа легитимности.

Учредительный акт, решения органов и судебная практика АС не дают определению понятия «право Африканского союза». Однако в некоторых африканских региональных документах содержится ссылка на право континентального уровня без определения или объяснения его значения. Например, в Статуте об учреждении Комиссии Африканского союза по международному праву есть ссылка на «законы Союза»[203], в Решении о создании Африканского института международного права в Аруше – ссылка на «законодательство АС», но опять же без определения[204], в Протоколе о поправках к Протоколу о Статуте Африканского суда и прав человека – ссылка на «законы Африканского союза»[205].

Также примечательно, что президент Международного суда Юсуфа Абдулакви охарактеризовал нормы, сформировавшиеся на континентальном уровне в Африке, как «публичное право Африки, которое обеспечивает нормативную основу для реализации политических, социальных и экономических целей панафриканизма. Оно также соответствует современным потребностям и чаяниям народов континента. Однако некоторые аспекты этого публичного права имеют универсальное предназначение в том смысле, что они могут в конечном итоге повлиять на принятие аналогичных норм на международном уровне»[206].

---

[203] Arts. 4(a), (e) of 33 Statute of the African Union Commission on International Law, EX.CL/478 (XIV) a (2009) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36388-treaty-0036_-_statute_of_the_african_union_commission_on_international_law_aucil_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[204] Decision on the Establishment of an African Institute of International Law in Arusha, The United Republic of Tanzania, Assembly/AU/14(XVIII) Add.5 (2012) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/1319/Assembly%20AU%20Dec%20405%20%28XVIII%29%20_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[205] Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights, Assembly/AU/Dec.529(XXIII) (2014) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36398-treaty-0045_-_protocol_on_amendments_to_the_protocol_on_the_statute_of_the_african_court_of_justice_and_human_rights_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[206] Yusuf A. A. Pan-Africanism and International Law. The Hague : Martinus Nijhoff Publishers, 2014. (The Pocket Books of the Hague Academy of International Law ; vol. 25). P. 185.

Таким образом, очевидно, что существует понимание того, что наряду с институтами АС развивается правовая система. Отсутствие определения, возможно, не имеет большого значения, поскольку правовой порядок можно рассматривать как органическое и необходимое следствие программы интеграции АС. Тем не менее право Африканского союза можно определить как совокупность договоров, резолюций, протоколов и решений, которые принимаются в рамках ОАЕ и АС.

ОАЕ выступала как межправительственная организация, чьи задачи были ориентированы на защиту суверенитета, территориальной целостности и независимости африканских государств в борьбе с колониализмом. В преамбуле Устава ОАЕ содержится признание «неотъемлемого права всех народов распоряжаться своей судьбой», что отражает особую важность, придаваемую суверенитету и территориальной целостности ее государств-членов. Устав ОАЕ не предусматривал формирование обязательного регионального права; напротив, он закреплял приоритет невмешательства во внутренние дела государств и принцип суверенного равенства. Таким образом, Устав не ставил задач по созданию механизмов наднационального контроля или правового регулирования, что отражало ограниченность интеграционных амбиций организации и ее преимущественно политико-символический характер в период деколонизации.

Во многом модель Европейского союза стала ориентиром при формировании Африканского союза, поскольку ЕС на протяжении длительного времени рассматривался как эталон регионального интеграционного объединения и предмет обширных научных исследований[207]. Именно поэтому отдельные элементы европейского интеграционного опыта были частично восприняты при создании АС, что проявляется в его институциональной структуре, провозглашенных целях и механизмах координации политики государств-членов.

[207] Babarinde O. The EU as a Model for the African Union: The Limits of Imitation // Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series. 2007. Vol. 7, № 2. P. 4.

Африканский союз взял за основу модель интеграционного объединения, к признакам которого относятся создание во имя достижения общих целей, для чего государства-участники передают в ведение создаваемого образования в строго лимитированной области определенные свои суверенные права и правомочия; формирование собственной правовой системы[208]. Перед АС поставлены такие цели, как активное содействие экономическому и политическому сотрудничеству между своими государствами-членами, обеспечение мира и стабильности в своем регионе.

Существенным вызовом для АС остается то, что бывшие колониальные державы – Великобритания и Франция – заложили долговременные разломы между своими бывшими колониями на континенте. До сих пор сказываются различия в политических институтах, образовательных системах и административной культуре между франкофонскими странами и членами Британского содружества. Помимо этого налицо и внутренние разломы между арабским Севером и странами Черной Африки, порой имеющими совершенно разные взгляды на цели и способы интеграции. Все это превращает провозглашаемое единство африканских народов в сложный, противоречивый процесс, не всегда способный продвинуться дальше заявлений и деклараций.

Общие культурно-исторические корни африканских народов также могут считаться ценностным основанием африканского объединения. Большинство африканских народов, за исключением населения Северной Африки, действительно обладает этническим и культурным сходством, а общий колониальный опыт сформировал у них коллективное стремление к независимости и укреплению суверенитета. Это стремление нашло отражение в ценностной основе Африканского союза, ориентированной на консолидацию усилий в противовес внешнему влиянию крупных держав и в борьбе с неоколониализмом. Однако на практике выработка общей политики в условиях столь глубоких

[208] Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 528 с.

структурных различий остается крайне затруднительной задачей. На фоне большого числа внутриафриканских конфликтов представляется, что общий колониальный опыт и общее стремление к независимости оказываются недостаточными факторами для объединения, необходимо нечто большее.

Европейский союз представляет собой не только территориальное объединение, но и идеологически ориентированный цивилизационный проект, основанный на общем наборе ценностей, включая демократию, господство права, свободы человека и рыночную экономику. Договор о Европейском союзе подтверждает, что членство в ЕС возможно для любого европейского государства, которое разделяет и соблюдает ценности уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам [209].

Для вступления в ЕС недостаточно получить одобрение большинства членов, кандидаты формально обязаны соответствовать Копенгагенским критериям, заключающимся в следовании демократическим началам и принципам общественного и государственного устройства, господстве права, принципа демократии, наличии свободной рыночной экономики, соблюдении правового достояния Европейского союза.

В соответствии с разъяснением Европейской комиссии перед вступлением в интеграционное объединение кандидаты должны урегулировать все пограничные споры. Однако в настоящее время имеется прецедент, свидетельствующий о том, что Европейский союз, руководствуясь преимущественно политическими соображениями, может отступать от установленных им же критериев. Наиболее показательный пример – предоставление статуса кандидата в члены ЕС Украине и Молдове, несмотря на их очевидное несоответствие отдельным положениям Копенгагенских критериев[210], особенно в части институциональной стабильности, верховенства права и уровня экономической готовности к интеграции, а также

[209] Arts. 2, 49 of the Consolidated Version of the Treaty of European Union.
[210] Presidency Conclusions. Copenhagen European Council, 21–22 June 1993 // European Council. URL: https://www.europarl.europa.eu/enlargement/ec/pdf/cop_en.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

имеющиеся неразрешенные пограничные споры. Это показывает, насколько нестабильны политические и географические границы Европейского союза.

С первого взгляда кажется, что все государства – члены Европейского союза похожи, ведь они принадлежат к единой европейской цивилизации, к единой европейской культуре. Но даже в рамках европейской культуры эта специфика огромна: от ставящей во главу угла порядок Германии до стран Средиземноморья со своей легендарной экзальтированностью и многовековой историей. Конечно, разрыв между европейскими странами гораздо меньше разрыва между африканскими, но и он указывает на гетерогенность объединения[211]. Но несмотря на все противоречия, Европейскому союзу удается объединять и скреплять свои государства-члены, благодаря ряду рассматриваемых ниже факторов.

Все политические, экономические и любые другие решения облекаются в нормы права ЕС и реализуются не в силу целесообразности и/или как политические установки, а как нормы права. Господство права в Европейском союзе представляет собой во многом искусственный конструкт – нормативно-политическую фикцию, возведенную в ранг конституирующего институционального императива. Оно призвано восполнить структурный и идеологический вакуум, образовавшийся в условиях невозможности формирования единой европейской идентичности. Подобно тому как не удается утвердить общеафриканскую идентичность, в ЕС попытки скрепить интеграционный проект через общие ценности наталкиваются на глубинные историко-культурные различия. Помимо этого в европейских государствах сложилась подходящая для интеграционных проектов политическая культура солидарности, позволяющая государствам – членам ЕС идти на уступки, приносить в жертву чему-то большему индивидуальные амбиции и интересы, настрой на то, чтобы неизменно добиваться общего результата. Все это вкупе с развитой институциональной структурой позволяет скрепить интеграционное объединение.

---

[211] Энтин М. Л. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 2. С. 33.

Важно отметить тот факт, что между структурой Африканского союза, рассматриваемой в следующем разделе, и Европейского союза существует определенное внешнее сходство по причине того, что основатели АС частично ориентировались на уже существующую модель ЕС[212].

Бюджет ЕС играет ключевую роль в обеспечении деятельности объединения и на 90 % складывается из «собственных ресурсов», включающих в себя таможенные пошлины, вклады в размере части НДС и ВНД, национальные взносы, основанные на количестве непереработанных отходов пластиковой упаковки, производимых государствами-членами, а также из профицита доходов ЕС и ряда других источников, таких как штрафы за нарушение антимонопольного законодательства[213]. Европейский союз придерживается принципа сбалансированности бюджета: ежегодные доходы должны полностью покрывать расходы. Кроме того, учредительные договоры Союза уполномочивают Европейскую комиссию привлекать займы на международных рынках капитала от имени ЕС для укрепления финансовой стабильности. Например, с 2021 года Европейская комиссия начала привлекать средства на рынках капитала для финансирования своего плана по восстановлению после кризиса, вызванного пандемией коронавируса[214].

В Европейском союзе не установлены специальные санкции за невыплату взносов в бюджет ЕС. Статьей 12 регламента ЕС № 609/2014 предусмотрена неустойка за просрочку оплаты взносов. Помимо финансовых санкций ЕС опирается на статьи 258 и 260 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС). Статья 258 позволяет Европейской комиссии возбуждать дела о нарушениях против государств-членов за несоблюдение договорных обязательств,

---

[212] Cameron F. The European Union as a Model for Regional Integration // Council on Foreign Relations. 2010. P. 2.

[213] Financing the EU Budget // European Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/financing-the-eu-budget/ (дата обращения: 18.11.2025).

[214] How the EU Budget Is Financed // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/budget/how-eu-budget-financed_en (дата обращения: 18.11.2025).

включая задержки в бюджетных взносах. В случае невыполнения решения Европейского суда статья 260 допускает наложение штрафов – как единовременных, так и ежедневных, до полного исполнения обязательств.

Вопросы финансирования деятельности одинаково важны как для Европейского союза, так и для Африканского союза. С целью достижения бюджетной автономии и поддержки приоритетных программ развития Африканский союз принял новую финансовую стратегию на 27-й очередной сессии Ассамблеи Африканского союза в Кигали (Руанда) в июле 2016 года. В соответствии с решением Ассамблеи 605 (XXVII)[215] Африканский союз ввел сбор в размере 0,2 % от объема импорта для финансирования операционных, программных и миротворческих бюджетов АС.

Для обеспечения выполнения финансовых обязательств государствами-членами в ноябре 2018 года был принят юридически обязательный режим санкций. Этот режим, основанный на принципе финансовой солидарности, предусматривает три уровня санкций: предупредительные, промежуточные и всеобъемлющие. Предупредительные санкции применяются, если государство не выплачивает минимум 50% своей оцененной доли в течение шести месяцев. В этом случае стране запрещено выступать и вносить предложения на заседаниях АС. Промежуточные санкции, наступающие при задолженности в течение года, предусматривают лишение права занимать руководящие посты, принимать участие в заседаниях учреждений АС и ограничение участия граждан государства-неплательщика в наблюдательных миссиях. Всеобъемлющие санкции применяются при двухгодичной задолженности и включают приостановление участия государства в заседаниях Ассамблеи АС[216]. Бюджетные реформы принесли плоды: по состоянию на 20 марта 2024 года Фонд мира собрал 384 млн долл. США

[215] Assembly of the Union. Twenty-Seventh Ordinary Session, 17–18 July 2016 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/31274-assembly_au_dec_605-620_xxvii_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[216] African Union Strengthens Its Sanction Regime for Non-Payment of Dues // African Union : [офиц. сайт]. 2018. URL: https://au.int/en/pressreleases/20181127/african-union-strengthens-its-sanction-regime-non-payment-dues (дата обращения: 18.11.2025).

– 96% от первоначальной цели в 400 млн долл. США – полностью от стран-членов АС[217]. Однако существующая финансовая зависимость Африканского союза от внешних доноров по-прежнему продолжает подрывать его автономию и мешает проводить независимую политику[218]. Африканский союз в значительной степени испытывает нехватку денежных средств, в то время как более 40% государств-членов не выплачивают в полной мере ежегодные взносы в фонд организации[219].

Операционный бюджет Африканского союза в 2024 году составил 170 126 930 долл. США и состоял на 100 % из взносов государств-членов. Однако программный бюджет Африканского союза в размере 274 030 788 долл. США на 76,1 % состоял из взносов иностранных государств[220].

Финансовая автономия является важным элементом обеспечения суверенитета любого интеграционного объединения, включая АС и ЕС. Очевидно, что для ее достижения одних юридических механизмов недостаточно: необходима заинтересованность всех государств-членов в регулярном финансировании объединения. К необходимым факторам достижения финансовой независимости интеграционного объединения от внешних доноров относятся также наличие политической воли и эффективной работы всех его институтов.

У Африканского союза есть все предпосылки для создания собственной региональной правовой системы: это континентальная организация с международным правовым статусом. Для этого требуются эффективные

---

[217] Langan M. Normative Power Europe and the Moral Economy of Africa–EU Ties: A Conceptual Reorientation of Normative Power // New Political Economy. 2011. Vol. 17, № 3. P. 243.

[218] AUC Calls on the Pan-African Parliament to Spearhead the Adequate Funding of the Union by Member States // Pan-African Parliament. URL: https://pap.au.int/en/news/press-releases/2024-11-06/auc-calls-pan-african-parliament-spearhead-adequate-funding (дата обращения: 18.11.2025).

[219] Sustainable Financing // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/aureforms/financing (дата обращения: 18.11.2025).

[220] Decision on the African Union Budget for 2024 No. EX.CL/1432(XLIII) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/46018-EX_CL_Dec_1217-1232_XLIII_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

механизмы, закрепленные в основных нормативно-правовых актах, и их обязательное соблюдение как органами АС, так и государствами-членами[221].

Хотя наднациональные тенденции и являются важной движущей силой в развитии права Африканского союза, этот процесс носит функциональный характер и зависит от конкретных стратегических задач, а не следует единой модели.

Таким образом, Африканский союз обладает всеми признаками международной организации, включая международную правосубъектность. Несмотря на то что Африканский союз во многом взял за основу модель Европейского союза, многие характерные черты интеграционных объединений находятся только на этапе своего оформления. Впереди еще долгий и сложный путь для развития Африканского континента, но уже само существование Африканского союза усиливает позиции Африки на мировой арене. Как отметил в 2014 году видный южноафриканский политолог К. Готтшалк, «большего достиг лишь Европейский союз, у которого в 200 раз больше служащих и в 400 раз больше средств в бюджете»[222].

2.1.2. Институциональная система Африканского союза

Полномочия, предоставленные органам АС Учредительным актом Африканского союза, представляют собой исходный правовой фундамент, на котором строится деятельность организации.

В Учредительном акте закреплено существование девяти органов: Ассамблеи Союза, Исполнительного совета, Панафриканского парламента, Суда, Комиссии, Комитета постоянных представителей, специализированных технических комитетов, Экономического, социального и культурного совета, финансовых

[221] Злобин Е. В. Интеграция в Африканском и Европейском союзах: сравнительный анализ // Право и управление. XXI век. 2025. № 21 (4). С. 89.
[222] Gottshalk K. Six Decades of African Integration: Successes and Failures // Journal of the Institute for African Studies. 2024. № 2. P. 32.

учреждений. При этом функционирование некоторых из них дополнительно регламентируется отдельными протоколами. В Африканском союзе органы обладают правом издавать обязывающие решения. Агентства и институты, которых насчитывается более 30[223], выполняют координационные и вспомогательные функции в рамках своих компетенций. Например, Международный центр образования девочек и женщин в Африке был создан для координации продвижения образования для женщин и девочек. Он сотрудничает с государствами-членами Африканского союза, гражданским обществом и международными партнерами для реализации программ и мероприятий совместно с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Важной характерной особенностью Африканского союза является предоставленное Ассамблее право учреждать новые органы. В частности, в 2002 году был учрежден Совет мира и безопасности, который стал ключевым органом Африканского союза.

Важно отметить тот факт, что между структурой Африканского союза и Европейского союза существует определенное сходство по причине того, что основатели АС частично ориентировались на уже существующую модель ЕС[224]. Вместе с тем институциональная система Африканского союза сохраняет более выраженный межправительственный характер, поскольку государства-члены продолжают играть определяющую роль в принятии ключевых решений. Это обусловлено как историческими особенностями становления африканской интеграции, так и стремлением государств сохранить высокий уровень суверенного контроля в рамках регионального объединения.

Таблица 1 подтверждает, что институциональные системы ЕС и АС во многом идентичны. Однако необходимо отметить, что между ними сохраняются

---

[223] Specialized Agencies and Institutions // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/specialised-agencies-institutions (дата обращения: 02.12.2025).

[224] Cameron F. The European Union as a Model for Regional Integration // Council on Foreign Relations. 2010. P. 8.

существенные различия, обусловленные объемом полномочий органов, характером принимаемых решений и уровнем интеграции государств-членов.

Таблица 1. Сравнительная характеристика институциональных систем ЕС и АС

Функция института	Африканский союз	Европейский союз
Высшее политическое руководство	Ассамблея глав государств и правительств	Европейский совет
Координация политики	Исполнительный совет министров	Совет ЕС
Исполнительные функции	Комиссия Африканского союза	Европейская комиссия
Законодательные функции	Панафриканский парламент (на текущий момент – консультативные полномочия)	Европейский парламент (наряду с Советом ЕС)
Судебные функции	Суд Африканского союза (впоследствии – Африканский суд по правам человека)	Суд Европейского союза
Аудиторская проверка	Совет аудиторов	Счетная палата ЕС
Функции центробанка	Африканский центральный банк	Европейский центральный банк

Источник: Злобин, Е. В. Интеграция в Африканском и Европейском союзах: сравнительный анализ / Е. В. Злобин // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 21 (4). – С. 82–91

Рассмотрим подробнее каждый из органов Африканского союза.

Ассамблея глав государств и правительств является «высшим органом» организации и состоит из глав государств и правительств либо их официальных представителей[225]. Ей предоставлены полномочия принимать широкий спектр решений, охватывающих различные аспекты деятельности АС. Хотя в учредительных документах отсутствует детальное определение понятия «высший

[225] Art. 6 of the Constitutive Act of the African Union.

орган», Ассамблея занимает наивысшее положение в иерархии органов АС и ее решения не подлежат пересмотру другими структурами, включая Африканский суд.

В круг полномочий Ассамблеи входит осуществление мониторинга имплементации политики и решений Африканского союза, а также обеспечение их соблюдения государствами-членами. Ассамблея уполномочена давать директивы Исполнительному совету, в том числе по вопросам урегулирования конфликтов. Нарушение принятых решений и политик может повлечь применение санкций, которые определяются непосредственно Ассамблеей. Примечательно, что несоблюдение как политик, так и решений влечет за собой потенциально одинаковые санкционные меры, что свидетельствует о наличии наднационального элемента в полномочиях Ассамблеи, поскольку применение санкций носит обязательный характер для всех государств-членов.

Помимо этого Ассамблея вправе применять к государствам-членам ряд так называемых «мягких» санкций, в частности в отношении государств, не выплачивающих взносы в бюджет АС. Такие меры могут включать лишение права голоса на заседаниях, ограничение возможности выдвижения кандидатов на должности в органы Африканского союза и иные запреты. Аналогично, правительства, пришедшие к власти неконституционным путем, могут быть отстранены от участия в деятельности организации. Следует отметить, что как санкции за неуплату взносов, так и меры в отношении неконституционных правительств не обладают ярко выраженным наднациональным характером, поскольку не оказывают существенного правового воздействия на суверенитет государств-членов.

Одной из важных компетенцией Ассамблеи является определение структуры и функциональных обязанностей Комиссии, которая выступает в качестве секретариата Африканского союза.

Исполнительный совет Африканского союза (далее – Совет) состоит из министров иностранных дел либо иных министров или уполномоченных

представителей органов государственной власти, назначаемых государствами-членами для принятия решений в сферах общей политической значимости[226]. Совет функционирует на исполнительном уровне и подотчетен Ассамблее в соответствии со статьей 13 (2) Учредительного акта АС. Кроме того, Совет уполномочен осуществлять контроль за реализацией политики, выработанной Ассамблеей. В сравнении с полномочиями Ассамблеи, которая обладает широкой компетенцией по мониторингу и обеспечению исполнения решений и политики АС, полномочия Совета являются узконаправленными и ограниченными. Из этого следует, что Ассамблея наделена значительно более широкими и потенциально реализуемыми полномочиями как внутри Африканского союза, так и за его пределами в отношениях с государствами-членами.

Специализированные технические комитеты, учрежденные в соответствии со статьей 5 (1) Учредительного акта, несут ответственность за подготовку проектов и осуществление надзора за их реализацией в рамках деятельности Африканского союза, однако не обладают полномочиями по принятию решений.

Панафриканский парламент (ПАП) был учрежден в соответствии с протоколом, вступившим в силу в 2003 году[227]. В статье 2 протокола в качестве долгосрочной цели провозглашено превращение ПАП в институт с полномочиями полноценного законодательного органа, члены которого избираются на основе всеобщего избирательного права. В статье 11 отмечается, что в течение первых пяти лет деятельности Африканского союза ПАП сохраняет консультативные функции, после чего вопросы законодательных полномочий подлежат определению Ассамблеей АС. На сегодняшний день он обладает лишь консультативными и совещательными полномочиями.

---

[226] Ibid. Art. 13 (1).

[227] Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community relating to the Pan-African Parliament, 02.03.2001 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36301-treaty-0022_-_protocol_to_the_treaty_establishing_the_african_economic_community_relating_to_the_pan-african_parliament_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Изначальные консультативные и совещательные полномочия ПАП направлены на предоставление рекомендаций для содействия правовой гармонизации государств-членов. Такие рекомендации на текущем этапе не могут сформировать самобытную и автономную правовую систему. Более того, в существующей практике гармонизация преимущественно касается вопросов частного и коммерческого права, что выходит за рамки полномочий Африканского союза по принятию обязательных решений.

Таким образом, создание Панафриканского парламента в традиционном понимании этого института, обладающего законодательной властью, возможно лишь при выполнении ряда условий. Предполагается, что после наделения законодательными полномочиями ПАП будет осуществлять контроль над исполнительными структурами АС, включая Ассамблею, Исполнительный совет, Комиссию и Комитет постоянных представителей.

В 2009 году Комиссия Африканского союза инициировала процесс пересмотра протокола о ПАП в соответствии со статьей 25 Протокола. Проект поправок был одобрен с оговорками Исполнительным советом в 2012 году и представлен на рассмотрение двадцатой сессии Ассамблеи в январе 2013 года, где было принято решение о необходимости проведения более детальных консультаций. Президент Панафриканского парламента Бетел Амади отметил, что ПАП укрепляет пересмотренный протокол, касающийся ее законодательных полномочий, и рассчитывает сыграть значимую роль в повышении легитимности институтов Африканского союза[228]. Указанные полномочия рассматриваются как необходимые для развития «транснациональной подотчетности» и эффективного внедрения политики АС, тем самым становясь основой полноценного законодательства Африканского союза.

[228] Pan-African Parliament seeks to Strengthen Linkages with National Parliaments in Africa // Modern Ghana. – 2012. – URL: https://www.modernghana.com/news/414541/pan-african-parliament-seeks-to-strengthen-linkages-with-nat.html (дата обращения: 04.04.2026).

Однако на текущий момент эти изменения не были реализованы, и дебаты относительно роли ПАП продолжаются[229]. По окончании первого срока полномочий многие эксперты выражают сомнения в способности парламента трансформироваться в полноценный законодательный орган[230]. Отсутствие законодательных полномочий с правоприменительным потенциалом и тот факт, что члены ПАП назначаются, а не избираются непосредственно населением являются существенными препятствиями на пути реформ.

Для того чтобы Панафриканский парламент стал «образцом истинной парламентской демократии»[231], необходимой для дальнейшей региональной интеграции и формирования консолидированного голоса Африки на международной арене, ему потребуется расширить свою компетенцию на сферы, традиционно охраняемые национальными парламентами. В частности, развитие законодательных полномочий должно включать способность ограничивать суверенитет государств-членов, аналогично тому, как членство в Европейском союзе влечет за собой необходимость подчиняться наднациональному законодательству ЕС.

Африканская концепция прав человека, отраженная в различных региональных документах, постепенно завоевывает признание с момента принятия Африканской хартии прав человека и народов (далее – Хартия) в 1981 году. Хартия охватывает широкий комплекс прав и свобод человека и учреждает Африканскую комиссию по правам человека и народов (АКПЧН)[232] в качестве надзорного органа. Обеспечение соблюдения прав, провозглашенных в Хартии, органами АС становится важным индикатором наличия наднационального права.

---

[229] Cilliers J., Mashele P. The Pan-African Parliament // African Security Review. 2010. P. 73.
[230] Hugo G. The Pan-African Parliament: Is the Glass Half Full or Half Empty // Institute for Security Studies Papers. 2008. № 168. P. 5.
[231] Dimmer K. Leading the Continent by Example // Celebrating 10 Years. 19 March 2014. P. 1–17. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/98953/PAPER168.pdf (дата обращения: 05.11.2025).
[232] Rules of Procedure of the African Commission on Human and Peoples' Rights // African Commission on Human and Peoples' Rights : [офиц. сайт]. URL: https://achpr.au.int/sites/default/files/files/2021-04/rulesofprocedure2020eng1.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Комиссия АКПЧН выступает как квазисудебный орган, осуществляющий контроль за соблюдением положений Хартии, а также продвижение и защиту прав человека и народов на континенте. В рамках африканской системы защиты прав человека АКПЧН наделена большим кругом полномочий – от проведения исследований в сфере прав человека до разработки правил и принципов, направленных на разрешение связанных с ними проблем. Широкий мандат, предоставленный Комиссии в области продвижения и защиты прав человека, потенциально включает и функцию обеспечения коллективной безопасности[233]. Комиссия принимает сообщения о нарушениях Хартии как от государств-участников, так и от частных лиц и неправительственных организаций, которые не обязательно являются непосредственными потерпевшими.

Хотя АКПЧН не обладает полномочиями принимать обязательные к исполнению решения, она контролирует соблюдение Хартии: разъясняет ее положения, рассматривает межгосударственные жалобы и иные обращения, а также анализирует доклады государств-участников о мерах по выполнению положений Хартии и других африканских конвенций по правам человека.

Широкий комплекс прав, охватывающий как права отдельной личности, так и права народов в широком понимании, включая право на мир, закрепленный в статье 23 Хартии, придает деятельности Комиссии сложный и многоаспектный характер. Принятые Комиссией резолюции способствуют уточнению положений Хартии и служат важным нормативным источником. Например, резолюции призывали Руанду предотвращать акты возмездия после геноцида[234]; осуждали использование противопехотных мин[235].

---

[233] Okafor O. C. The African Commission on Human and Peoples' Rights as a Collective Human Security Resource: Promises, Performance and Prospects // Protecting Human Security in Africa / Abass A. (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 323.

[234] Resolution on Rwanda. African Commission. ACHPR /Res.12(XVI)94 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://achpr.au.int/en/adopted-resolutions/12-resolution-rwanda-achprres12xvi94 (дата обращения: 18.11.2025).

[235] Resolution on Anti-Personnel Landmines. African Commission. ACHPR /Res.18(XVII)95 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://achpr.au.int/en/adopted-resolutions/18-resolution-anti-personnel-land-mines-achprres18xvii95 (дата обращения: 18.11.2025).

Тем не менее принимаемые Комиссией резолюции не обладают обязательной юридической силой и выполняют преимущественно рекомендательную функцию, аналогичную резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, цель которых – оказывать определенное политическое и моральное воздействие на государства в сфере защиты прав человека. Хотя Комиссия играет крайне важную роль в разработке и интерпретации африканских стандартов в области прав человека, необязательный характер ее решений подчеркивает институциональные ограничения АКПЧН как механизма разрешения споров на наднациональном уровне[236]. Учитывая эти ограничения и масштабные нарушения прав человека на континенте, в 1998 году Организация африканского единства приняла Протокол об учреждении Африканского суда по правам человека и народов. Созданный в 2006 году, Суд призван дополнять и усиливать функции Комиссии.

Африканский суд по правам человека и народов. Африканский суд (далее – Суд) обладает юрисдикцией рассматривать дела и споры, связанные с толкованием и применением Хартии, а также иных ратифицированных государствами-участниками документов по правам человека. Согласно статье 4 Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о создании Африканского суда по правам человека и народов Суд вправе по просьбе государства-члена, любого органа Африканского союза или признанной АС африканской организации выносить заключения по правовым вопросам, касающимся Хартии или иных соответствующих документов, если эти вопросы не находятся в производстве Комиссии. По состоянию на 2025 год Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о создании Африканского суда по правам человека и народов[237] был ратифицирован 34 государствами – членами АС

---

[236] Kufuor K.O. Safeguarding Human Rights: A Critique of the African Commission on Human and Peoples' Rights // Africa Development. 1993. Vol. 18. P. 65.

[237] Protocol to the African Charter on Human and People's Rights on the Establishment of an African Court on Human and People's Rights // African Court on Human and Peoples' Right : [офиц. сайт]. URL: https://www.african-court.org/wpafc/wp-content/uploads/2020/10/2-protocol-to-the-african-charter-on-human-and-peoples-rights-on-the-establishment-of-an-african-court-on-human-and-peoples-rights.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

(против 27 в 2015 году). Лишь восемь из них подали декларацию о признании юрисдикции Суда принимать дела от частных лиц и неправительственных организаций[238]. Низкий уровень ратификаций и подачи таких деклараций существенно ограничивает роль Суда как надзорного института в сфере прав человека в Африканском союзе.

В 2008 году Африканский союз объединил этот Суд с Судом Африканского союза, приняв Протокол о статуте Африканского суда по правосудию и правам человека. По состоянию на июль 2025 года протокол был подписан 33 странами и ратифицирован 8[239], что значительно ниже необходимого порога в 15 ратификаций для вступления в силу. С 2015 года протокол подписали 2 страны и еще 2 ратифицировали.

Юрисдикция Африканского суда охватывает толкование, применение и оценку действительности нормативных актов Союза и всех вспомогательных документов, принятых в рамках Союза или Организации африканского единства.

Принятие Протокола об Африканском суде отражает стремление к созданию единого многофункционального судебного органа, что также способствует сокращению расходов и повышению эффективности судебной системы. В этой связи предусмотрены положения статьи 17 Протокола, предусматривающей разделение суда на Секцию по общим вопросам и Секцию по правам человека, а также статьи 19, дающей возможность объединять секции в палаты, включая создание специализированной палаты для рассмотрения дел, касающихся Договора об учреждении АЭС и иных нормативных актов АЭС.

Африканский суд состоит из шестнадцати судей, являющихся гражданами государств – участников Протокола. Одним из ключевых критериев для кандидатов

---

[238] Basic Information // The African Court. URL: https://www.african-court.org/wpafc/basic-information/ (дата обращения: 02.12.2025).

[239] List of Countries which Have Signed, Ratified/Acceded to the Protocol to the Statute of the African Court of Justice and Human Rights // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36396-sl-PROTOCOL%20ON%20THE%20STATUTE%20OF%20THE%20AFRICAN%20COURT%20OF%20JUSTICE%20AND%20HUMAN%20RIGHTS.pdf (дата обращения: 02.12.2025).

на должность судьи является наличие квалификации, достаточной для назначения на высшую судебную должность в соответствующих государствах. Независимость, компетентность и юрисдикционные полномочия судебного органа выступают критическими факторами, повышающими его потенциал для эффективного решения задач экономической интеграции на африканском континенте.

В Протоколе содержатся специальные положения, направленные на обеспечение независимости и надлежащего функционирования Африканского суда. В частности, согласно статье 12 Статута Африканского суда независимость судей должна быть гарантирована в полном объеме в соответствии с нормами международного права. Судьи обязаны действовать беспристрастно, добросовестно и справедливо, не подчиняясь никакому внешнему руководству или контролю при исполнении своих обязанностей.

Процедура избрания судей предусматривает их отбор Советом министров из числа кандидатов, представленных государствами – участниками Протокола, с последующим назначением Ассамблеей глав государств и правительств сроком на шесть лет. Смещение судьи с должности возможно исключительно по решению квалифицированного большинства в две трети голосов коллег-судей, установивших несоответствие судьи занимаемой должности. Итоговое решение об отстранении принимает Ассамблея. Судьи обладают дипломатическим иммунитетом, установленным международным правом, и защищены от судебного преследования за действия, совершенные в рамках исполнения своих функций как во время срока полномочий, так и после его окончания.

Суд самостоятельно формирует свой бюджет, который затем представляется Ассамблее через Совет министров. Финансирование деятельности Суда осуществляется за счет средств, выделяемых из бюджета Африканского союза. В то же время в Протоколе о Суде отсутствуют положения, предоставляющие Ассамблее полномочия регулировать или сокращать размер бюджета Суда, что подчеркивает определенную степень финансовой автономии судебного органа в институциональной структуре АС. Вопрос о том, являются ли вышеуказанные

нормы, касающиеся назначения, смещения, независимости и материального обеспечения судей, достаточными для обеспечения функционирования сильного и независимого судебного института, способного эффективно решать задачи содействия экономической интеграции на Африканском континенте, остается открытым. Аналогичные положения применимы и к судебным органам таких интеграционных объединений, как КОМЕСА, ВАС, ЭКОВАС и САДК.

Юрисдикция суда распространяется на все дела и правовые споры, переданные ему в соответствии с настоящим Статутом, в частности, касающиеся:

«а) толкования и применения Учредительного акта;

б) толкования, применения или действительности других договоров Союза и всех вспомогательных нормативных актов, принятых в рамках Союза или Организации африканского единства;

в) толкования и применения Африканской хартии, Хартии о правах и благосостоянии ребенка, Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке или иных правовых документов, ратифицированных государствами-участниками;

г) вопросов международного права;

д) актов, решений, постановлений и директив органов Союза;

е) вопросов, специально предусмотренных в иных соглашениях, заключенных государствами-участниками или Союзом, которые наделяют Суд юрисдикцией;

ж) установления фактов, которые при подтверждении будут квалифицироваться как нарушение обязательств перед государством-участником или Союзом;

з) определения характера и размера возмещения за нарушение международных обязательств»[240].

---

[240] Art. 28 of the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Right, 01.07.2008 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36396-treaty-0035_-_protocol_on_the_statute_of_the_african_court_of_justice_and_human_rights_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Особое внимание заслуживает вопрос о статусе судебных решений как источника права в рамках статьи 31. В частности, необходимо определить, обладают ли судебные решения, упомянутые в пункте (e), прецедентной силой для самого суда. В данном контексте необходимо различать судебное решение как средство правовой защиты (например, судебный запрет, компенсация или декларация) и судебное решение как юридический прецедент – основу для будущих решений. Если в судебной практике Африканского суда сформируется внутренняя согласованность и последовательность, это будет способствовать укреплению правовой системы АС за счет повышения предсказуемости и стабильности вынесенных судебных решений. Аналогично международные суды, обладающие схожими нормами, как правило, развивают согласованную практику с уважением к прецедентам, хотя и не признают их обязательными безоговорочно.

Отсутствие *locus standi* для физических лиц существенно сокращает число потенциальных споров, доступных для судебного рассмотрения, ограничивая таким образом возможности суда по урегулированию важных интеграционных вопросов, касающихся потребителей, торговцев, инвесторов и иных участников экономической деятельности.

Следует отметить, что ни одна правовая система не гарантирует неограниченный доступ частных лиц к судам. Вместе с тем развитые правовые системы признают важность частного судопроизводства для поддержания и развития правового порядка. Сочетание публичного и частного принуждения обеспечивает эффективность и легитимность правовой системы. В контексте экономической интеграции роль частного правоприменения является дополнительной к функциям публичных институтов. Тем не менее ограничения, установленные Статутом Африканского суда, сводят к минимуму возможности частного правоприменения, что, вероятно, негативно скажется на эффективности суда в реализации его интеграционных функций. Следует подчеркнуть, что отсутствие индивидуальной правосубъектности не делает Африканский суд бесполезным, однако оно снижает его потенциал как института, способствующего

интеграционным процессам. Для сравнения: Международный суд, где частные лица также не обладают *locus standi*, не занимается контролем исполнения интеграционных договоров, и его судебная практика не направлена на содействие экономической интеграции.

Отсутствие права частного иска в компетенции Африканского суда существенно ограничивает возможности его эффективного функционирования, что может привести к «крайнему бездействию и утрате актуальности» данного института[241]. Аналогично трудно переоценить последствия для судебных органов таких региональных организаций, как КОМЕСА, ЭКОВАС, ВАС и САДК, в случае отсутствия у них полномочий рассматривать индивидуальные иски. Таким образом, наделение Африканского суда правом частного иска представляется ключевым условием для обеспечения его функциональной значимости и предотвращения институциональной стагнации.

Отсутствие институциональных связей между Африканским судом и национальными судебными органами существенно осложняет задачу обеспечения единообразного применения законодательства АС, что напрямую влияет на эффективность интеграционных процессов. Отсутствие согласованного взаимодействия с Африканским судом создает риск разнородного толкования правовых норм АС в государствах-членах. Нет ничего более дестабилизирующего для правовой системы АС, чем неоднородное применение ее норм на уровне отдельных государств.

Особую тревогу вызывает тот факт, что решения Африканского суда не имеют обязательной силы для национальных судов[242], что создает предпосылки для возникновения противоречий между судебными решениями регионального и национального уровней. Это также способствует возможности уклонения

---

[241] Maluwa T. The Peaceful Settlement of Disputes among African States, 1963–1983: Some Conceptual Issues and Practical Trends // International and Comparative Law Quarterly. 1989. Vol. 38, № 2. P. 307.
[242] Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Right, 01.07.2008 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36396-treaty-0035_-_protocol_on_the_statute_of_the_african_court_of_justice_and_human_rights_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

национальными правительствами от исполнения международных обязательств на внутреннем уровне. Ярким примером данной проблемы стали недавние решения Трибунала Сообщества по вопросам развития Юга Африки и Верховного суда Зимбабве. В деле *Майк Кэмпбелл (Пвт) Лтд против Республики Зимбабве*[243] Суд САДК запретил правительству Зимбабве принудительно изымать у заявителя сельскохозяйственные земли. В то же время в Верховном суде Зимбабве рассматривался аналогичный иск, и, несмотря на запрет Трибунала, национальный суд вынес решение в пользу правительства[244], после чего государство приступило к изъятию земельного участка. Хотя Зимбабве понесет ответственность перед сообществом за нарушение, подобное развитие событий не дает надежд на защиту прав заявителя на национальном уровне, что подчеркивает ограниченность механизмов реализации решений на внутренней арене.

Несмотря на то что в странах общего права практика преюдициального подхода достаточно распространена, для международных судов подобный механизм применяется гораздо реже ввиду их особого мандата и уникального характера. Национальные суды редко ссылаются на решения международных судов, однако в последние годы все чаще поднимается вопрос о необходимости развития взаимодействия, диалога и транссудебной коммуникации между национальными и международными судебными инстанциями. Некоторые африканские национальные суды уже демонстрируют готовность опираться на прецеденты международных судов, однако пока отсутствует устойчивое практическое признание решений африканских международных трибуналов, что вызывает определенное беспокойство.

Тем не менее суды сообществ Африки приняли ряд значимых решений, особенно в области прав человека и международного публичного права, что

---

[243] SADC Tribunal Case № SADCT: 2/07 // SafLII. URL: https://www.saflii.org/sa/cases/SADCT/2007/1.html (дата обращения: 18.11.2025).

[244] Mike Campbell (Private) Ltd v. Minister of National Security Responsible for Land, Land Reform and Resettlement, Judgment № SC 49/07 // SafLII. URL: https://www.saflii.org/sa/cases/SADCT/2008/2.html (дата обращения: 19.07.2025).

должно стимулировать национальные суды более активно учитывать их практику, а в перспективе – и решения Африканского суда. Такой подход будет косвенным, но весьма эффективным инструментом обеспечения соблюдения права сообщества[245]. Расширение юрисдикции Африканского суда через усиление влияния его прецедентной практики способствует повышению эффективности его деятельности, а активное взаимодействие между сообществами, национальными судами и частными лицами является ключевым условием успешного развития процессов экономической интеграции в Африке. В настоящее время существующая нормативно-правовая база, включая Договор об АЕС и Статут Африканского суда, не обеспечивает должного уровня такого взаимодействия.

Совет мира и безопасности. В 2003 году Протоколом о поправках к Учредительному акту Африканского союза Совет мира и безопасности (СМБ) был официально включен в число органов АС. В соответствии со статьей 9 указанного Протокола он определяется как «постоянно действующий орган, принимающий решения по предотвращению, регулированию и разрешению конфликтов», при этом его полномочия подлежат установлению Ассамблеей в отдельном протоколе.

Кроме того, Протокол об учреждении Совета мира и безопасности Африканского союза[246], принятый в 2002 году и вступивший в силу в 2003 году, констатирует, что постоянные вооруженные конфликты являются одной из ключевых причин социально-экономического упадка и страданий гражданского населения на континенте.

Протоколом введена континентальная система раннего предупреждения (КСРП) для предвидения и предотвращения конфликтов; создана Группа мудрецов, оказывающая поддержку СМБ в вопросах предотвращения конфликтов; также

---

[245] Abo v. Government of the Republic of South Africa 2010 (3) SA 269 // SafLII. URL: https://www.saflii.org/za/cases/ZAGPPHC/2010/4.html (дата обращения: 18.11.2025).

[246] Protocol relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37293-treaty-0024_-_protocol_relating_to_the_establishment_of_the_peace_and_security_council_of_the_african_union_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

учреждены Африканские резервные силы (АРС), предназначенные для развертывания в миротворческих миссиях и оперативного вмешательства.

Однако эффективность КСРП и АРС часто подвергается критике в связи с непоследовательностью действий АС в урегулировании региональных конфликтов с момента создания СМБ[247]. Такая ситуация объясняется, в частности, внутренними противоречиями и отсутствием координации в рамках региональных систем, нежеланием национальных государств раскрывать разведданные, а также разногласиями среди африканских лидеров относительно характера и состава АРС[113]. Вопрос о том, когда и в какой форме должно осуществляться вмешательство, остается сложным и до сих пор не решенным.

Полномочия СМБ, перечисленные в статье 7, охватывают широкий комплекс задач. Среди них выделяются значимые функции, которые Совет осуществляет совместно с председателем Комиссии АС, включая введение санкций в ответ на неконституционную смену правительства, обеспечение выполнения решений АС и международных конвенций по борьбе с терроризмом, а также принятие мер в случаях угрозы независимости и суверенитета государства-члена вследствие актов агрессии.

Понятие наднациональных полномочий подкрепляется положениями пунктов 2 и 3 статьи 7:

2. Государства-члены соглашаются, что при исполнении своих обязанностей по настоящему Протоколу Совет мира и безопасности действует от их имени.

3. Государства-члены обязуются принимать и выполнять решения Совета мира и безопасности в соответствии с Учредительным актом.

Данные положения свидетельствуют о передаче суверенных полномочий международному органу и об обязательстве государств признавать обязательный характер решений СМБ и выполнять их. Это, пожалуй, наиболее яркий пример

[247] Francke B. Security Cooperation in Africa: A Reappraisal. Boulder : Lynne Rienner, 2009. P. 153–212.

реализации наднационального подхода как источника права Африканского союза в рамках существующих институтов.

Кроме того, Протоколы расширяют полномочия АС, вводя принцип вмешательства в дела государства-члена по решению Ассамблеи в обстоятельствах, связанных с тяжкими преступлениями, такими как военные преступления, геноцид, преступления против человечности, а также в целях восстановления мира и стабильности при угрозе законному порядку. При реализации это положение может предоставить Ассамблее полномочия, сопоставимые с полномочиями Совета Безопасности ООН. Право вмешательства и расширение полномочий СПП по принятию решений открывают дополнительные возможности для формирования наднационального законодательства на уровне Африканского союза.

Выдвигается тезис, что формирование эффективного правотворческого потенциала, проявляющегося в деятельности таких органов, как Панафриканский парламент, Совет мира и безопасности, а также африканская судебная система является критически важным условием ускорения процесса региональной интеграции.

Таким образом, институциональная система Африканского союза обладает схожими чертами с институциональной системой Европейского союза, однако во многом находится на стадии формирования. Дальнейшее развитие органов Африканского союза является залогом для укрепления интеграции и создания собственной автономной правовой системы. В этом свете наибольшее значение имеют два пока в полной мере не функционирующих органа – Панафриканский парламент и Африканский суд по правам человека и народов.

2.2. Особенности взаимодействия Африканского союза и региональных интеграционных объединений в Африке

Африканский континент характеризуется значительным числом региональных экономических сообществ. Еще в 1976 году старший лектор университета Лагоса (Нигерия) М. А. Аджомо ярко охарактеризовал «меркантильное появление и исчезновение» региональных экономических институтов на континенте[248]. По политическим, экономическим и стратегическим причинам многие государства входят более чем в один РЭС, что формирует сложную и многослойную сеть членств. Такая множественность создает значительные сложности в процессе принятия решений как для национальных органов власти, так и для частных субъектов и бизнеса.

Во всестороннем эмпирическом исследовании влияния множественного членства в региональных экономических сообществах Экономическая комиссия ООН по Африке (ЭКА) констатировала, что данные явления препятствуют достижению целей Африканского экономического сообщества[249].

Региональные экономические сообщества действуют в составе единого интеграционного формата – Африканского экономического сообщества, которое является неотъемлемой частью институциональной структуры Африканского союза. В отличие от других сложных международных объединений африканская модель экономической интеграции формирует многоуровневую систему, где РЭС выступают в роли базовых элементов, а АЭС – в качестве объединяющего наднационального механизма, основанного на единой нормативно-правовой концепции.

---

[248] Ajomo M. A. Regional Economic Organisations: the African Experience // The International and Comparative Law Quarterly. 1976. Vol. 25, № 1. P. 88.

[249] United Nations Economic Commission for Africa. Economic Report on Africa 2006 // ECA. UNECA. 2006. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/era2006full.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

На основании рекомендаций Первой конференции африканских министров по вопросам интеграции, которая проходила 30–31 марта 2006 года в Уагадугу в рамках рационализации взаимоотношений АС и РЭС, а также на основе Отчета о рационализации региональных экономических сообществ, утвержденного Исполнительным советом 25–29 июня 2006 года[250], в Африканском союзе было принято решение о признании 8 наиболее развитых региональных экономических сообществ (ЭКОВАС, КОМЕСА, ЭСГЦА, САДК, ИГАД, ВАС, САМ, СЕНСАД) и введении моратория на признание новых РЭС[251]. Причинами такого решения стали институциональная фрагментация, проблемы дублирования членских составов, функций и полномочий РЭС. Ограничение числа РЭС позволило частично решить эти проблемы и облегчить работу Африканского союза по дальнейшей координации их деятельности. Выбор 8 региональных экономических сообществ в качестве опоры интеграции был обоснован следующими причинами: ЭКОВАС, КОМЕСА, ЭСЦГА, САДК и САМ представляли собой наиболее развитые объединения в пяти африканских регионах, определенных Резолюцией Совета министров ОАЕ № CM/Res.464 (XXVI)[252], а СЕНСАД, ИГАД и ВАС вели активную деятельность, в связи с чем их непризнание могло спровоцировать экономическую нестабильность на континенте. Признанные РЭС фактически стали «строительными блоками» интеграции и получили возможность для дальнейшего развития на базе Африканского союза, в то время как непризнанные субрегиональные объединения стали скорее периферийными структурами, не встроенными в континентальную архитектуру, фактически лишившись поддержки АС.

---

[250] Report on the Rationalization of Regional Economic Communities (RECs). EX.CL/278 (IX) Rev.1.
[251] Assembly of the African Union Seventh Ordinary Session 1–2 July 2006. Decisions and Declarations. Doc. Assembly/AU /4 (VII) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9555-assembly_au_dec_111-133_vii_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).
[252] Resolution on the Division of Africa into Five Regions. CM/Res. 464 (XXVI) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9591-council_en_23_february_1_march_1976_council_ministers_twenty_sixth_ordinary_session.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Таким образом, мораторий вводился для того, чтобы оптимизировать существующие механизмы региональной интеграции и повысить их эффективность, а не создавать дополнительные сложности с чрезмерным количеством интеграционных объединений.

Источники регулирования взаимодействия АС и РЭС можно разделить на три группы: первая – учредительные договоры; вторая – протоколы к учредительным договорам, нормативные правовые акты, подписываемые между АС и РЭС; третья – решения институтов и органов Африканского союза. Анализ указанных источников позволяет понять процесс регулирования всей системы панафриканской интеграции.

К *первой группе источников права* относятся Договор об учреждении Африканского экономического сообщества, Учредительный акт Африканского союза и Договор об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли. Указанные акты обладают высшей юридической силой в системе права АС и определяют цели, принципы, институциональную структуру и основные направления деятельности АС.

В Учредительном акте АС закреплены цели и принципы деятельности объединения, включая координацию и гармонизацию политик РЭС, а также определена компетенция его основных органов[253]. В Договоре об учреждении АЭС предусмотрено поэтапное формирование единого Африканского экономического сообщества на базе РЭС и установлены стадии и механизмы экономической интеграции[254]. Аналогичным образом Договор об учреждении АКЗСТ основывается на принципах использования РЭС в качестве «строительных блоков» интеграции и заимствования их лучших практик, регулируя вопросы либерализации торговли и развития внутриконтинентальных экономических связей[255].

[253] Art. 3–5 of the Constitutive act of the African Union.
[254] Art. 88 of the Treaty Establishing the African Economic Community.
[255] Art. 5 of the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area.

В иерархии рассматриваемых договоров верхнюю ступень занимает Учредительный акт АС, который выполняет роль нормативного фундамента африканской правовой системы и характеризуется в доктрине «региональная конституция»[256]. Его положения имеют преимущественную силу по отношению к нормам Договора об учреждении АЭС[257]. Учредительный акт АС и Договор об учреждении АЭС, в свою очередь, выступают нормативной основой Договора об учреждении АКЗСТ[258].

Ко *второй группе источников права* относятся два вступивших в силу документа, направленных на разграничение полномочий и институционализацию взаимодействия между АС и РЭС. Первый из них – Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области мира и безопасности между Африканским союзом, региональными экономическими сообществами и координационными механизмами (КМ)[259] региональных резервных бригад Восточной и Северной Африки – был подписан 2 сентября 2007 года[260].

Меморандум является юридически обязывающим документом и устанавливает принципы, права и обязанности, применяемые во взаимоотношениях между Африканским союзом, РЭС и КМ в вопросах, касающихся содействия укреплению и поддержанию мира, безопасности и стабильности в Африке, с учетом их соответствующих компетенций. Однако

---

[256] Woldegiorgis M. M. Chapter 4: Theoretical Arguments for Regional Integration: A Perspective on African // ResearchGate. 2021. 21 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/383604255_Chapter_4_Theoretical_Arguments_for_Regional_Integration_A_Perspective_on_African (дата обращения: 18.11.2025).

[257] Art. 3 of the Constitutive act of the African Union.

[258] Para. 3 of the Preamble of the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area.

[259] Координационные механизмы региональных резервных бригад представляют собой совокупность институциональных структур, процедур и правовых инструментов, обеспечивающих согласование деятельности между Африканским союзом, региональными механизмами и государствами-участниками при формировании, подготовке и развертывании сил Африканских резервных бригад в рамках Африканской архитектуры мира и безопасности.

[260] Memorandum of Understanding on Cooperation in the Area of Peace and Security between the African Union, the Regional Economic Communities and the Coordinating Mechanisms of the Regional Standby Brigades of Eastern Africa and Northern Africa // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://www.peaceau.org/uploads/mou-au-rec-eng.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Меморандум оказался на практике неэффективным[261] по ряду причин. Он не закрепляет механизмы взаимодействия между АС, РЭС и КМ за исключением регулярного обмена информацией и персоналом, ограничивается декларативными нормами права, не устанавливающими конкретных прав и обязанностей сторон. Документ также не разграничивает области действия и полномочия сторон в сфере поддержания мира и безопасности.

Вопрос разграничения полномочий между АС и РЭС является одним из ключевых для принятия эффективных и скоординированных решений, что можно проиллюстрировать следующим примером. В феврале 2005 года, после смерти президента Того Эйадемы Гнассингбе, в стране произошел неконституционный переход власти: военное руководство назначило исполняющим обязанности президента его сына Фора Гнассингбе вместо предусмотренного конституцией председателя Национальной ассамблеи. АС и ЭКОВАС оперативно осудили данное нарушение, добившись от Гнассингбе обязательства провести выборы в течение 60 дней и отказаться от исполнения полномочий на переходный период. Однако вскоре между двумя организациями возникло расхождение в подходах. Двадцать пятого февраля 2005 года ЭКОВАС сняла введенные ею санкции, желая вознаградить Гнассингбе за добровольный уход. В тот же день Совет мира и безопасности АС, напротив, ввел санкции против Того. Это расхождение послало Фору Гнассингбе противоречивый сигнал: ЭКОВАС считала достаточным его временное отстранение от власти, тогда как АС настаивал также на проведении свободных выборов. Эти противоречивые подходы привели к усугублению политического кризиса в Того, поскольку отсутствие единых требований ослабило давление на временное руководство[262].

Отчасти вопрос разграничения полномочий между АС и РЭС решается в пункте iv статье 4 Меморандума, в соответствии с которой все стороны обязаны

---

[261] Akech M. Regional Mechanisms and Intra-State Conflicts: Implementing the African Union’s Principle of Non-Indifference? // Strathmore Law Journal. 2020. Vol. 4. P. 146.

[262] Striebinger K. Coordination between the African Union and the Regional Economic Communities. Stockholm : International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2016. P. 25.

придерживаться принципов субсидиарности, комплементарности и сравнительных преимуществ. Однако документ не раскрывает содержание данных принципов, а также смешивает принципы примата АС и субсидиарности, которые если не в теории, то на практике противоречат друг другу[263].

Так, принцип субсидиарности заключается в том, что АС должен действовать только в тех сферах, где его действия могут дать лучший результат, чем на уровне РЭС и отдельных государств. В то же время статья 20 Меморандума предусматривает «ведущую роль» Африканского союза. Таким образом, и АС, и РЭС могут претендовать на роль координационного центра в рамках предусмотренной Меморандумом деятельности.

Принцип комплементарности заключается в том, что Африканский союз должен дополнять деятельность региональных экономических сообществ, усиливать ее эффективность и обеспечивать согласованность взаимодействия, не подменяя их мандат и институциональные механизмы на субрегиональном уровне.

Принцип сравнительных преимуществ предполагает такое разделение полномочий, при котором каждая из сторон будет участвовать в тех сферах, где обладает наибольшими компетенциями. При отсутствии должной конкретизации данного принципа возникает вопрос: каким образом определяется, какое из объединений обладает наибольшими компетенциями. Возникающие между АС и РЭС разногласия во многом обусловлены именно отсутствием согласованного подхода к оценке того, кто из них располагает большими институциональными возможностями для регулирования той или иной сферы деятельности.

Отсутствие точного определения данных принципов может быть связано с тем, что государства и региональные экономические сообщества не были готовы к передаче части своих полномочий на более высокий наднациональный уровень.

Регулирование отношений между АС и РЭС потребовало дальнейшей конкретизации, в связи с чем 27 января 2008 года вступил в силу Протокол о

---

[263] Nathan L. Will the Lowest Be First? Subsidiarity in Peacemaking in Africa // Minding the Gap: African Conflict Management in a Time of Change / P. Aall, C. A. Crocker (eds.). Ontario : MQUP, 2016. P. 2. P. 158.

взаимоотношениях между Африканским союзом и региональными экономическими сообществами[264], который закрепил координационную структуру взаимодействия между АС и РЭС[265] «во всех сферах и секторах». Протокол является действующей правовой основой для координации деятельности РЭС в Африке, дополняя положения Учредительного акта АС и Договора об учреждении АЭС, а также договора об учреждении АКЗСТ по правилу *ejusdem generis*[266].

Статья 6 Протокола предусматривает создание институциональной системы взаимодействия в виде двух органов – Комитета по координации и Комитета должностных лиц секретариата.

В соответствии со статьей 7 Протокола Комитет по координации осуществляет консультативные и контрольные функции. В частности, он ответственен за координацию и гармонизацию макроэкономической политики и миротворческой деятельности РЭС, за мониторинг прогресса РЭС в формировании зон свободной торговли и таможенных союзов. Комитет собирается не реже двух раз в год, решения принимаются консенсусом, а при невозможности его достижения – простым большинством голосов. Принятые решения направляются в Исполнительный совет Африканского союза в виде рекомендаций.

В соответствии со статьей 9 Протокола Комитет должностных лиц секретариата выполняет подготовительную и консультационную функцию. В его компетенцию входит разработка технических докладов для рассмотрения Комитетом по координации. Заседания проводятся не реже двух раз в год, непосредственно перед сессиями Комитета по координации. Решения в нем также принимаются консенсусом, а при его отсутствии – простым большинством голосов.

---

[264] Protocol on Relations Between the African Union (AU) and the Regional Economic Communities (RECs) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/1621/Protocol_Relations_AU_RECs_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[265] Протокол подписан всеми региональными экономическими сообществами, за исключением Союза арабского Магриба.

[266] Udombana N. A Step Closer: Economic Integration and the African Continental Free Trade Area // SSRN Electronic Journal. 2020. P. 34.

Последняя встреча Комитета должностных лиц секретариата состоялась 4 ноября 2010 года[267]. Последняя встреча Комитета по координации проходила 10-12 июля 2017 года[268]. В целях повышения эффективности взаимодействия АС и РЭС в январе 2017 года на Ассамблее Африканского союза было принято решение заменить встречи комитетов ежегодными координационными совещаниями между АС, РЭС и региональными механизмами на основании статьи 7 Протокола[269].

В 2018 году был принят Протокол к Договору об учреждении АЭС о свободе передвижения лиц, праве на проживание и праве на учреждение, однако на текущий момент документ подписан 32 странами из 55, а ратифицирован только 4[270].

Механизм взаимодействия АС с РЭС в определенной степени демонстрирует концептуальное сходство с подходами Всемирной торговой организации (ВТО). Хотя АС как международная организация не является членом ВТО, 45 из 55 африканских государств являются членами ВТО, еще восемь обладают статусом наблюдателя[271]. Участники Договора об учреждении АКЗСТ выразили намерение укреплять экономические отношения, опираясь на уже существующие права и обязательства, принятые в рамках Марракешского соглашения об учреждении ВТО. Такое указание свидетельствует, что формирование АКЗСТ рассматривается

---

[267] Committee of Secretariat Officials AU-RECS-ECA-AFDB Eighth Meeting Zanzibar Tanzania. URL: https://au.int/sw/node/12546 (дата обращения: 03.11.2025)

[268] Concept Note the AU-RECs-UNECA-AFDB-NEPAD-ACBF Joint Expert Coordination Meeting, Nairobi, Kenya, 12.07.2018 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/32823-file-concept_note_au-recs-uneca-afdb-nepad-acbf_joint_expert_coordination_meeting_2017.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[269] Decision on the Outcome of the Retreat of the Assembly of the African Union on the Institutional Reform of the African Union. Assembly/AU/Dec.635(XXVIII) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/33271-doc-assembly_au_dec_621_-_641_xxviii_e_reform_decision.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[270] List of Countries Which Have Signed, Ratified/Acceded to the Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36403-sl-protocol_to_the_treaty_establishing_the_african_economic_community_relating_to_free_movement_of_persons-1.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

[271] Groups in the Negotiations // WTO : [офиц. сайт]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/negotiating_groups_e.htm (дата обращения: 06.03.2026).

не как автономный или альтернативный режим международной торговли, а как региональный интеграционный механизм, функционирующий в рамках многосторонней торговой системы.

В статье XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) предусмотрены две категории соглашений: временные (*interim*) и полностью реализованные (*fully fledged*). Временные соглашения должны содержать план и график формирования зоны свободной торговли или таможенного союза в разумный срок, обычно не превышающий 10 лет, тогда как полностью реализованные соглашения предполагают либерализацию торговли по «существенно всем» товарным позициям между сторонами[272].

Договор об учреждении АЭС по своей конструкции близок к временным соглашениям, поскольку в нем предусмотрен поэтапный механизм интеграции, рассчитанный на формирование континентального экономического пространства в течение 34 лет[273].

Нормы ВТО, регулирующие временные соглашения, носят ограниченный характер и оставляют значительную свободу усмотрения соответствующим органам ВТО, прежде всего Совету по торговле товарами. В результате государства-члены нередко уведомляют о де-факто временных соглашениях как о де-юре полностью реализованных. Подобная практика приводит к ослаблению механизмов контроля ВТО над временными соглашениями на этапе их реализации[274]. Договор об учреждении АЭС в определенной степени иллюстрирует данную проблему, поскольку предусматривает значительно более длительный срок реализации интеграционного проекта по сравнению с «нормальным» сроком, установленным в статье XXIV ГАТТ.

---

[272] Art. XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade, Geneva, 01.01.1948 // WTO: [офиц. сайт]. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 17.04.2026).
[273] Art. 6 of the Treaty Establishing the African Economic Community.
[274] Bartels L. “Interim agreements” under Article XXIV GATT // World Trade Review. 2009. Vol. 8. P. 339—350.

К *третьей группе источников права* относятся акты институтов и органов АС, которые регулируют отдельные вопросы взаимодействия с РЭС. В решениях Ассамблеи Африканского союза неоднократно подчеркивалась важность взаимодействия с РЭС. В 2025 году Ассамблеей были рассмотрены такие вопросы, как разделение труда между АС, РЭС и государствами-членами[275], развитие сельского хозяйства[276], борьба с малярией[277] и другие. Среди итогов 8-й сессии Специализированного технического комитета по финансам, денежно-кредитной политике, экономическому планированию и интеграции отмечается необходимость укрепления сотрудничества между АС, РЭС и государствами-членами в сфере финансирования здравоохранения[278].

Ключевую роль в этой группе играют акты «мягкого права» – декларации по итогам координационных совещаний между АС и РЭС, в ходе которых происходит обмен данными о состоянии субрегиональной и континентальной интеграции, обсуждаются актуальные проблемы и вырабатываются рекомендации, проводятся консультации по вопросам реализации панафриканских программ и проектов[279].

На первом координационном совещании, проведенном 8 июля 2019 года, главы государств и правительств рекомендовали Комиссии Африканского союза

---

[275] 6th AU Mid-Year Coordination Meeting. Declaration. MYCM/AU/Decl(VI) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/documents/20240724/declaration-6th-mid-year-coordination-meeting (дата обращения: 18.11.2025).

[276] Declaration on the Kampala CAADP Declaration on Building Resilient and Sustainable Agrifood Systems in Africa. Assembly/AU/Decl.4(XXXVIII) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/44699-doc-OSC68072_E_Original_CAADP_Declaration.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[277] Decision on the Africa Malaria Progress Report. Assembly/AU/Dec.904(XXXVIII) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/10786/Assembly%20AU%20Dec%20%20903%20-%20941%20%28XXXVIII%29%20_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

[278] 8th Session of the Specialized Technical Committee (STC) on Finance, Monetary Affairs, Economic Planning and Integration // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/newsevents/20250929/8th-session-specialized-technical-committee-stc-finance-monetary-affairs (дата обращения: 05.12.2025).

[279] Defining AU–REC Relations Is Still a Work in Progress // ISS Africa, PSC Report. 2019. URL: https://issafrica.org/pscreport/psc-insights/defining-aurec-relations-is-still-a-work-in-progress (дата обращения: 30.03.2025).

подготовить отчет о состоянии региональной интеграции в Африке, который был представлен 12 октября 2021 года в ходе третьего координационного совещания[280].

По итогам шестой координационной встречи, состоявшейся 21 июля 2024 года, была принята декларация[281], в которой подтверждалась важность гармонизации национальных и региональных политик для ускорения социально-экономического развития на континенте и необходимость тесного сотрудничества Африканского союза, РЭС и региональных механизмов. Декларация также установила процедуру подготовки отчетов об интеграции каждые два года, начиная с 2025 года.

Учредительные договоры РЭС признают существование АЭС и обязывают содействовать реализации его целей[282], однако отсутствуют детальные нормы, регулирующие форму и содержание их отношений с АЭС. Договор КОМЕСА, обладающий наибольшей конкретикой, подтверждает конечную цель – содействие реализации Договора об учреждении АЭС, обязывает государства-члены учитывать положения Договора в своей деятельности и предусматривает преобразование организации в составное образование Африканского экономического союза в согласованные сроки. На генерального секретаря КОМЕСА возложены координация деятельности с АЭС и предоставление регулярной отчетности перед Советом министров. В преамбуле Договора КОМЕСА отражено основание для учреждения организации в статье 28 (1) Договора АЭС, которая призывает к укреплению и созданию РЭС как этапу развития АЭС. Создание, развитие и достижение целей АЭС являются ключевыми задачами КОМЕСА. Несмотря на существенный прогресс, эти нормы оставляют нерешенными многие вопросы сотрудничества с АЭС.

---

[280] 3rd Mid-Year Coordination Meeting Between the African Union, the Regional Economic Communities and the Regional Mechanisms // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/fr/node/40981 (дата обращения: 18.11.2025).

[281] 6th AU Mid-Year Coordination Meeting. Declaration. MYCM/AU/Decl(VI) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/documents/20240724/declaration-6th-mid-year-coordination-meeting (дата обращения: 18.11.2025).

[282] Art. 78 of the ECOWAS Treaty; art. 130 (2) (3) of the EAC Treaty; art. 3 (f) of the COMESA Treaty.

Договор ВАС описывает сообщество как «этап» на пути достижения целей АЭС, в то время как Договор ЭКОВАС обязывает членов содействовать координации и гармонизации своей политики и программ с АЭС. Тем не менее ни один из договоров не раскрывает конкретных деталей правовой природы отношений с АЭС, не регулирует вопрос преобладания законодательства АЭС над национальными актами в случае конфликта и не определяет степень взаимозависимости решений.

При этом необходимо отметить, что в совокупности существующие рамки регулирования отношений между РЭС, а также между ними и АЭС являются недостаточно проработанными и не охватывают ряд критически важных вопросов.

Одним из наиболее сложных и недостаточно изученных вопросов экономической интеграции Африки является правовой статус Региональных экономических сообществ в структуре Африканского экономического сообщества и, в свою очередь, правовой статус АЭС в системе Африканского союза. Действующие договоры дают мало конкретных разъяснений, а соответствующая юридическая литература практически отсутствует.

Все РЭС наделены правосубъектностью в своих учредительных актах. Несмотря на то что в Договоре об учреждении АЭС прямое указание на правосубъектность отсутствует, ее можно вывести из статьи 98 (2), согласно которой Генеральный секретарь, выступая как легальный представитель сообщества, обладает правом заключать договоры и участвовать в судебных и иных процессах от имени АЭС.

Таким образом, международно-правовой статус РЭС, АЭС и АС закреплен на основе международного публичного права. Правовой статус одного из этих образований в пределах другого должен быть регламентирован соответствующим договором, обязательным для обеих сторон. В частности, Договор об учреждении АЭС ясно определяет, что АЭС является «неотъемлемой частью» АС[283]. Учредительный акт АС устанавливает приоритет своих норм над любыми

[283] Art. 98 (1) of the Treaty Establishing African Economic Community.

противоречащими положениями Договора об учреждении АЭС и предусматривает их замену.

Если рассматривать АС как политическую и зонтичную организацию, продвигающую африканское единство во всех его аспектах – социальном, культурном, политическом и экономическом, то АЭС представляет собой специализированный орган АС, сосредоточенный исключительно на экономической интеграции. Иными словами, АЭС является экономическим измерением АС.

Не менее актуален вопрос правового статуса РЭС внутри АЭС. Хотя Договор об учреждении АЭС содержит более двадцати ссылок на РЭС, предусматривает создание АЭС через координацию, гармонизацию и постепенную интеграцию деятельности РЭС и возлагает на них конкретные обязательства с установленными сроками, он не регулирует статус РЭС как институциональных единиц внутри АЭС.

Многие исследователи, специализирующиеся на африканской интеграции, обоснованно рассматривают РЭС как составные части АЭС. Однако до настоящего времени не проводилось систематического исследования правового содержания этого утверждения, особенно применительно к взаимоотношениям между двумя организациями. Протокол о взаимоотношениях между АС и РЭС также не раскрывает этот аспект.

Данный вопрос имеет как теоретическую, так и практическую значимость. С юридической точки зрения трудно предположить, что решения АЭС автоматически обязательны для РЭС, пока не установлено, что последние являются органами, членами, агентами либо субъектами АЭС.

Договор об учреждении АЭС не устанавливает критериев членства, однако из статьи 2 можно сделать вывод, что участниками АЭС выступают государства – стороны договора. При этом отсутствует ограничение членства исключительно государствами. В международной практике существуют примеры, когда международные организации допускаются в члены других организаций (например,

Гаагская конференция по международному частному праву, Всемирная торговая организация, Продовольственная и сельскохозяйственная организация). Тем не менее членство в международной организации определяется учредительным договором, который конкретизирует условия, процедуру и порядок приема членов. В отсутствие оформленной процедуры вступления нельзя утверждать, что РЭС являются членами АЭС.

Кроме того, РЭС не могут рассматриваться как органы АЭС, поскольку в статье 7 Договора об учреждении АЭС они не упоминаются. Еще менее оправданным является утверждение о том, что РЭС выступают агентами АЭС, поскольку отсутствует – как прямое, так и косвенное – согласие сторон на установление агентских отношений. Наличие агентских отношений между двумя международными организациями, обладающими самостоятельной юридической правосубъектностью, не может предполагаться без явного согласия[284].

Тем не менее, учитывая телеологическое толкование Договора об учреждении АЭС – сторонами которого РЭС не являются – и Протокола о взаимоотношениях, к которым РЭС присоединились, можно обоснованно заключить, что РЭС выступают субъектами АЭС. Они обладают мандатом на участие в реализации целей Африканского экономического сообщества. На практике ни один из РЭС не отказывается от идеи постепенного формирования Африканского экономического сообщества как конечной цели интеграции. Более того, положения некоторых учредительных договоров РЭС прямо закрепляют данное видение.

В конечном итоге предполагается, что РЭС сольются либо будут «поглощены» в процессе формирования АЭС. Статья 88 (1) Договора об учреждении АЭС провозглашает, что АЭС «будет создано главным образом путем координации, гармонизации и постепенной интеграции деятельности [РЭС]». Аналогично, статья 3 Учредительного акта Африканского союза подчеркивает

[284] Sarooshi D. International Organizations and Their Exercise of Sovereign Powers. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. P. 39.

необходимость «координации и гармонизации политики между существующими и будущими РЭС» как средство поэтапного достижения целей Союза. Более того, это заявлено как одна из ключевых целей организации.

Несмотря на кажущуюся простоту формулировок, процесс слияния или поглощения интеграционных объединений, которыми являются РЭС, крайне сложен. Во-первых, данный подход к экономической интеграции уникален и не имеет аналогов в международной практике. Традиционно страны создают экономические сообщества в виде зон свободной торговли, таможенных союзов или экономических союзов. На сегодняшний день, пожалуй, единственным успешным примером интеграционного слияния выступает формирование Европейской экономической зоны путем объединения Европейского союза и Европейской ассоциации свободной торговли[285]. Более поздний пример – Союз южноамериканских наций, объединяющий Общий рынок Южного конуса и Андское сообщество в зону свободной торговли на континентальном уровне[286]. Во-вторых, правовой статус РЭС после создания АЭС остается неопределенным.

Вопрос о сохранении РЭС как самостоятельных субъектов или их упразднении и трансформации в структуру среднего уровня не урегулирован ни в Договоре об учреждении АЭС, ни в соответствующих протоколах. Учредительные договоры самих РЭС также не дают ясных ответов. По мнению Экономической комиссии ООН для Африки, после достижения РЭС уровня таможенного союза и общего рынка последует объединение в Африканский общий рынок с последующей интеграцией в полномасштабное Африканское экономическое сообщество. В этом процессе АЭС возьмет на себя ведущую роль в работе со странами-членами, а функции и структуры региональных сообществ будут пересмотрены с целью служения механизмами реализации задач АЭС.

---

[285] Иванов И. Д. Общее европейское экономическое пространство // Современная Европа. 2003. № 1 (13). С. 22.

[286] Панфилова Е. А., Соколова М. А. Союз южноамериканских наций: возможности и риски развития в современном многополярном мире // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5 (29). С. 92.

Договор о Комитете по экономическому сотрудничеству стран Восточной и Южной Африки предусматривает преобразование КОМЕСА в органическую структуру АЭС. В то же время данный договор предполагает, что Орган глав государств и правительств может по рекомендации Совета министров прекратить деятельность КОМЕСА, что указывает на существование юридического мандата для такого решения в будущем.

В отличие от этого договоры Экономического сообщества западноафриканских государств и Восточноафриканского сообщества не содержат положений о статусе организаций после формирования АЭС.

Следует также учитывать, что некоторые РЭС преследуют цели, выходящие за рамки экономической интеграции, включая предотвращение конфликтов и политическое объединение. Это вызывает сомнения в том, что создание АЭС станет конечной точкой существования РЭС.

На данный момент нормативно-правовая база такого процесса отсутствует, в связи с чем остаются нерешенными многие вопросы: правовой статус РЭС после слияния; распределение их активов и обязательств; добровольный или обязательный характер слияния и механизмы его реализации; сроки проведения слияния – одновременно для всех сообществ или поэтапно, по мере достижения каждым необходимого уровня интеграции; статус персонала и институций РЭС, включая общинные суды; институциональная структура формируемой организации; а также статус таких действующих РЭС, как Южноафриканский таможенный союз, который не признается Африканским союзом и, следовательно, вряд ли будет включен в процесс слияния.

Планируемое объединение в Африканское экономическое сообщество вызывает и другие проблемные вопросы. Некоторые РЭС, например Восточноафриканское сообщество, находятся на более продвинутой стадии интеграции. Сложно прогнозировать, желают ли они интегрироваться в рамках АЭС вместе с менее развитыми сообществами, такими как Межправительственный орган по развитию. Более того, можно предположить, что чем дольше РЭС

развиваются автономно, тем более расходящимися становятся их траектории, что значительно усложняет последующее объединение.

Использование региональных экономических сообществ в качестве «строительных блоков» АЭС сопряжено с многочисленными юридическими проблемами, которые в значительной мере остаются нерешенными в существующей правовой базе. Однако Африканский союз работает над решением указанных проблем.

В 2017 году Ассамблеей Африканского союза было принято решение о проведении ежегодного координационного совещания между региональными объединениями и Африканским союзом[287] по вопросам согласования совместной деятельности и сосредоточению усилий для достижения общих целей.

В ходе таких встреч происходит обмен отчетами о состоянии субрегиональной и континентальной интеграции, обсуждаются актуальные проблемы и вырабатываются необходимые рекомендации, проводятся консультации по вопросам реализации различных программ и проектов, а также принимаются решения о способах улучшения координации в совместной деятельности[288].

На встречах принимаются важные программные положения, которые должны способствовать дальнейшему углублению интеграции. Например, по итогам встречи 21 июля 2024 года была выпущена декларация[289], в которой отмечена необходимость сотрудничества Комиссии Африканского союза, РЭС и региональных механизмов с Экономической комиссией ООН для Африки и Африканским банком развития, а также предусматривается процедура предоставления отчетов об интеграции каждые два года начиная с 2025 года на

---

[287] 5th AU Mid-Year Coordination Meeting // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/summit/coordination/5 (дата обращения: 30.03.2025).

[288] Defining AU–REC Relations Is Still a Work in Progress // ISS Africa, PSC Report. 2019. URL: https://issafrica.org/pscreport/psc-insights/defining-aurec-relations-is-still-a-work-in-progress (дата обращения: 30.03.2025).

[289] 6th AU Mid-Year Coordination Meeting. Declaration. MYCM/AU/Decl(VI) // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/documents/20240724/declaration-6th-mid-year-coordination-meeting (дата обращения: 18.11.2025).

основании нового Африканского синтезированного индекса региональной интеграции. На встрече приняли решение в 2025 году представить отчет о разделении полномочий между региональными экономическими сообществами и Африканским союзом как об одной из наиболее острых проблем в сфере интеграции.

Для оценки уровня и динамики развития региональной интеграции в Африке представляется целесообразным проанализировать отчеты об африканской интеграции за 2021 и 2025 годы.

Отчет за 2021 год основан на африканском многомерном индексе региональной интеграции (*African Multidimensional Regional Integration Index,* AMRII), разработанном Комиссией АС и РЭС при участии Ассоциации африканских центральных банков и национальных статистических агентств. Индекс AMRII применяется для измерения прогресса интеграции в восьми измерениях (*dimensions*), состоящих из тридцати трех показателей (*indicators*), каждый из которых оценивается по шкале от 0 до 1. Эти измерения включают в себя свободу передвижения людей, интеграцию в сфере охраны окружающей среды, социальной, торговой, финансовой, монетарной, инфраструктурной и политической сферах. Показатели могут быть двух типов: качественные и количественные. Качественные показатели определяют степень институционального продвижения интеграции через имплементацию договоров, протоколов, соглашений, регламентов и решений. Они оцениваются по пяти стадиям, объединенным в две группы: политическое согласование (консультации, переговоры, подписание) и придание юридической силы (ратификация и имплементация), каждая из которых составляет половину итогового показателя.

Количественные показатели фиксируют измеримые результаты интеграции, такие как количество валют в обращении внутри РЭС, долю внутрирегиональной торговли, осуществляемой в расчетах в местной или региональной валюте, торговые тарифы и другие. Для этих показателей используется метод расчета, позволяющий привести все значения к единому интервалу от 0 до 1.

В соответствии с отчетом общий средний балл прогресса интеграции достиг 0,2.

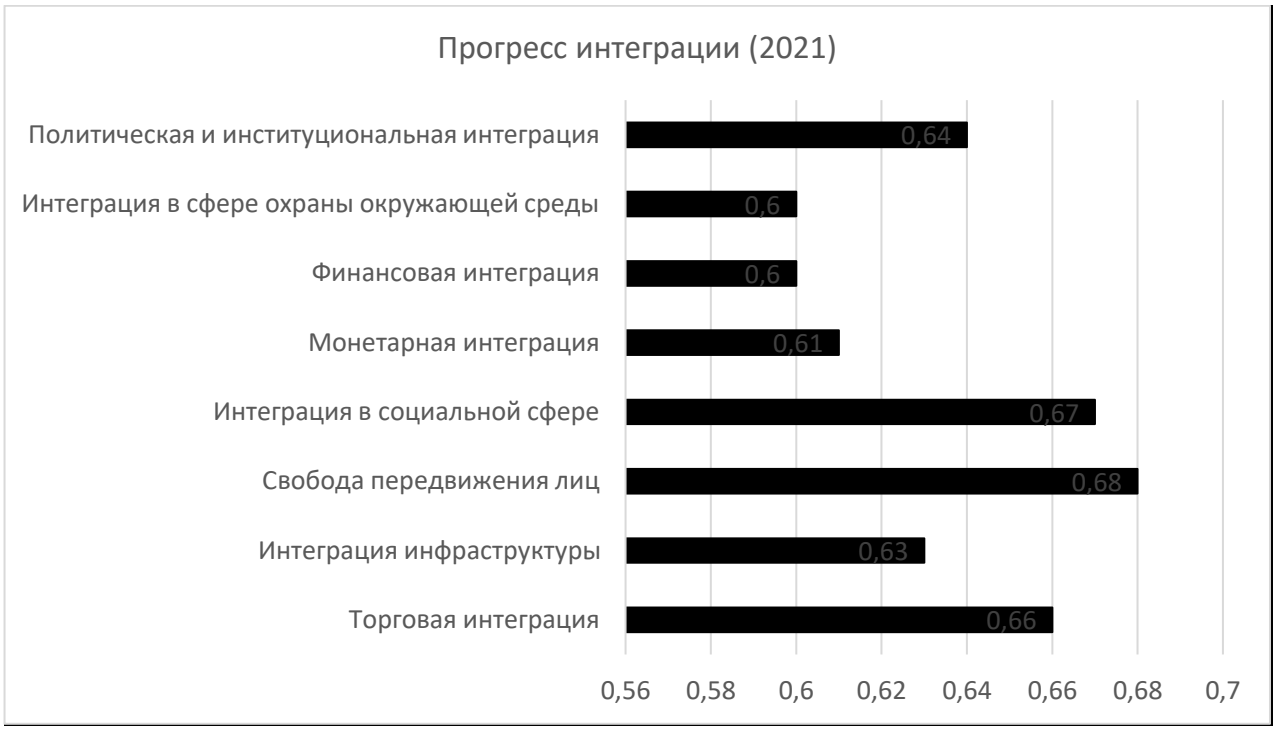

Рис. 1. Средние баллы процесса континентальной интеграции в Африке в 2021 году

Источник: Отчет о состоянии африканской интеграции 2021 года[290].

Таблица 2 показывает неравномерность уровня развития региональных экономических сообществ с лидирующими позициями ВАС, ЭКОВАС, ЭСЦГА и САДК и сильным отставанием САМ, СЕНСАД, ИГАД и КОМЕСА. Сравнение производится на основе индикаторов AMRII для каждого из РЭС.

[290] African Integration Report 2021 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/41587-doc-African_Integration_Report_2021_-_Final_Design.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

Таблица 2. Показатели развития РЭС в 2021 году

Индикатор	ВАС	ЭКОВАС	САДК	КОМЕСА	ЭСЦГА	ИГАД	СЕНСАД	САМ
Торговая интеграция	1	2	4	3	5	8	7	6
Интеграция инфраструктуры	1	8	1	3	5	6	3	7
Свобода передвижения лиц	2	1	6	3	4	7	8	4
Социальная интеграция	1	1	4	3	5	7	8	6
Монетарная интеграция	1	7	1	5	6	3	4	7
Финансовая интеграция	3	4	1	2	5	7	6	8
Интеграция в сфере охраны окружающей среды	6	2	2	5	1	4	7	8
Политическая и институциональная интеграция	2	1	8	3	4	6	5	7

Источник: Magoke P. M., Öke M. K. Coordination between the African Union and Regional Economic Communities towards Achieving Regional Integration in Africa // İstanbul Ticaret Üniversitesi Dış Ticaret Dergisi. 2023. Cilt 1, sayı 1. P. 7.

Примечание: Градация представлена от 1 (наибольшее развитие) до 8 (наименьшее развитие).

В соответствии с отчетом 2021 года к факторам, замедляющим процесс интеграции, относятся отсутствие политической воли, направленной на имплементацию норм РЭС и АС в национальное законодательство стран-членов объединений; недостаточная эффективность работы национальных и региональных институтов; многочисленные вооруженные конфликты на континенте; недостаток координации и гармонизации экономических политик;

участие государств в нескольких РЭС одновременно; отсутствие механизмов мониторинга за уровнем интеграции.

В 2021–2025 годах африканская интеграция столкнулась с новыми вызовами, обусловленными ростом протекционизма, мировой инфляцией и уменьшением внешней финансовой помощи, включая сокращение взносов в Африканский фонд развития. Эти факторы усилили долговую нагрузку африканских государств и сократили возможности для инвестиций, несмотря на растущий потенциал цифровизации торговли: к 2025 году доля онлайн-покупателей в Африке достигла 40%, а рынок электронной коммерции оценивается в 180 млрд долл.[291] В этих условиях отчет об африканской интеграции за 2025 год выявляет ключевые достижения, проблемы и вызовы, возникающие в процессе континентальной интеграции.

В отчете применяется обновленная методика оценивания прогресса интеграции на основе африканского синтезированного индекса региональной интеграции (*African Synthesized Regional Integration Index*, ASRII), представляющего собой усовершенствованную версию индекса AMRII, который охватывает 4 столпа (*pillars*), 11 измерений (*dimensions*) и 47 показателей (*indicators*), каждый из которых оценивается по шкале от 0 до 1. Это позволяет комплексно измерять уровень интеграции и выявлять приоритетные направления развития. Ключевыми изменениями в методологии оценки интеграции стали более тщательный отбор показателей (на основе анализа научной литературы, консультаций с экспертами и обратной связи от РЭС) и доработка формул расчета. При этом концептуальный подход к делению показателей на качественные и количественные остался неизменным.

К четырем ключевым столпам, анализируемым в отчете, относятся политическая, экономическая, инфраструктурная, а также социальная и гуманитарная интеграция. Политическая интеграция включает три измерения:

---

[291] African Integration Report 2025 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/45243-doc-20250722_African_Integration_Report_main_report_EN_1_1.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

институциональную интеграцию, государственное управление и взаимодействие в сфере мира и безопасности. В рамках институционального измерения рассматриваются такие индикаторы, как степень эффективности институтов РЭС и АС. Экономическая интеграция предполагает анализ развития предпринимательской среды, степени интеграции рынков и уровня макроэкономической конвергенции. К инфраструктурной интеграции относится развитие транспортных, энергетических, цифровых и иных межгосударственных проектов. Социальная и гуманитарная интеграция, в свою очередь, сосредоточена на углублении сотрудничества в области образования, здравоохранения, культуры и науки.

Рис 2. Средние баллы процесса континентальной интеграции в Африке в 2025 году

Источник: Отчет о состоянии африканской интеграции 2025 года[292].

[292] African Integration Report 2025 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/45243-doc-20250722_African_Integration_Report_main_report_EN_1_1.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

В отчете Комиссия Африканского союза приходит к выводу, что интеграционные процессы на континенте развиваются умеренными темпами, при этом фиксируется заметный прогресс в институциональной, инфраструктурной и торговой сферах. Вместе с тем сохраняется ряд проблем: отсутствие четкого распределения функций и полномочий между РЭС требует дополнительной координации их деятельности; институциональные механизмы, включая секретариат Трехсторонней зоны свободной торговли, еще не сформированы; задержки в финансировании затрудняют реализацию соглашений. Наиболее медленное продвижение наблюдается в социальной сфере. Комиссия связывает эти трудности с сохраняющейся фрагментированностью политики и недостаточной координацией между АС и РЭС. В этом контексте особую значимость приобретает имплементация протоколов Африканского союза в областях свободы передвижения лиц, государственного управления, образования, здравоохранения и в ряде других сфер[293].

В действительности факт того, что африканские государства и региональные экономические сообщества проходят регулярную оценку, получают консультации и рекомендации со стороны Африканского союза, демонстрирует его центральную роль в координации интеграционных процессов на континенте. АС выполняет функцию политического и стратегического центра, обеспечивающего площадку для обсуждения региональных вызовов, согласования приоритетов и принятия коллективных решений. Существенным вкладом АС в развитие интеграции остается и мобилизация ресурсов для реализации крупных инфраструктурных, торговых и социально-экономических инициатив, а также координация партнерств с международными организациями и третьими странами. Кроме того, Африканский союз регулярно представляет платформу для обсуждения текущих региональных проблем и принятия совместных решений на пути углубления

[293] African Integration Report 2025 // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/45243-doc-20250722_African_Integration_Report_main_report_EN_1_1.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

интеграции и развития торговли, а также разрабатывает единую правовую базу взаимодействия региональных экономических сообществ.

Таким образом, можно сделать вывод, что дальнейшее устойчивое развитие африканской интеграции невозможно без налаживания механизмов взаимодействия между Африканским союзом и региональными сообществами. В этом плане как при академическом анализе интеграционных процессов, так и при разработке разных экономических стратегии и возможностей ведения бизнеса с государствами на африканском континенте нельзя не учитывать основополагающую роль Африканского союза как координационного центра, обеспечивающего согласованность действий региональных экономических сообществ и институциональную устойчивость на континенте. Африканскому союзу предстоит решение задачи по имплементации не имеющего в мире аналогов зонтичного режима в рамках Африканского экономического союза, гармонизации права региональных экономических сообществ и их последующему поглощению для создания единого экономического пространства на континенте в соответствии со стратегией, предусмотренной Абуджийским договором.

ГЛАВА 3. Африканская континентальная зона свободной торговли как новый виток развития африканской интеграции

3.1. Нормативно-правовая база функционирования Африканской континентальной зоны свободной торговли

Для эффективной реализации задач «Повестки дня – 2063» необходимо наличие устойчивой институциональной базы и согласованных действий на континентальном, региональном и национальном уровнях. Центральная координирующая роль в этом принадлежит Африканскому союзу, который обеспечивает стратегическое руководство, формирует нормативно-правовые ориентиры и поддерживает политическую приверженность государств-членов достижению общеафриканских целей и задач.

Для мониторинга исполнения и оценки достигнутого прогресса созданы специализированные механизмы, включая Руководящий комитет Африканского союза по «Повестке дня – 2063» и Континентальную систему оценки результатов. Их деятельность направлена на укрепление подотчетности государств-членов, повышение транспарентности принимаемых решений и обеспечение регулярной отчетности, что в совокупности способствует более эффективной реализации стратегических инициатив.

На национальном уровне ответственность за продвижение Повестки возложена на правительства стран, которые адаптируют общеафриканские цели к специфике африканских государств. Это предполагает разработку соответствующих стратегий и программ, планирование и реализацию конкретных мероприятий, а также создание механизмов мониторинга и оценки, обеспечивающих согласованность национальной политики с общеафриканским видением.

Существенную роль играют и региональные организации, такие как Экономическое сообщество западноафриканских государств,

Восточноафриканское сообщество и Сообщество развития юга Африки. Их деятельность способствует развитию региональной торговли, укреплению инфраструктурной взаимосвязанности и обеспечению безопасности, а также обеспечивает согласование региональных инициатив с целями, сформулированными на континентальном уровне[294].

Одним из ключевых этапов интеграционного развития Африканского континента стало создание Африканской континентальной зоны свободной торговли, официально учрежденной в 2021 году. Формирование данного механизма стало важным шагом на пути создания единого экономического пространства и углубления взаимосвязанности между государствами Африки.

Деятельность АКЗСТ направлена на сокращение экономической разобщенности государств Африки посредством укрепления взаимосвязи между действующими субрегиональными интеграционными объединениями и координации их функционирования. Договорно-правовая база АКЗСТ предусматривает расширение сфер экономического регулирования, включая вопросы инвестиционного взаимодействия и охраны прав интеллектуальной собственности.

Согласно имеющимся прогнозам, к 2035 году реализация механизмов АКЗСТ способна обеспечить рост совокупных реальных доходов африканских государств примерно на 7 %, что в денежном выражении составляет около 450 млрд долларов США. Одновременно ожидается увеличение общего объема экспорта почти на 29 %, при этом внутриконтинентальная торговля может возрасти более чем на 81 %, тогда как экспорт за пределы континента — приблизительно на 19 %. Предполагается, что положительный экономический эффект будет обусловлен не только либерализацией таможенно-тарифного регулирования, но и, в значительной степени, устранением нетарифных ограничений, а также совершенствованием процедур трансграничной торговли.

---

[294] Economic Report on Africa 2017: The Role of Governance in Africa’s Economic Transformation // United Nations Economic Commission for Africa (UNECA). 2017. URL: https://www.uneca.org/economic-report-africa-2017 (дата обращения: 06.12.2025).

Реализация АКЗСТ открывает новые возможности для развития производственного сектора и увеличения занятости населения. По оценкам, рост заработных плат и расширение экономической активности могут вывести из состояния бедности около 68 млн человек и около 30 млн – из состояния крайней нищеты[295].

Основными предпосылками создания АКЗСТ стали стремление африканских государств преодолеть исторически сложившуюся фрагментацию и изолированность национальных экономик, а также необходимость формирования устойчивой основы для индустриализации. Предполагалось, что реализация договора позволит ускорить мобилизацию внутренних финансовых ресурсов, повысить их эффективность и тем самым снизить зависимость континента от внешних источников капитала[296]. АКЗСТ нацелена на упрощение внутриафриканской торговли и расширение экономического взаимодействия между государствами-членами с целью повышения связности и конкурентоспособности континента в мире[297].

Договор об учреждении АКЗСТ носит рамочный характер и включает общие положения, определяющие цели и принципы сотрудничества, а также протоколы по ключевым направлениям регулирования, которые являются его неотъемлемой частью и подлежат обязательной ратификации государствами-участниками. Кроме того, договор содержит приложения, устанавливающие подробные руководящие принципы и процедурные правила, необходимые для практической реализации договоренностей. На сегодняшний день Договор подписали 54 из 55 государств – членов Африканского союза, за исключением Эритреи, а 47 государств уже передали на хранение свои ратификационные грамоты[298].

---

[295] Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 112.
[296] Там же. С. 94.
[297] Githui F. Agenda 2063 and Its Impact on the Economic Development of Africa. 2025. P. 1.
[298] List of Countries Which Have Signed, Ratified/Acceded to the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-sl-

АКЗСТ следует рассматривать как формирующуюся зону свободной торговли, находящуюся в стадии поэтапной реализации, которая по своему замыслу соответствует требованиям статей XXIV ГАТТ и V ГАТС, что подтверждается направлением 21 ноября 2025 года Республикой Тунис уведомления в ВТО о региональном торговом соглашении[299].

АКЗСТ является одной из ключевых рамочных инициатив Африканского союза, направленных на достижение долгосрочной цели Абуджийского договора – создания Африканского экономического сообщества. Деятельность АЭС предполагает единый подход к фискальной, социальной и отраслевой политике на континенте и входит в состав более широких программ развития Африканского союза, направленных на стимулирование торговли внутри Африки и формирование континентального таможенного союза[300].

Полное внедрение АКЗСТ трансформирует рынки и экономику всего региона, способствуя росту производства в сферах услуг, обрабатывающей промышленности и природных ресурсов[301].

Африканский союз определил основные цели АКЗСТ следующим образом:

- создание единого континентального рынка;
- углубление экономической интеграции через либерализацию торговли посредством последовательных раундов переговоров;
- содействие свободному движению капитала и людей;
- привлечение инвестиций;
- продвижение к созданию континентального таможенного союза;

AGREEMENT_ESTABLISHING_THE_AFRICAN_CONTINENTAL_FREE_TRADE_AREA_0.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

[299] Notification of Trade Agreement, Republic of Tunisia, 21.11.2025 / Official web-site of the WTO. URL: https://docsonline.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/COMTD/RTA27N1R1.pdf&Open=True (дата обращения: 17.04.2026).

[300] Economic Report on Africa 2017: The Role of Governance in Africa's Economic Transformation // United Nations Economic Commission for Africa (UNECA). 2017. URL: https://www.uneca.org/economic-report-africa-2017 (дата обращения: 06.12.2025).

[301] Ibid.

- обеспечение устойчивого и инклюзивного социально-экономического развития;
- стимулирование гендерного равенства и проведение структурных преобразований в государствах-членах;
- повышение конкурентоспособности африканских государств на континентальном и мировом рынках;
- содействие промышленному развитию посредством диверсификации и формирования региональных цепочек создания стоимости;
- поддержка сельскохозяйственного развития и продовольственной безопасности;
- решение проблем, связанных с многочисленными и пересекающимися членствами стран в различных РЭС.

С учетом третьего этапа интеграционного развития, предусмотренного Абуджийским договором, в 2012 году была утверждена Дорожная карта по созданию континентальной зоны свободной торговли к 2017 году, а также План действий по стимулированию внутриафриканской торговли. В качестве переходного решения было принято формирование Трехсторонней зоны свободной торговли (ТЗСТ). Соглашение о ТЗСТ было подписано в 2015 году тремя региональными объединениями – КОМЕСА, ВАС и САДК – и охватило 27 государств с совокупным населением около 625 млн человек и общим ВВП около 1,6 трлн долл. США. Предполагалось, что соглашение вступит в силу в 2017 году, однако к этому моменту его ратифицировали лишь пять государств: Кения, Уганда, Египет, ЮАР и Руанда.

Операционная фаза АКЗСТ была официально запущена 7 июля 2019 года на 12-м чрезвычайном саммите глав государств Африканского союза в Ниамее (Нигер). В этот день президент Африканского экспортно-импортного банка Бенедикт Орама объявил о запуске Панафриканской системы платежей и расчетов (PAPSS), оператором и управляющим которой выступает Афрэксимбанк. PAPSS является одним из пяти ключевых инструментов, предусмотренных для

практической реализации АКЗСТ, наряду с Африканской торговой обсерваторией, правилами определения происхождения товаров, системой тарифных уступок и механизмом онлайн-мониторинга. Платформа входит в число цифровых решений, обеспечивающих углубление экономического сотрудничества, вместе с такими системами, как MANSA, TRADAR Club, Африканская торговая биржа (ATEX) и цифровая платформа развития торговли ATG Connect.

История формирования АКЗСТ свидетельствует о том, что данный договор представляет собой не только набор юридических норм или экономических инструментов, но и значимый этап в преодолении исторической экономической разобщенности континента. Каждый этап ее реализации отражает поступательное движение Африки к созданию целостного экономического пространства и достижению целей интеграции, провозглашенных еще в рамках панафриканистского дискурса.

Несмотря на то что торговля между странами Африки существовала всегда, внутрирегиональные торговые потоки оставались ограниченными и не обеспечивали значимого вклада в экономический рост на континентальном уровне. В контексте реализации АКЗСТ особое значение приобретает деятельность региональных экономических сообществ – САДК, ЭКОВАС, КОМЕСА и других, которые создали основу для либерализации торговли и накопления институционального опыта, необходимого для функционирования общеафриканского рынка. АКЗСТ стала крупнейшим многосторонним торговым соглашением в истории континента, однако перед государствами остаются задачи по ускорению торговых процессов и максимизации возможных преимуществ соглашения с учетом различий в структуре их экономик.

Для успешной реализации АКЗСТ недостаточно лишь политической воли африканских лидеров: достижение целей договора требует эффективно функционирующих и взаимосвязанных правовых и институциональных механизмов как на региональном, так и на континентальном уровнях. Современные интеграционные процессы опираются на исторический опыт, сформированный еще

в период деятельности Организации африканского единства и дальнейшего становления Африканского союза.

Несмотря на значительный потенциал выгод, который может быть достигнут в результате полноценного исполнения положений АКЗСТ, эффективность торговой интеграции будет ограничена без рационализации правовых и институциональных основ как региональных экономических сообществ, так и континентальных структур. Исторический опыт ОАЕ и Африканского союза показывает, что отсутствие согласованности и дублирование мандатов существенно затрудняют продвижение интеграционных инициатив. Кроме того, дальнейшее развитие торговли предполагает необходимость масштабных инвестиций в инфраструктуру, что является ключевым условием использования преимуществ зоны свободной торговли.

Большое значение в достижении целей африканской интеграции имеет модернизация инфраструктуры, обеспечивающей торговое взаимодействие. Существенный вклад в этом направлении вносит Программа развития инфраструктуры в Африке (PIDA), реализуемая под эгидой Африканского союза. Программа направлена на модернизацию и расширение трансграничной инфраструктуры в сферах транспорта, энергетики, управления водными ресурсами и информационно-коммуникационных технологий.

Реализация проектов PIDA позволит сформировать сеть трансконтинентальных транспортных коридоров и телекоммуникационных систем, улучшить состояние энергетической безопасности и обеспечить более эффективное управление трансграничными водными ресурсами. Эти преобразования имеют ключевое значение для устойчивого и инклюзивного экономического роста, а также для укрепления сотрудничества между африканскими государствами и повышения уровня их интегрированности в рамках континента.

Кроме того, существует необходимость улучшения цифровой инфраструктуры, особенно в свете растущего внимания к электронной коммерции

на континенте[302]. Согласно прогнозам PIDA, экономический рост, стимулированный АКЗСТ, создаст новые рабочие места и повысит уровень заработной платы, особенно для неквалифицированных работников и женщин. Это поможет сократить гендерный разрыв в оплате труда и расширит возможности трудоустройства для женщин, оказывая положительное влияние на снижение бедности и гендерного неравенства[303].

Более того, АКЗСТ может стать мощным драйвером политической интеграции и коллективного взаимодействия африканских стран на глобальной арене. В отличие от Всемирной торговой организации (ВТО) АКЗСТ предоставляет африканским государствам уникальную возможность выступать единым фронтом по вопросам международной торговли и экономической политики[304].

По первоначальным планам зона свободной торговли должна была начать свое функционирование 1 января 2021 года. Однако в связи с тем, что процесс согласования единого Перечня тарифных уступок, одного из ключевых параметров функционирования АКЗСТ, и ряда других документов до сих пор не завершен, фактический запуск инициативы отложен на неопределенный срок[305].

Однако ряд стран Африки уже осуществляет торговлю в соответствии с положениями АКЗСТ. Ярким примером является Эфиопия, которая последовательно перешла от этапа ратификации договора к его практической реализации через адаптацию национального законодательства и внедрение механизмов тарифной либерализации. Принятие Советом министров Регламента № 574/2025 стало важным шагом в институционализации обязательств страны, поскольку данный акт закрепил порядок постепенного снижения или отмены

---

[302] Apiko P., Woolfrey S., Byiers B. The promise of the African Continental Free Trade Area (AfCFTA). Maastricht : ECDPM, 2020. P. 1. URL: https://ecdpm.org/work/the-promise-of-the-african-continental-free-trade-area-afcft (дата обращения: 01.09.2025).

[303] Africa’s Growth Performance and Outlook Amid the COVID-19 Pandemic // African Development Bank. 2021. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2021/03/09/aeo_2021_-_chap1_-_en.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

[304] Abimbola, O. Shaping the Future of Multilateralism: Africa’s Free-Trade Area Signals Intent for a New Kind of Relationship with the EU / O. Abimbola. Berlin : Heinrich-Böll-Stiftung, 2021. 17 p.

[305] Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 4.

импортных пошлин на товары, происходящие из государств-участников АКЗСТ[306]. Тем самым Эфиопия фактически начала применение согласованных тарифных графиков, обеспечив юридическую возможность для осуществления преференциальной торговли в рамках континентального рынка.

Структура Договора об учреждении АКЗСТ. Договор об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли (далее – Договор) служит правовой основой функционирования АКЗСТ и призван обеспечить либерализацию торговли между африканскими государствами.

С аналитической точки зрения Договор может рассматриваться как многоуровневая нормативная конструкция, функционирующая на трех взаимосвязанных уровнях: базовом, операционном и техническом[307]. Базовый уровень представлен непосредственно самим Договором, в котором закреплены принципы, сфера действия, цели и основные механизмы функционирования зоны свободной торговли. На этом уровне формируются институциональные рамки управления, включающие такие органы, как Ассамблея, Совет министров и Секретариат, а также устанавливаются базовые принципы транспарентности и правила соотношения Договора с иными торговыми договорами государств-участников.

Операционный уровень образуют протоколы, дополняющие и конкретизирующие положения Договора. В 2018 году был принят Протокол к Договору об учреждении АЭС о свободе передвижения лиц, праве на проживание и праве на учреждение. На данный момент он подписан 32 государствами из 55, однако ратифицирован лишь четырьмя, что свидетельствует о сохраняющихся политико-правовых препятствиях к его имплементации. В 2023 году были приняты три протокола к Договору об учреждении АКЗСТ – по вопросам регулирования

---

[306] Ethiopia Implements AfCFTA Tariff Concessions Council of Ministers Regulation № 5742025 // LexAfrica. URL: https://lexafrica.com/2025/11/ethiopia-implements-afcfta-tariff-concessions/ (дата обращения: 20.11.2025).

[307] Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. 2010. URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

прав интеллектуальной собственности, инвестиционной деятельности и конкуренции. В 2024 году приняты еще два протокола, направленные на регулирование цифровой торговли, а также на увеличение доли женщин и молодежи, участвующих в торговых процессах.

Протоколы содержат важные положения, касающиеся функционирования АКЗСТ. Так, например, Протокол по торговле товарами включает положения, непосредственно влияющие на создание либерализованного рынка торговли товарами. Среди них общее устранение нетарифных барьеров (НТБ), нормы, регулирующие импортные и экспортные пошлины, а также общие меры по содействию торговле и таможенному сотрудничеству[308].

Ни один из этих протоколов к настоящему моменту не вступил в силу, так как сама АКЗСТ еще не начала функционировать в полном объеме. Имплементация указанных документов, несомненно, могла бы способствовать ускорению интеграции на континенте. Однако Африканский союз сталкивается с нежеланием отдельных государств-членов ратифицировать протоколы, что может быть связано с неравномерным социально-экономическим развитием стран на континенте. Так, например, отмена виз в соответствии с Протоколом о свободе передвижения может повлечь за собой неконтролируемую миграцию из беднейших стран Африки в более развитые.

Технический уровень представлен приложениями и руководствами, относящимися к каждому из шести протоколов. Этот уровень носит прикладной характер и содержит детализированные положения, критически важные для реализации протоколов. Например, статья 17 Протокола о торговле товарами предусматривает применение защитных мер, таких как антидемпинговые и компенсационные меры, а приложение 9 «Средства защиты торговли» и «Руководство по применению средств защиты торговли в рамках АКЗСТ» раскрывают подробности их практического применения. Статья 15 правил и

[308] Protocol on Trade in Goods to the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area // AfricanLII. URL: https://africanlii.org/akn/aa-au/act/protocol/2018/trade-in-goods/eng@2018-03-21/source (дата обращения: 18.11.2025).

процедур урегулирования споров регламентирует порядок работы комиссии, а приложение 1 к протоколу описывает конкретные нюансы ее функционирования. В отдельных приложениях содержатся также вспомогательные институциональные структуры для управления протоколами и сопроводительная документация. В качестве примера можно привести комитет по услугам, созданный в соответствии с Протоколом о торговле услугами, и рамочный документ о сотрудничестве в области регулирования, включенный в Приложение 5 к данному протоколу.

АКЗСТ неизбежно столкнется с определенными проблемами и рисками, и поскольку объективный и всесторонний анализ инициативы требует справедливого сопоставления ее выгод и затрат, в следующем разделе будут рассмотрены основные проблемы и риски, связанные с функционированием АКЗСТ.

Основные положения Договора об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли. Договор и протоколы к нему отражают масштабные цели государств Африки в сфере интеграционного развития. Одно из ключевых положений, связанных с развитием, содержится в разделе об общих целях Договора, где подчеркивается задача формирования единого рынка товаров и услуг и углубления экономической интеграции в соответствии с «Повесткой дня – 2063». Упоминание этого программного документа служит важным связующим звеном между содержанием Договора и более широкой стратегией развития континента, формируемой Африканским союзом, тем самым подтверждая приверженность государств-членов долгосрочным интеграционным и трансформационным целям.

Договор также предусматривает ряд других задач, ориентированных на стимулирование развития. Среди них выделяются содействие индустриализации посредством диверсификации экономики и формирования региональных цепочек добавленной стоимости, развитие сельского хозяйства и укрепление продовольственной безопасности. В числе общих целей обозначены достижения в области гендерного равенства и проведение структурных преобразований, что

согласуется с глобальными и региональными документами стратегического планирования, на которые опирается Африканский союз. Примечательно, что в Договоре прямо указывается необходимость решения проблемы множественного членства государств в региональных экономических сообществах, что традиционно рассматривается как одно из системных препятствий на пути углубления интеграции.

После закрепления общих задач Договор формулирует конкретные цели в сфере торговли. Они предполагают поэтапную либерализацию торговли товарами, услугами, инвестициями и объектами интеллектуальной собственности, а также постепенное внедрение норм конкурентной политики. Такая последовательность отражает логическую структуру интеграционного процесса и демонстрирует расстановку приоритетов в области торгового регулирования. Кроме того, используемая в тексте Договора вариативность между активными и пассивными формулировками обязательств свидетельствует о дифференцированном распределении ответственности государств-участников и различной степени их вовлеченности в реализацию отдельных положений.

Статья 4 – Конкретные цели.

Для выполнения и реализации целей, изложенных в статье 3, государства-участники обязуются:

(a) постепенно устранять тарифы и нетарифные барьеры в торговле товарами;

(b) постепенно либерализовать торговлю услугами;

(c) сотрудничать в области инвестиций, прав интеллектуальной собственности и конкурентной политики;

(d) сотрудничать во всех сферах, связанных с торговлей;

(e) сотрудничать по таможенным вопросам и внедрению мер по упрощению процедур торговли;

(f) создавать механизмы для урегулирования споров, касающихся их прав и обязательств;

(g) создавать и поддерживать институциональную основу для реализации и администрирования АКЗСТ.

Договор выстраивает систему приоритетов, в которой центральное место отводится торговле товарами, услугами и механизму разрешения споров – традиционным компонентам международной торговли. Однако подобная расстановка приоритетов может осложнить переговорный процесс и практическую реализацию норм, затрагивающих иные сферы торговли (такие, как ее цифровизация), несмотря на их значительный потенциал для содействия экономическому развитию.

Статья 9 устанавливает институциональную структуру для реализации, содействия и мониторинга деятельности АКЗСТ. Она включает в себя Ассамблею, Совет министров и Комитет старших должностных лиц по торговле, штаб-квартира которых располагается в Секретариате. В то время как Ассамблея глав государств и правительств является высшим директивным органом, Совет министров отвечает за торговую политику и принимает ключевые решения по работе АКЗСТ. Комитет старших должностных лиц по торговле разрабатывает программы и планы действий для реализации АКЗСТ, а Секретариат выступает в роли административного органа по координации ее деятельности.

Секретариат представляет собой гибридный институт – автономный орган с независимой правосубъектностью, действующий в рамках Африканского союза. В этом смысле АКЗСТ не создает новую международную организацию: его институты функционируют внутри более широкой системы Африканского союза и интегрируются в сложный режим субрегиональных экономических сообществ.

Институциональная структура АКЗСТ, основанная на межправительственном подходе к принятию решений, неоднократно становилась объектом критики. Опасения вызывает то обстоятельство, что отсутствие наднационального органа, обладающего самостоятельными полномочиями по управлению функционированием зоны, может закрепить пассивное отношение государств к исполнению региональных торговых обязательств.

В этих условиях особое значение приобретает поиск оптимального баланса между межправительственным характером принятия решений, обеспечивающим уважение государственного суверенитета, и необходимостью наделения институтов АКЗСТ достаточными полномочиями для эффективного продвижения экономических целей и целей устойчивого развития, закрепленных в настоящей инициативе.

Договор устанавливает, что его положения имеют приоритет над любыми региональными торговыми соглашениями в случае возникновения коллизий. Одновременно предусматривается, что уступки, предоставленные в рамках любого регионального торгового соглашения, должны распространяться на всех членов АКЗСТ, включая государства, не являющиеся участниками соответствующего РЭС. Эти положения позволяют сделать два ключевых вывода. Во-первых, региональные экономические сообщества рассматриваются как самостоятельные юридические субъекты, которые продолжают нести обязательства по углублению собственной интеграции. Во-вторых, государства – члены РЭС обязаны предпринимать политические и институциональные меры по согласованию своих программ региональной интеграции с положениями АКЗСТ и с обязательствами, принимаемыми в рамках других РЭС. Тем самым Договор стремится устранить системную проблему множественного членства, давно препятствующую консолидации интеграционных процессов.

В статье 5 Договора подчеркивается, что инициатива продвижения АКЗСТ должна исходить от государств-членов, а в протоколах, дополняющих Договор, фиксируются обязательства по развитию технического сотрудничества. При этом признается значительная роль партнеров по развитию; в частности, статья 29 Протокола по торговле товарами предусматривает механизмы их институционального вовлечения. Координация этой многоуровневой сети сотрудничества возложена на Секретариат АКЗСТ.

В то же время акцент на первостепенной роли государств-членов как главных движущих сил интеграции может быть интерпретирован как ограничение участия

гражданского общества. Подобный подход представляется необоснованным, учитывая, что именно гражданское общество вносит значимый вклад в трансграничную деловую активность на континенте[309]. Показателен пример ЭКОВАС, где участие гражданского общества играет важную роль в разработке и реализации торговой и инвестиционной политики, поддержке индустриального развития, государственно-частного партнерства в инфраструктурных проектах, укреплении региональных цепочек создания стоимости и, в конечном итоге, в углублении интеграционных процессов[310].

Толкование, согласно которому государства выступают единственными активными субъектами интеграции в рамках АКЗСТ, способно ограничить признание и использование значительного потенциала гражданского общества, участие которого является важным условием общественной легитимности и успешной реализации АКЗСТ.

Таким образом, нормативно-правовая база Африканской континентальной зоны свободной торговли формирует наиболее комплексный на сегодняшний день континентальный режим экономической интеграции, сочетающий рамочные положения Договора и детализированные протоколы, направленные на создание единого африканского рынка в соответствии с «Повесткой дня – 2063». АКЗСТ призвана устранить историческую фрагментацию африканских экономик, расширить сферу торгового регулирования на новые области и обеспечить гармонизацию норм региональных экономических сообществ, включая решение проблемы множественного членства. В то же время межправительственный характер институциональной системы, нератификация протоколов и недостаточная включенность гражданского общества требуют дальнейшего совершенствования правовых и институциональных механизмов, от эффективности которых будет

---

[309] Akinkugbe O. Dispute Settlement under the African Continental Free Trade Area Agreement: A Preliminary Assessment // African Journal of International and Comparative Law. 2020. Vol. 28. P. 149.

[310] Iheduru O. C. Organized Business and Regional Integration in Africa // Review of International Political Economy. 2015. Vol. 22, № 5. P. 932.

зависеть реальная имплементация обязательств и успешное функционирование единого континентального рынка.

3.2. Африканская континентальная зона свободной торговли: проблемы и перспективы регулирования

Несмотря на то что процесс согласования единого Перечня тарифных уступок, одного из ключевых параметров функционирования АКЗСТ, и ряда протоколов к нему до сих пор не завершен, ряд африканских государств участвуют в пилотных проектах в рамках АКЗСТ, наиболее значимыми из которых являются Инициатива по регулированию торговли (*Guided Trade Initiative*) и Упрощенный режим торговли (*Simplified Trade Regime*).

Впервые инициатива по регулированию торговли была выдвинута генеральным секретарем АКЗСТ Вамкеле Мене на 9-м заседании Совета министров АКЗСТ, прошедшем 25–26 июля 2022 года[311].

На заседании были обозначены следующие цели Инициативы по регулированию торговли: исследование операционной, институциональной, правовой и торгово-политической среды в рамках АКЗСТ; определение коммерчески значимой торговли в рамках АКЗСТ. Отдельной задачей стояла необходимость показать государствам – членам АКЗСТ потенциальные выгоды от совместной торговли на практических примерах.

Инициатива по регулированию торговли была официально запущена 7 октября 2022 года при участии восьми стран: Камеруна, Египта, Ганы, Кении, Маврикия, Руанды, Танзании и Туниса[312].

---

[311] Namibia and The African Continental Free Trade Area // UNDP : [офиц. сайт]. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-01/Final%20AfCFTA%20Guide%20for%20Namibia%20December%202022.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[312] The Guided Trade Initiative: What is it, how does it work and what are we learning about the AfCFTA? // Tralac. URL: https://www.tralac.org/documents/newsletters/5384-tralac-newsletter-march-2024/file.html (дата обращения: 17.04.2026).

По состоянию на июль 2025 года более 39 стран включились в процесс с разным уровнем активности, из которых около трети стран, включая Кению, Руанду и Танзанию, ведут активную торговлю в рамках инициативы[313].

Следующим по значимости стало приглашение Нигерии в качестве пилотной страны для апробации Упрощенного режима торговли в Западной Африке, цель которого – упростить таможенные процедуры для небольших компаний, ориентированных на трансграничную торговлю, облегчить им доступ к региональным рынкам и способствовать углублению экономической интеграции.

В этом контексте представитель Таможенной службы Нигерии Абдуллахи Майвада подчеркнул важную роль страны в развитии внутриафриканской торговли и поддержке малого бизнеса, которые тормозят сложные таможенные процедуры и высокие транзакционные издержки[314].

Упрощенный режим торговли позволяет государствам предоставлять освобождение от таможенных пошлин и налогов в отношении сделок, стоимость которых не превышает минимального порога.

В широком смысле упрощенный режим торговли регулируется статьей VIII Генерального соглашения по тарифам и торговле[315], в которой подчеркивается необходимость сокращения до минимума объемов и сложности импортных и экспортных формальностей и сокращения и упрощения требований к импортной и экспортной документации, а также статьей 10 Соглашения об упрощении процедур торговли Всемирной торговой организации[316].

---

[313] Maximizing the Potentials of the Guided Trade Initiative: A Strategic Roadmap for East Africa // ICOYACA : [офиц. сайт]. 2026. URL: https://www.icoyacaafrica.org/news/view/34 (дата обращения: 17.04.2026).

[314] Nigeria emerges pilot country for AfCFTA STR // The Guardian. 2026. URL: https://guardian.ng/news/nigeria-emerges-pilot-country-for-afcfta-str/ (дата обращения: 17.04.2026).

[315] Art. VIII of the General Agreement on Tariffs and Trade, Geneva, 01.01.1948 // WTO : [офиц. сайт]. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 17.04.2026).

[316] Art. 10 of the Agreement on Trade Facilitation, Geneva, 27.11.2014 // WTO : [офиц. сайт]. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/tfa_e.htm (дата обращения: 17.04.2026).

В Африке упрощенный режим торговли был впервые принят в КОМЕСА в 2010 году[317]. Основой для его регулирования стала статья 3.13 Протокола о правилах происхождения[318].

В настоящее время Упрощенный режим торговли действует в нескольких африканских региональных экономических сообществах. В частности, он активно применяется в Восточноафриканском сообществе в соответствии со статьей 14 Правил происхождения[319], в то время как Сообщество по развитию юга Африки приступило к его внедрению в октябре 2024 года на границах между Малави и Мозамбиком в отношении товаров, стоимость которых не превышает 1000 долл. США. Для САДК правовой основой упрощенного режима торговли является статья 14 Протокола о торговле[320], которая признает право государств-членов принимать меры, необходимые для упрощения и гармонизации торговой документации и процедур[321].

Упрощенный режим торговли также указан в преамбуле Протокола к договору об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли об участии женщин и молодежи в торговле.

Упрощенный режим торговли напрямую направлен на решение проблемы сложных таможенных процедур и обширного пакета документов, которые зачастую мешают небольшим торговым компаниям соблюдать официальные процедуры при трансграничной торговле. Формализация неформального сектора

---

[317] Desiderio D. Beyond Duty Relief: Revisiting the Simplified Trade Regime for enhanced formalization in Africa // SSRN. 2025. 15 p.

[318] Art. 3.13 of the COMESA Protocol on Rules of Origin // COMESA : [офиц. сайт]. URL: https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2022/01/COMESA_Protocol-on-Rules-of-Origin.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[319] Art. 14 of the East African Community Customs Union (Rules of Origin) Rules // Kenya Revenue Authority : [офиц. сайт]. URL: https://www.kra.go.ke/images/publications/CustomsRulesofOrigin.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[320] Art. 14 of the Protocol on Trade in the Southern African Development Community (SADC) Region // SADC : [офиц. сайт]. URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/2021-11/Protocol_on_Trade1996.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[321] Mafurutu R. SADC Simplified Trade Regime: Tracing developments and implementation progress // TRALAC (Trade Law Centre). URL: https://www.tralac.org/publications/article/15680-sadc-simplified-trade-regime-tracingdevelopments-and-implementation-progress.html (дата обращения: 17.04.2026).

посредством таких инициатив, как Упрощенный режим торговли, обладает значительным потенциалом для расширения налоговой базы и увеличения сбора доходов в африканских странах[322].

Процесс имплементации Договора об учреждении АКЗСТ сопряжен с рядом существенных трудностей. Одной из наиболее значимых является наличие множества неоднородных торгово-правовых режимов и соглашений между африканскими государствами, что осложняет формирование единого пространства свободной торговли на континенте. В этих условиях особую важность приобретает координация усилий и развитие сотрудничества между государствами-участниками и региональными экономическими сообществами с целью упрощения механизмов торгового регулирования и наращивания синергии между различными торговыми режимами, что необходимо для получения максимальных выгод от реализации столь масштабного интеграционного проекта.

В настоящее время практически все государства Африки связаны многочисленными двусторонними и многосторонними торговыми соглашениями. Введение в действие континентальной зоны свободной торговли требует тщательной проработки вопроса о том, какой правовой режим – двусторонний договор или Договор об учреждении АКЗСТ – должен применяться к регулированию торгового оборота между государствами. Для решения этой задачи необходимо устранить дублирование положений сходных двусторонних соглашений, содержание которых будет повторяться или вступать в потенциальное противоречие с нормами более масштабного континентального соглашения. Рационализация и упорядочение таких норм выступают важным условием формирования эффективной и согласованной правовой среды для функционирования АКЗСТ. В противном случае в дальнейшем не удастся избежать

[322] Desiderio D. Beyond Duty Relief: Revisiting the Simplified Trade Regime for enhanced formalization in Africa // SSRN. 2025. 15 p.

бюрократических проволочек, которые будут лишь стопорить развитие экономических связей[323].

Существующие правовые и институциональные препятствия, которые ранее ограничивали эффективность региональных экономических сообществ и затрудняли реализацию инициатив в области свободной торговли, могут в равной степени оказать влияние и на результаты функционирования АКЗСТ. Для того чтобы континентальная зона свободной торговли смогла реализовать свой потенциал и обеспечить декларируемые выгоды, необходимо преодолеть имеющиеся правовые и институциональные проблемы. Часть из них обусловлена технической несостоятельностью отдельных институтов, недостаточным уровнем развития физической инфраструктуры, а также широким распространением нетарифных барьеров.

Особого внимания заслуживают два комплекса вопросов, которым долгое время не уделялось должного внимания в экспертном дискурсе, посвященном АКЗСТ. Первый связан с недобросовестной торговой практикой – демпингом, субсидированием и иными протекционистскими мерами, а также с недостаточной развитостью механизмов торговой защиты. Второй касается антиконкурентного поведения на рынках, включая распространенность монополистических практик и отсутствие эффективных режимов конкуренции[324]. Нерешенность этих вопросов способна существенно снизить эффективность создаваемого континентального рынка и ограничить результаты, ожидаемые от внедрения АКЗСТ.

Случаи демпинга и незаконное получение субсидий ограничивают процесс честной конкуренции, делают невозможным процесс справедливого распределения выгод, в том числе от получаемых в рамках АКЗСТ. Положения Договора об учреждении АКЗСТ предусматривают использование средств правовой защиты от

---

[323] Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 116.

[324] Ajibo C. African Continental Free Trade Area Agreement: The Euphoria, Pitfalls and // Journal of World Trade. 2019. Vol. 53, № 5. P. 882.

недобросовестной торговой практики (т.е. использование антидемпинговых мер, защитных мер и компенсационных пошлин). Это объясняется главным образом тем, что большинство участников АКЗСТ не имеют достаточного опыта в навигации по лабиринтам торговых процедур, необходимых для защиты их экономик[325].

Торговля в рамках АКЗСТ должна осуществляться на справедливой и недискриминационной основе всеми компаниями государств-участников, включая малые и средние предприятия. Однако амбициозный характер создаваемого единого рынка сопряжен с риском сохранения и распространения различных форм антиконкурентной практики. Подобные практики представляют серьезную угрозу для справедливой торговли, поскольку препятствуют добросовестной конкуренции между предприятиями, уменьшают благосостояние потребителей и в конечном счете снижают чистые выгоды от функционирования АКЗСТ. Особую опасность антиконкурентное поведение приобретает в тех случаях, когда оно выходит за рамки одной национальной юрисдикции и способствует формированию олигополистических структур вследствие концентрации рыночной власти.

Вред такой концентрации проявляется в случаях, когда доминирующие фирмы злоупотребляют своим положением через такие действия, как ценовой сговор, фиксация цен и хищническое поведение. Это ограничивает преимущества, создаваемые единым рынком АКЗСТ, и в итоге негативно сказывается на разнообразии выбора для потребителей[326].

В то же время Договор учитывает эти вызовы. Так, статья 17 Протокола по товарам регулирует антидемпинговые и компенсационные меры, а статья 12 Протокола по услугам обязывает страны сотрудничать для предотвращения и устранения антиконкурентных практик, ограничивающих торговлю услугами.

---

[325] Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. 2010. URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

[326] Jenny F. Globalisation, Competition and Trade Policy: Convergence, Divergence and Co-operation // Competition Policy in the Global Trading System / C. A. Jones, M. Matsushida (eds.). 2002. P. 16.

Одним из недостатков зоны свободной торговли (по сравнению с таможенным союзом) является относительная сложность администрирования и высокая подверженность отклонениям в торговле. Отклонение в торговле происходит, когда товары из стран вне зоны свободной торговли поступают через государство-член с самым низким тарифом в рамках ЗСТ[327].

Поскольку импортные тарифы представляют собой ключевой инструмент торговой политики, обеспечивающий доходы государствам и защиту отечественной промышленности, важно защитить их от негативных последствий отклонения торговли. Риск отклонения может подорвать функционирование АКЗСТ, вызвать торговые споры и ослабить политическую солидарность, необходимую для успешной интеграции[328].

Именно поэтому правила происхождения товаров (ППТ) разрабатываются с целью найти сбалансированное решение между предотвращением отклонения торговли и защитой внутреннего производства[329].

Однако чрезмерно сложные или избыточные ППТ могут негативно повлиять на чистую эффективность работы региональной торговой зоны. Это объясняется тем, что сложность правил определения происхождения товаров наиболее ощутимо затрагивает малые и средние предприятия, которые вынуждены нести дополнительные расходы, связанные с соблюдением процедур подтверждения происхождения. Такое регулирование негативно влияет на производительность труда и подрывает конкурентные преимущества предприятий, действующих в рамках зоны свободной торговли. Согласно статье 13 Протокола по вопросам торговли товарами только товары, происходящие из государств-участников, имеют право на получение преференциального режима. В Приложении 2 к указанному

---

[327] Felbermayr G., Teti F., Yalcin E. Rules of Origin and the Profitability of Trade Deflection // Journal of International Economics. 2019. Vol. 121. P. 4.

[328] Stuart J. How Similar Are Africa's Trade Regimes? Implications for the AfCFTA // tralac Blog. 2019. URL: https://www.tralac.org/blog/article/14277-how-similar-are-africa-s-trade-regimes-implications-for-the-afcfta.html (дата обращения: 10.06.2025).

[329] Hartzenberg T. AfCFTA Negotiations after Kigali – Keeping an Eye on the End Game // tralac Blog. 20.06.2018. URL: https://www.tralac.org/blog/article/13119-afcfta-negotiations-after-kigali-keeping-an-eye-on-the-end- (дата обращения: 10.06.2025).

Протоколу детально описываются критерии происхождения товаров и приводится развернутое определение продукции, считающейся происходящей с территории государств-участников. Однако практическое применение правил происхождения возлагается на таможенные органы государств, что осложняет их единообразное исполнение и может стать существенным препятствием для успешной реализации АКЗСТ.

Хотя есть множество факторов, связанных с несоблюдением обязательств, которые могут подорвать эффективность межгосударственных соглашений, две проблемы представляются наиболее серьезными в контексте АКЗСТ. Их значимость подтверждается опытом функционирования других региональных интеграционных объединений на Африканском континенте. Во-первых, государства часто сталкиваются с трудностями в обеспечении соблюдения региональных торговых правил, что приводит к их фрагментарному или выборочному применению. Во-вторых, существенной проблемой остается исполнение решений органов по урегулированию споров, поскольку многие государства не обладают достаточной институциональной архитектурой или политической волей для их реализации.

В первом случае, несмотря на то что ратификация региональных документов теоретически выражает приверженность их выполнению, в африканском опыте наблюдается обратная практика. Частичное или полное несоблюдение обязательств оказывается весьма распространенным явлением.

В связи с этим возникает вопрос, зачем африканские государства связывают себя региональными соглашениями с механизмами урегулирования споров, если они не намерены соблюдать решения, принимаемые этими механизмами. Марк Фарозе приводит две причины такого поведения: во-первых, это служит демонстрацией приверженности региональной повестке дня на этапе ее

инициирования, а во-вторых, является страховкой на случай распада других систем за пределами региона, таких как ВТО[330].

Что касается второго аспекта, то, несмотря на наличие региональных судов в рамках интеграционных инициатив Африки, обладающих широкими полномочиями для обеспечения безопасности, предсказуемости и защиты прав и обязательств всех государств-участников, они зачастую не оправдывают возложенных на них ожиданий[331]. Теоретическим объяснением такой ситуации служит специфика международного права, основанного на соблюдении, и непрактичность передачи верховной исполнительной власти полномочий по принудительному исполнению судебных решений, что противоречит внутренним законам, основанным на исполнении[332]. Решение этой проблемы является ключевым императивом для успешной реализации АКЗСТ.

Одним из ключевых условий успешной реализации АКЗСТ выступает цифровизация торговых процессов, позволяющая обеспечить прозрачность, оперативность и надежность трансграничных операций. В этом контексте странам – участницам договора требуется переход на безбумажный документооборот, создание эффективного механизма отчетности, мониторинга и устранения нетарифных барьеров, а также разработка комплексной электронной системы сертификации происхождения товаров. Несмотря на наличие соответствующих инициатив, включая нератифицированный Протокол о цифровой торговле, их практическая реализация остается ограниченной, что существенно снижает потенциал АКЗСТ и замедляет формирование полноценного континентального рынка.

---

[330] Froese M. D. Regional Trade Agreements and the Paradox of Dispute // Manchester Journal of International Economic Law. 2014. Vol. 11, № 3. P. 367.

[331] Warioba J. S. Monitoring Compliance with and Enforcement of Binding Decisions of International Courts // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2001. Vol. 5. P. 47.

[332] Sarkin J. The Role of Regional Systems in Enforcing State Human Rights Compliance: Evaluating the ACHPR and the New ACJHR with Comparative Lessons from the Council of Europe and the OAS // European Human Rights Law Journal. 2008. Vol. 2. P. 214.

Ключевым результатом реализации Протокола о цифровой торговле должно стать формирование благоприятной и предсказуемой бизнес-среды для развития трансграничной электронной коммерции при минимальном уровне торговых барьеров между государствами. В этой связи в качестве базовых элементов соглашения предусматриваются отказ от взимания таможенных пошлин в отношении трансграничных цифровых операций; внедрение унифицированных механизмов электронной аутентификации и «электронного доверия»; отказ от обязательной локализации данных за исключением строго ограниченных и обоснованных случаев; а также устранение протекционистских ограничений, препятствующих свободному трансграничному движению данных.

Важным аспектом в рамках АКЗСТ является введение концепции «Оптимальная валютная зона» (ОСА), также известной как «Оптимальный валютный регион». Эта теория была разработана экономистом Робертом Манделлом, который основывался на предпосылке, что использование единой валюты позволит достичь максимальной экономической эффективности в определенном географическом регионе или области. Манделл подчеркивал, что помимо облегчения торговли единая валюта будет способствовать более глубокой интеграции рынков капитала.

При планировании внедрения оптимальной валюты необходимо иметь в виду ряд ее преимуществ. Учитывая амбициозные масштабы АКЗСТ, можно утверждать, что создание общей валюты способно устранить неопределенности, связанные с колебаниями обменных курсов. Это позволит значительно снизить транзакционные издержки, поскольку внутриконтинентальная торговля перестанет сдерживаться дополнительными расходами на обмен валют, что особенно важно с учетом того, что значительная часть торговли в Африке осуществляется с использованием иностранной валюты, а именно – доллара США.

Таким образом, внедрение ОСА будет способствовать специализации производства, увеличению объемов торговых потоков и инвестиционной активности между странами-членами, что, в свою очередь, поможет преодолеть

проблему низкого уровня межконтинентальной торговли. Кроме того, переход к оптимальной валюте позволит странам Западной и Центральной Африки отказаться от использования франка КФА, привязанного к евро. Однако, учитывая продолжающиеся дебаты относительно преимуществ и издержек зоны франка КФА, необходимо провести всесторонние исследования, направленные на оценку целесообразности и выгод франка КФА и ОСА на континентальном уровне.

Достигнув более глубокого уровня экономической интеграции посредством внедрения общей валюты, регион сможет рассматриваться как единый крупный рынок, что существенно повысит его конкурентоспособность на глобальной арене. Среди ключевых преимуществ перехода к единой валюте следует выделить эффект масштаба, повышение ценовой стабильности и снижение затрат, связанных с государственным вмешательством на валютных рынках.

В целом анализ проблем и перспектив регулирования Африканской континентальной зоны свободной торговли показывает, что, несмотря на высокий интеграционный потенциал АКЗСТ, ее эффективная реализация сталкивается с широким спектром правовых, институциональных и инфраструктурных вызовов. Среди ключевых препятствий выделяются фрагментарность существующих торговых режимов, множественное членство государств в региональных экономических сообществах, отсутствие единообразия в применении торговых правил и недостаток институциональной согласованности между континентальными и региональными структурами. Эти факторы существенно осложняют формирование стабильной нормативной среды и требуют системной гармонизации правового регулирования, а также укрепления институциональных механизмов, обеспечивающих исполнение обязательств в рамках АКЗСТ.

Перспективы развития зоны во многом зависят от способности государств-членов адаптировать свои внутренние правовые системы к соглашению, инвестировать в ключевую торговую и цифровую инфраструктуру и обеспечивать более широкое вовлечение экономических акторов, включая малый и средний бизнес. Дополнительное значение приобретает координация между Африканским

союзом и региональными сообществами, направленная на устранение дублирующих структур и создание единого, внутренне непротиворечивого континентального рынка. Успех АКЗСТ будет обусловлен тем, насколько эффективно государства смогут реализовать заложенные в договоре механизмы либерализации торговли, преодолеть существующие системные барьеры и обеспечить устойчивую интеграцию, способствующую экономическому росту и развитию всего Африканского континента.

ГЛАВА 4. Интересы России в процессах интеграции и сотрудничества с государствами и объединениями Африки

4.1. Правовое регулирование и эволюция российско-африканских отношений

Африка в последние годы становится все более значимым игроком на мировой арене. Обретенное при поддержке России членство Африканского союза в «Группе двадцати» является ярким признанием возрастающей глобальной роли континента[333]. В связи с углублением стратегического партнерства Российской Федерации и государств Африки особую актуальность приобретает международно-правовое регулирование российско-африканских отношений.

В текущей непростой геополитической ситуации перед Россией и Африкой остро встал вопрос необходимости усиления обоюдной активности в совместных проектах, создания условий для увеличения уровня торгово-экономических, политических отношений в целях сдерживания влияния США, Франции, Европейского союза и других акторов как на международной арене, так и на Африканском континенте. Однако успешное сотрудничество невозможно без ясного понимания позиций обоих договаривающихся государств, в связи с чем стратегическое партнерство Российской Федерации, африканских государств и различных внутренних объединений на континенте нашло отражение в ряде международно-правовых актов, обзор и анализ которых приводится в настоящем параграфе.

Дружеские доброжелательные отношения африканского народа, правительственных, военных и предпринимательских элит, образовательных кругов с Российской Федерацией имеют прочные исторические основания. Москва

---

[333] Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 4.

внесла весомый вклад в процесс деколонизации и обретения политической независимости стран Африканского континента.

По инициативе Советского Союза в 1960 году на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам».

СССР на протяжении всех лет своего существования последовательно проводил активную внешнюю политику на Африканском континенте, помогая африканским странам избавиться от колониального гнета, оказывая политическую, военную и материально-техническую поддержку освободительным движениям в различных частях Африки[334].

Так, вскоре после провозглашения независимости Демократической Республики Конго (ДРК) от Бельгии 30 июня 1960 года Моисей Тшомбе, лидер богатой медью провинции Катанга, 11 июля 1960 года объявил о выходе провинции из состава ДРК. В ответ премьер-министр Патрис Лумумба обратился к Совету Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) с просьбой использовать по мере необходимости силу для подавления сепаратистских движений. В результате 14 июля 1960 года СБ ООН принял резолюцию №143, учредившую Операцию Объединенных Наций в Конго. Однако пассивность ООН побудили Лумумбу прибегнуть к военной поддержке со стороны Советского Союза[335].

Советский Союз активно поддерживал и другие страны региона, например поставляя оружие и военную технику в Анголу[336] и Мозамбик[337] в первые годы гражданских конфликтов в этих странах.

---

[334] Shubin V. Russia and Africa: Moving in the Right Direction? // Africa in International Relations / I. Taylor, P. Williams (eds.). London ; New York : Routledge, 2004. P. 105.

[335] Сидорова Г. М. Отношения между СССР и Демократической Республикой Конго в начале 1960-х гг.: зигзаги истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 1. С. 201.

[336] Котов А. С. Участие советских офицеров в гражданской войне в Анголе 1975–1994 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 223.

[337] Шарый В. И. Помощь СССР в создании вооруженных сил Народной Республики Мозамбик. 1964–1991 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 14.

СССР неуклонно налаживал торговые отношения с африканскими странами. Так, в 1960-х годах Нигерия экспортировала в СССР какао-бобы, пальмовые плоды и арахис, импортируя взамен советское промышленное оборудование, текстиль и автомобили[338]. Египет стал первой африканской страной, с которой СССР подписал торговый договор в 1955 году, за ним последовали Тунис (1957), Марокко (1958), Гана, Эфиопия и Гвинея (1959)[339]. К концу своей эпохи Советский Союз заключил с 37 странами Африки соглашения об экономическом сотрудничестве и с 42 странами – торговые соглашения[340].

Рассмотрим некоторые аспекты сотрудничества СССР с африканскими странами на примере советско-алжирский отношений. Советский Союз стал первым в мире государством, 23 марта 1962 года установившим дипломатические отношения с Алжиром, причем за 4 месяца до официального провозглашения его независимости 5 июля, а также оказывал значительную поддержку Алжиру в освободительной войне, содействовал обретению им суверенитета. В страну поставлялось необходимое оружие, работали военные советники[341].

При содействии СССР в Алжире были созданы более 80 народнохозяйственных объектов[342], активно развивались энергетика, машиностроение, горнодобывающая промышленность, металлургия, сельское хозяйство; советские специалисты оказывали помощь в подготовке национальных кадров для различных отраслей экономики, создали 3 высших учебных заведения и 4 техникума[343].

---

[338] Ogunbadejo O. Nigeria and the Great Powers: The Impact of the Civil War on Nigerian Foreign Relations // African Affairs. 1976. Vol. 75, № 298. P. 30.

[339] Сомар В. Россия – Африка: история и перспективы взаимоотношений // Этнодиалоги. 2024. № 1 (72). С. 93.

[340] 125. Африка во внешнеполитических приоритетах России : монография / В. К. Виганд, М. Л. Вишневский, Н. И. Высоцкая [и др.] ; отв. ред. Т. Л. Дейч ; Российская академия наук, Институт Африки. Москва : Институт Африки РАН,. 2003. С. 52.

[341] Богучарский Е. М. СССР и Алжир. 60–70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 51–64.

[342] Бондаренко И. И. Социально-политические преобразования в Алжире // Народы Азии и Африки. 1976. № 1. С. 17.

[343] Скрипкин А. А. СССР и Алжир. Сотрудничество расширяется // Международная жизнь. 1976. № 7.

Между государствами был заключен ряд международных договоров для установления и укрепления партнерских отношений.

Соглашение о культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Алжирской Народной Демократической Республикой от 10 декабря 1963 года предусматривало установление и обмен культурным опытом. В рамках его исполнения между государствами в 1969 году был заключен Протокол об эквивалентности дипломов об образовании и ученых степеней.

Долгосрочное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Алжирской Народной Демократической Республикой от 18 февраля 1972 года было заключено в целях развития импорта и экспорта между странами, правительства которых обязались содействовать развитию обмена товарами.

Договор от 23 февраля 1982 года между СССР и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимном оказании правовой помощи регулировал вопросы предоставления правовой защиты и оказания правовой помощи по гражданским и уголовным делам.

Важно отметить, что указанные договоры носили не просто номинальный характер, а эффективно исполнялись: происходил широкий обмен делегациями в сфере культуры, увеличивался товарооборот между странами, регулярный характер приобретали контакты по линии оказания правовой помощи[344].

Делегация Советского Союза присутствовала на Конференции независимых африканских государств в Акре (столице Ганы), которая состоялась 8–13 декабря 1958 года и стала первым шагом на пути создания Организации африканского единства[345].

---

[344] Злобин Е. В., Энтин М. Л. Правовое регулирование российско-алжирских отношений в контексте перестройки системы международных отношений // Право и управление. XXI век. 2025. № 21 (2). С. 6.

[345] Микаэль Н. К. В. Император Хайле Селассие I и Организация Африканского Единства (к 50-летию Африканского союза) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3. С. 58.

ОАЕ была создана как организация, продвигающая солидарность и единство африканских государств, и за все время своего существования (с 1963 по 2002 год) заключила 22 договора между странами, входящими в ее состав, а не с третьими странами и объединениями[346]. Это объясняется характером самой ОАЕ, которая прежде всего была направлена «внутрь себя», а не «вовне». В связи с этим отношения Советского Союза с ОАЕ не были урегулированы международными договорами. По этой же причине не выстраивались договорные отношения между СССР и региональными экономическим сообществами, активно развивавшимися на континенте.

Таким образом, на протяжении XX века Советский Союз последовательно выстраивал устойчивые и многоплановые двусторонние отношения преимущественно с суверенными африканскими государствами, а не с наднациональными структурами, такими как Организация африканского единства или региональные экономические сообщества. Такая модель взаимодействия опиралась прежде всего на идеологическое сближение, взаимную заинтересованность в процессе деколонизации и противодействия неоколониализму, а также на стремление к справедливому миропорядку, свободному от геополитического доминирования Запада.

Распад Советского Союза оказал существенное негативное влияние на характер и интенсивность российско-африканских связей. Политические, экономические и культурные отношения, успешно развивавшиеся ранее, в значительной степени были свёрнуты. Изменилась и внутренняя ситуация в африканских странах: идеологическое влияние марксистской парадигмы, ранее популярной среди части африканских элит, значительно ослабло.

Становление Российской Федерации как правопреемника СССР закономерно сопровождалось и сменой внешнеполитических приоритетов. Несмотря на международное признание статуса правопреемства, Россия представляла собой

---

[346] OAU/AU Treaties, Conventions, Protocols & Charters // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/treaties (дата обращения: 06.12.2025).

новое государство с иными ценностными и стратегическими установками. На первый план были выдвинуты задачи интеграции в западное политико-экономическое пространство, выстраивание диалога с Соединенными Штатами Америки, Европейским союзом, НАТО, а также необходимое и сопряженное с определенными сложностями внутреннее урегулирование процессов в СНГ.

В этих условиях африканское направление оказалось на периферии внешнеполитического внимания. Как отмечал известный российский африканист и востоковед А. М. Васильев, «российское руководство, занятое делами СНГ, НАТО, взаимоотношениями с США или Китаем, практически не интересуется континентом, за исключением Египта, несмотря на усилия дипломатического ведомства поддерживать контакты с африканскими лидерами»[347].

Активизация российско-африканских контактов началась лишь с конца 1990-х годов. Период длительного перерыва в двустороннем взаимодействии постепенно сменился этапом восстановления и наращивания политических и экономических связей. Подобно Советскому Союзу, современная Россия демонстрирует выверенный, стратегически взвешенный подход к развитию двусторонних связей с государствами Африканского континента. Основой такого взаимодействия выступает принципиальная опора на взаимное уважение государственного суверенитета, признание неделимости, безопасности и соблюдения приоритета национальных интересов партнерских стран. Россия и африканские государства разделяют общие подходы к пониманию международных отношений, в центре которых – верховенство международного права, равноправие суверенных государств, взаимная выгода и уважение как основа устойчивого и справедливого партнерства. Такой подход создает предпосылки для формирования подлинно равноправного диалога, свободного от политического давления и идеологических диктатов.

---

[347] Васильев А. М. Африка: виден ли свет в конце тоннеля? // Азия и Африка сегодня. 2008. № 9 (614). С. 3–4.

Африканский континент продолжает сталкиваться с комплексом серьезных вызовов в сфере безопасности – как на суше, так и в морских акваториях. В различных регионах Африки активно действуют радикальные исламские группировки, такие как «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС), «Джамаат Наср аль-Ислам валь-Муслимин» (ДНИМ), «Боко Харам»[348] и другие, что представляет значительную угрозу как для внутренней стабильности государств, так и для региональной и международной безопасности.

Примером может служить деятельность «Боко Харам» в Нигерии: под руководством Абубакара Шекау группировка на протяжении последнего десятилетия осуществляла террористические акты, массовые похищения, включая захват школьниц, и насильственные перемещения населения в северо-восточном регионе страны[349].

В целях укрепления национальной обороны и обеспечения внутренней безопасности африканских государств Россия последовательно развивает военно-техническое сотрудничество со странами континента. При этом оно осуществляется без предварительных условий, что выгодно отличает российский подход от западных аналогов. Россия поставляла в Анголу, Мали, Мозамбик, Нигерию, Руанду, Судан, Уганду и другие страны широкий спектр военной техники, включая истребители, вертолеты, системы ПВО, бронетанковую технику и иные виды вооружений. В настоящее время военное сотрудничество осуществляется более чем с 40 государствами Африки. Как отметил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на втором саммите «Россия – Африка», Россия настроена «и в дальнейшем вести подготовку военнослужащих и сотрудников органов правопорядка африканских стран в российских специализированных учебных заведениях. В настоящее время в вузах

---

[348] Запрещенные на территории Российской Федерации террористические и экстремистские организации.

[349] From a Religious Sect to a Terrorist Group: The Military and Boko Haram in Northeast Nigeria / E. O. Ezeani, C. K. Ani, C. Ezeibe, K. Ubiebi // African Renaissance. 2021. Vol. 18, № 2. P. 144.

Минобороны России обучаются военнослужащие из многих государств Африки»[350].

Россия является посредником в урегулировании межафриканских конфликтов. Так, в сентябре 2018 года Москва выступила инициатором закрытой мирной встречи в Хартуме между христианским ополчением «Антибалака» и мусульманской коалицией «Селека», завершившейся подписанием совместного обязательства о мире[351]. В морской сфере Россия также внесла значительный вклад в стабилизацию ситуации, особенно в связи с пиратской активностью в районе Африканского Рога[352].

Российская Федерация регулярно входит в число десяти крупнейших государств – плательщиков в бюджеты операций Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира и безопасности. Значительная часть этих финансовых взносов направляется на обеспечение деятельности миссий, реализуемых на африканском континенте, что отражает приверженность России коллективным механизмам урегулирования конфликтов и укрепления стабильности в регионе.

Таким образом, в настоящее время Россия занимает устойчивые позиции в системе обеспечения безопасности африканских стран, развивая многоуровневое военное и военно-техническое сотрудничество, оказывая поддержку в противодействии терроризму, пиратству и другим формам нестабильности на континенте. Россия продолжает активно финансировать различные образовательные и культурные обмены, что отражает стремление России развивать «мягкую силу» в Африке[353].

---

[350] Саммит Россия – Африка // Президент России : [офиц. сайт]. 28 июля 2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71826 (дата обращения: 11.11.2025).

[351] Филиппов В. Р. Центральноафриканская Республика: противостояние Кремля и Елисейского дворца // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 139.

[352] Прямицын В. Н. Военно-морской флот России вносит все возрастающий вклад в борьбу с пиратством в Индийском океане: к 10-летию открытия антипиратской вахты Военно-морского флота Российской Федерации у берегов Сомали // Военно-исторический журнал. 2018. № 10. С. 10.

[353] Дейч Т. Л. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики: роль в отношениях России и Китая с Африкой // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 3 (40). С. 3.

В экономических вопросах Россия проявляет последовательный интерес к содействию развитию промышленности и критически важной инфраструктуры в африканских странах, в том числе через передачу накопленных технологических компетенций. В настоящее время обсуждается участие российской стороны в проектах по индустриализации и цифровизации в таких секторах, как энергетика, сельское хозяйство и добывающая промышленность. Сотрудничество в данных направлениях способно придать дополнительный импульс российско-африканскому партнерству.

Москва традиционно поддерживает всестороннее развитие экономических связей как с отдельными африканскими государствами и региональными объединениями, так и с Африканским союзом как с ключевой организацией на континенте. Существенным катализатором в процессе укрепления диалога стал первый саммит «Россия – Африка», состоявшийся 23–24 октября 2019 года в г. Сочи. В преддверии мероприятия президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «открывается новая глава в отношениях между Россией и странами Африки», напомнив о вкладе СССР и России в борьбу за независимость континента, поддержку в становлении государственности, экономики и системы национальной безопасности[354].

Подписание Указа президента № 74 от февраля 2019 года о проведении саммита ознаменовало возвращение России в Африку после продолжительного периода сокращения взаимодействия, характерного для 1990-х годов. Это событие было воспринято в ряде африканских столиц как восстановление геополитического баланса и альтернативы внешнему давлению со стороны других глобальных акторов. В сложившихся негативных условиях усиления проявлений неоколониализма, сопровождающегося ростом конкуренции за доступ к стратегическим ресурсам, формирование суверенных и взаимоуважительных связей между Россией и Африкой приобретает особую актуальность.

---

[354] Заявления президентов России и Египта для прессы по итогам саммита «Россия – Африка» // Президент России : [офиц. сайт]. 24 октября 2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61896 (дата обращения: 07.08.2025).

Ключевым моментом в развитии отношений стал первый саммит «Россия – Африка», прошедший в Сочи в 2019 году. Он стал ярким подтверждением стремления Москвы к укреплению связей с африканским континентом. Саммит, организованный при участии президента России Владимира Путина и президента Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси, собрал 43 главы африканских государств. В ходе мероприятия было подписано множество соглашений, включая партнерство с Африканским союзом[355].

Итогом саммита «Россия – Африка» стала Декларация первого саммита «Россия – Африка» от 24 октября 2019 года. В ней делается акцент на создании механизма диалогового партнерства, сотрудничества в политике, в сфере обеспечения безопасности, торгово-экономического сотрудничества, а также сотрудничества в правовой, научно-технической, информационной сферах и сфере охраны окружающей среды. Документ подтвердил стратегию развития стран Африки на ближайшие 50 лет.

Второй саммит, состоявшийся в 2023 году на фоне продолжающегося конфликта на Украине и санкционного давления со стороны Запада, также продемонстрировал устойчивость и стратегическую направленность российско-африканского сотрудничества. Результатом стали соглашения в сферах безопасности, экономического взаимодействия и облегчения долговой нагрузки.

К числу ключевых итоговых документов второго саммита относятся итоговая Декларация и План совместных действий до 2026 года. Декларация охватывает практически весь комплекс направлений двустороннего взаимодействия, включая политико-правовое сотрудничество, вопросы международной и региональной безопасности, торгово-экономическую, научно-техническую, а также гуманитарную, культурную, спортивную и экологическую сферы.

Документом обозначены ориентиры на дальнейшее углубление внешнеполитической координации, расширение торгово-инвестиционного

[355] Clifford B. The 2019 Russia–Africa Summit: A New Era of Cooperation // African Diplomacy Review. 2021. Vol. 29, № 4. P. 115.

взаимодействия и развитие промышленной кооперации между Россией и африканскими государствами. Кроме того, в итоговом документе говорится, что Россия и страны Африки договорились добиваться компенсации ущерба от колониальной политики, а также содействовать возвращению культурных ценностей.

Россия рассматривает Африканский континент в качестве перспективного и динамично развивающегося рынка сбыта отечественной сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна, включая пшеницу[356]. Данный вектор сотрудничества отвечает интересам продовольственной безопасности региона и способствует расширению внешнеэкономического присутствия России в аграрном секторе. В свою очередь, африканские государства осуществляют поставки на российский рынок тропических сельхозтоваров, таких как какао-бобы, кофе, и другой аграрной продукции[357].

Крупнейшими экспортными товарами из ЕАЭС на африканский рынок выступают пшеница, нефть, растительные масла, стальной прокат, грузовые транспортные средства, уголь и телекоммуникационное оборудование. В то же время среди товаров, импортируемых странами блока из Африки, традиционно преобладают фрукты, цитрусовые, какао-бобы, минеральные руды и овощи[358].

Как отмечают многие исследователи, включая экспертов Центра Карнеги, активное продвижение концепции «зеленой» экономики, в частности развитие сектора альтернативной энергетики, напрямую связано с необходимостью укрепления энергетической безопасности ведущих государств – прежде всего тех, которые зависят от импорта углеводородов. Именно это, по их мнению, остается

---

[356] Михневич С., Красильников С. Африка – перспективное направление евразийского сотрудничества с партнерами из третьих стран // Дзен : платформа. 19.02.2025. URL: https://dzen.ru/a/Z7ddT4PcBH6h4yxX (дата обращения: 28.09.2025).

[357] Хмелева Г. А. Состояние, тенденции и перспективы российско-африканской торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 7. С. 84.

[358] Африка и ЕАЭС – перспективы сотрудничества огромны // Евразийская ассоциация бизнеса. 23.05.2025. URL: https://www.eaab.ru/tpost/kxrzbcxnv1-afrika-i-eaes-perspektivi-sotrudnichestv (дата обращения: 29.08.2025).

одним из ключевых факторов, определяющих вектор экологических и энергетических реформ в глобальном масштабе[359].

Однако следование западной модели действий по предупреждению потепления климата неизбежно приведет к росту зависимости развивающихся стран от бывших метрополий и их союзников, усилит неравномерное распределение финансовых и технологических благ и ресурсов.

По этой причине Африка скептически относится к такой модели энергетического перехода и продолжает делать ставку на системное развитие топливно-энергетического комплекса, нефтегазовой и связанных с ней отраслей экономики. Активным партнером африканских государств в этом плане являются российские энергетические гиганты.

Со своей стороны Российская Федерация также способствует развитию двух- и многосторонних связей с Африкой по линии Евразийского экономического союза, что стало одним из приоритетных направлений внешней деятельности ЕАЭС. В частности, в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года одним из ключевых положений обозначено «позиционирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира», что предусматривает активное укрепление связей с партнерами «за внешним периметром» Союза. Реализация внешнеторгового потенциала также является одним из основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года. Реализация внешнеторгового потенциала Союза предполагает в том числе поддержку развития отраслей экономики, развитие взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами и их интеграционными объединениями, а также международными организациями.

Таким образом, поддержание и развитие политических, торгово-экономических и иных форм сотрудничества с африканскими государствами и

---

[359] Порфирьев Б. «Зеленая» экономика: реалии, перспективы и пределы роста // Рабочие материалы Карнеги. 2013. 33 с. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/WP_Porfiriev_web.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

интеграционными объединениями отвечает стратегическим интересам как Российской Федерации, так и Евразийского экономического союза, поскольку способствует диверсификации внешнеэкономических связей, укреплению позиций на формирующихся рынках и созданию устойчивых правовых и институциональных механизмов долгосрочного взаимодействия.

4.2. Правовая архитектура взаимодействия Российской Федерации и Евразийского экономического союза с Африкой

Двусторонние и многосторонние договоренности, а также формирование совместных институтов и инициативных платформ с участием российских и африканских партнеров способствуют институционализации взаимодействия и повышению его системной устойчивости. К числу таких механизмов относятся подписанные меморандумы о взаимопонимании, соглашения о сотрудничестве в сферах инвестиций, торговли, науки и технологий, а также целевые инициативы по реализации проектов устойчивого развития. В совокупности с деятельностью совместных межправительственных комиссий, деловых форумов и отраслевых площадок эти инструменты формируют нормативно-правовую и организационную основу для поступательного расширения экономических и социально-политических связей между Российской Федерацией, Евразийским экономическим союзом и африканскими государствами.

Российско-африканское сотрудничество является неотъемлемой составляющей усилий по формированию справедливого и многополярного мирового порядка, основанного на принципах суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и уважения международного права.

Взаимодействие Российской Федерации и ЕАЭС с Африкой может эффективно развиваться в рамках многоуровневой модели правового сотрудничества, охватывающей панафриканский (Африканский союз),

региональный (региональные экономические сообщества) и национальный уровни (отдельные государства континента).

Как было рассмотрено выше, Африканский союз и региональные экономические сообщества обладают международной правосубъектностью, включая правомочие на заключение международных договоров с третьими субъектами, а также участие в реализации совместных инициатив. Это создает предпосылки для заключения торговых соглашений и соглашений о партнерстве как с отдельными государствами Африки, так и с интеграционными объединениями.

На панафриканском уровне целесообразно выстраивать взаимодействие на стратегическом уровне, заключая соглашения о стратегическом партнерстве, меморандумы о взаимопонимании, рамочные соглашения в крупных сферах (инвестиции, наука и другие). По линии Российской Федерации заключен Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Африканским союзом об основах взаимоотношений и сотрудничестве, по линии ЕАЭС – Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества.

С учетом возрастающей роли АС представляется актуальным заключение большего количества стратегических соглашений, регулирующих отдельные сферы взаимодействия. В данном случае актуальным может быть опыт Китая, подписавшего с АС Рамочную программу сотрудничества в области науки и технологий[360], и Соединенных Штатов Америки, учредивших совместную с АС рабочую группу по стратегическому инвестированию[361].

---

[360] China and the African Union Commission Sign Cooperative Framework on Science and Technology // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/pressreleases/20250926/china-and-auc-sign-cooperative-framework-science-and-technology (дата обращения: 06.12.2025).

[361] Joint Statement of the African Union Commission and the United States on the Launch of a Strategic Investment Working Group // African Union : [офиц. сайт]. URL: https://au.int/en/pressreleases/20260129/joint-statement-auc-and-us-launch-strategic-investment-working-group (дата обращения: 06.03.2026).

Так как на текущем этапе АКЗСТ не начала полноценное функционирование, взаимодействие на операционном уровне целесообразно осуществлять с отдельными РЭС, наиболее развитыми из которых являются ВАС, ЭКОВАС и САДК. Для ЕАЭС данный формат представляется наиболее перспективным с точки зрения заключения соглашений о свободной торговле или торгово-экономическом сотрудничестве, поскольку РЭС выступают «узловыми» элементами африканской интеграционной архитектуры.

Существенную роль в развитии этого взаимодействия играет Деловой совет ЕАЭС, в рамках которого российский бизнес представлен Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП). Совет активно развивает систему бизнес-диалогов с внешними партнерами, в том числе из стран Африки, тем самым способствуя укреплению внешнеэкономических позиций Евразийского экономического союза и стимулированию новых форм торгово-инвестиционного сотрудничества.

Деловой совет ЕАЭС ведет консультации с представителями бизнеса Экономического сообщества государств Центральной Африки по созданию эффективного диалога. Африканские партнеры высоко оценивают опыт многосторонней интеграции бизнеса в ЕАЭС и видят в нем модель для организации собственных форматов сотрудничества. В частности, по итогам Петербургских международных экономических форумов 2022 и 2023 годов состоялся обмен информацией и консультации с руководством ЭСГЦА, что привело к созданию Федерации торгово-промышленных палат ЭСГЦА, начавшей работу в декабре 2024 года. Эта организация совместно с Деловым советом ЕАЭС станет соучредителем бизнес-диалога «ЕАЭС – ЭСГЦА» в ближайшем будущем.

На Первой министерской конференции Форума партнерства «Россия – Африка» были проведены встречи представителей Евразийской экономической комиссии и Афрэксимбанка, в ходе которых достигнута договоренность о

разработке плана совместных мероприятий и создании деловых площадок для прямого взаимодействия[362].

Министр Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) отметил успехи в реализации интеграционных проектов и выразил готовность к обмену опытом по достижению Целей устойчивого развития ООН. Особое внимание было уделено ценности интеграционного опыта африканских субрегиональных объединений для Евразийского экономического союза, а также необходимости повышения понимания условий функционирования единого рынка ЕАЭС, включая техническое регулирование и санитарно-фитосанитарные меры.

Министр также отметил, что Африка демонстрирует опережающие темпы цифровизации, особенно в финансовом секторе, что представляет практический интерес для интеграционных процессов в ЕАЭС. Важной инициативой стало развитие диалога с Африканским союзом и укрепление нормативно-правовой базы взаимодействия. Планируется продление Меморандума о взаимопонимании и активизация обмена интеграционным опытом, что отражает растущий интерес африканских стран к евразийской интеграционной повестке.

Особое значение для развития государств и интеграционных объединений в современном мире приобретает активизация сотрудничества в сфере регулирования новых технологий – сложного и динамичного процесса, часто сопряженного с конфликтами между различными нормативными требованиями. Так, например, Европейский союз столкнулся с серьезными трудностями при внедрении блокчейн-технологий из-за их противоречий с законодательством о защите персональных данных[363]. Совместное взаимодействие в области цифровизации позволит минимизировать такие конфликты и обмениваться

---

[362] ЕЭК и Африканский экспортно-импортный банк активизируют взаимодействие // Евразийская экономическая комиссия. 12.11.2024. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-afrikanskiy-eksportno-importnyy-bank-aktiviziruyut-vzaimodeystvie/ (дата обращения: 06.12.2025).

[363] Злобин Е. В. Проблемы совместимости блокчейн-технологии и GDPR в Европейском союзе на примере использования криптоактивов // Юридическая наука. 2024. № 8. С. 301.

эффективными подходами к регулированию инноваций, избежать негативный опыт Европейского союза при регулировании новых технологий.

Мари-Терез Шанталь Мфула Эджомо, комиссар по территориальному развитию и инфраструктуре Экономического сообщества государств Центральной Африки, отметила формализацию прямого диалога с Евразийской экономической комиссией и обмен лучшими практиками через семинары как ключевые направления развития интеграционного сотрудничества между ЕЭК и ЭСГЦА. Особое внимание уделяется реализации климатической повестки, проектам «зеленой» экономики и улучшению делового климата в регионе с призывом активизировать инвестиции в экономику стран-членов[364].

Стив Патрик Лаланде, директор Департамента развития партнерства и мобилизации ресурсов Комиссии Африканского союза, подчеркнул рост рабочих вопросов в сотрудничестве с ЕАЭС и призвал к проведению совместных форумов, выездных встреч и семинаров. Это будет способствовать обмену интеграционным опытом в регулировании, привлечении инвестиций, поддержке малого и среднего бизнеса, информировании бизнес-сообщества и развитии образования[365].

В рамках ЕАЭС ведется активная работа по развитию нормативно-правовой базы, направленной на гармонизацию технических регламентов, стандартизацию и унификацию сертификационных процедур, а также укрепление сотрудничества в санитарном и фитосанитарном контроле. Это создает благоприятные условия для роста товарооборота и инвестиций между Евразийским союзом и африканскими странами. В настоящее время ведутся переговоры о соглашении о свободной торговле с Египтом, а также подписан Меморандум о сотрудничестве с Правительством Марокко.

---

[364] ЕАЭС и Африка намерены развивать сотрудничество в вопросах продовольственной безопасности // Евразийская экономическая комиссия. 28.07.2023. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-afrika-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-voprosakh-prodovolstvennoy-bezopasnosti-/ (дата обращения: 06.12.2025).

[365] ЕАЭС видит перспективы в активизации сотрудничества со странами Африки // Евразийская экономическая комиссия. 17.05.2019. URL: https://eec.eaeunion.org/news/17-05-2019-5/?ysclid=miue4unq8t316885553 (дата обращения: 06.12.2025).

Параллельно с Африканским союзом рассматривается взаимодействие с другими ключевыми региональными объединениями Африки – ВАС и САДК. Установление диалога и партнерства с этими организациями открывает перспективы для развития взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и африканскими регионами[366].

На национальном уровне сохраняется ключевая роль двусторонних соглашений с отдельными государствами, особенно в сферах инвестиций, энергетики, инфраструктуры, военно-технического сотрудничества и недропользования. Такой подход активно использует Китай, который сочетает институциональные форматы (например, Форум сотрудничества «Китай – Африка») с широкой сетью двусторонних соглашений, предоставлением кредитов и созданием специальных экономических зон. Для России данный уровень остается базовым и наиболее разработанным, что подтверждается многочисленными соглашениями и проектами между РФ и африканскими государствами, при этом расширение взаимодействия на уровне АС и РЭС может позволить России сформировать единые с Африкой подходы к реализации масштабных инициатив на континенте.

Таким образом, эффективная модель взаимодействия с Африкой неизбежно носит многоуровневый характер: рамочные соглашения заключаются на уровне континента, торгово-экономические – на уровне региональных объединений, а прикладные и отраслевые – на уровне отдельных государств.

[366] Ibid.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая настоящее исследование, исходя из цели и задач, обозначенных во введении, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы об особенностях правового регулирования интеграционных процессов в Африке.

1. Западные теоретико-методологические подходы к экономической интеграции, в частности классические модели, разработанные в рамках послевоенного европейского регионализма, не в полной мере применимы к анализу и объяснению интеграционных процессов на Африканском континенте, так как исходят из предпосылок институциональной зрелости, стабильной правовой среды и высокого уровня экономического развития, что существенно ограничивает их эвристическую ценность для Африки, где преобладают совершенно иные исторические, политико-правовые и социально-экономические условия.

Разветвленная сеть РЭС, неоднородный уровень развития африканских государств и объединений, фрагментарность правовой интеграции обусловливают необходимость разработки собственных африканских подходов, способных учитывать уникальные параметры интеграционного развития.

Одним из наиболее перспективных направлений в этом отношении является концептуальная модель ALDIM (*Analytical Law and Development Integration Model*, Аналитическая модель интеграции права и развития), предложенная африканским исследователем Якубу Идизире Нагу. Она представляет собой междисциплинарный аналитический подход, сочетающий правовые и экономические элементы регионального развития. Модель опирается на синтез двух ключевых теоретических положений: аналитического инструментария Йонг-Шика Ли, фокусирующегося на качестве правовых норм и институтов, а также концепции «регионализма развития» Файзела Исмаила, подчеркивающей необходимость адаптации региональных интеграционных стратегий к структурным реалиям стран Глобального Юга.

Африканские теории региональной интеграции применяются как теоретическая основа институтами и органами Африканского союза, региональных экономических сообществ при подготовке аналитических отчетов и материалов и, как следствие при принятии решений о дальнейшем развитии объединений.

Подходы африканских исследователей внесли значимый вклад в формирование африканской парадигмы интеграционного права, учитывающей внутренние социально-экономические особенности континента и предлагающей концептуальный фундамент для устойчивого развития интеграционных процессов в Африке.

2. Начиная с 1960-х годов, в период активной деколонизации, африканские государства приступили к формированию институциональных механизмов, направленных на достижение целей политической консолидации, экономического взаимодействия и устойчивого развития. Одним из первых и наиболее значимых шагов на этом пути стало учреждение в 1963 году Организации африканского единства – первого всеафриканского межгосударственного образования, ставшего платформой для координации политического курса государств региона и символом панафриканского единства.

Полностью сконцентрировавшись на борьбе с колониализмом и апартеидом, ОАЕ продемонстрировала ограниченную эффективность в сфере углубления экономической интеграции, институционального строительства, миротворчества и защиты прав человека. Недостаток наднациональных полномочий, отсутствие действенных механизмов имплементации решений, а также высокая степень политической разобщенности между государствами-членами стали ключевыми факторами, ограничивавшими потенциал ОАЕ как полноценной интеграционной структуры.

В связи с нарастающей необходимостью реформирования архитектуры континентального сотрудничества и перехода к более институционально оформленной модели интеграции в 2002 году на базе ОАЕ был создан Африканский союз.

АС сконцентрировал усилия на развитии континентальной правовой системы, укреплении механизмов коллективной безопасности, создании условий для ускоренной экономической интеграции и выстраивании единого политико-правового пространства. Более того, АС стал важным субъектом международного права и признанным представителем интересов Африки на мировой арене.

Таким образом, переход от ОАЕ к АС представляет собой качественный этап в эволюции африканской интеграции, выражающийся в трансформации традиционной межправительственной организации, сосредоточенной преимущественно на политических вопросах, в интеграционное объединение, ориентированное в перспективе на все более тесное сближение и единство государств, совместное управление суверенными полномочиями, переданными на наднациональный уровень для достижения целей устойчивого развития.

3. Африканский союз последовательно реализует собственную программу институциональной трансформации, направленную на повышение эффективности функционирования своих институтов и органов, укрепление нормативной базы и создание сбалансированной модели взаимодействия между государствами-членами и региональными экономическими сообществами.

В долгосрочной перспективе подобная стратегия направлена на формирование целостного правового и институционального пространства, способного обеспечить реальную автономию континента от внешних акторов, расширить пространство для самостоятельного стратегического планирования, а также укрепить субъектность Африки в международных отношениях.

Следует отметить, что ряд системных проблем в рамках Африканского союза остается нерешенным. К числу наиболее острых относятся юридические коллизии между нормами права АС, правом РЭС и национальными правовыми системами; юрисдикционные конфликты, обусловленные отсутствием четкого распределения компетенций между институтами различного уровня; институциональная недостроенность – на текущий момент Панафриканский парламент и Постоянный суд Африканского союза не исполняют в полном объеме своих функций, оставаясь

в статусе структур с ограниченными возможностями и ограниченной нормативной базой.

Преодоление имеющихся проблем требует не слепого следования европейскому пути, а согласования политических усилий, расширения полномочий действующих институтов и последовательного наращивания правотворческой и правоприменительной практики в рамках АС и РЭС.

4. Региональные экономические сообщества функционируют в рамках зонтичного интеграционного режима, закрепленного в Договоре об учреждении Африканского экономического сообщества, которое, в свою очередь, органически встроено в институциональную структуру Африканского союза. В отличие от классических моделей интеграции, основанных на иерархичной или централизованной системе управления, африканская модель представляет собой многоуровневую и полицентричную структуру, в которой национальные, субрегиональные и континентальные уровни взаимодействуют в рамках гибкой и подвижной нормативно-правовой архитектуры.

Каждое из интеграционных объединений устанавливает собственные – зачастую уникальные – правовые условия членства, торговых преференций, технического регулирования, а также судебной защиты прав участников. В результате всем акторам внешнеэкономической деятельности, государственным структурам и инвесторам необходимо тщательно учитывать особенности правового поля каждого сообщества. Это особенно важно в условиях множественного членства стран Африки в нескольких РЭС одновременно, что нередко порождает юрисдикционные конфликты и правовую фрагментацию.

Зонтичный режим АЭС – уникальный в международной практике интеграционного права – до настоящего времени остается слабо исследованным как с точки зрения юридической доктрины, так и в контексте судебной практики. Он порождает целый ряд правовых вызовов, связанных с согласованием норм различных уровней, разделением компетенций, обеспечением исполнения решений и построением эффективной системы разрешения споров.

5. Проведенный анализ подтверждает, что континент сталкивается с комплексом структурных трудностей, препятствующих поступательному развитию интеграционных процессов. Наличие разноскоростной интеграции между признанными региональными экономическими сообществами, значительные расхождения в уровне их институциональной и экономической консолидированности, а также отсутствие единообразной практики имплементации правовых актов АС и самих РЭС в национальные правопорядки свидетельствуют о сохраняющейся фрагментированности интеграционного пространства. Множество нерешенных вопросов, касающихся будущего правового статуса РЭС после слияния, распределения их активов и обязательств, механизмов и темпов формирования АЭС, а также будущего не признанных АС объединений, таких как Южноафриканский таможенный союз, демонстрируют институциональную незавершенность существующей модели.

Эти вызовы усугубляются внешними и внутренними факторами: политической нестабильностью, вооруженными конфликтами, участием государств одновременно в нескольких РЭС, низкой эффективностью региональных институтов, недостатком гармонизации экономической политики и снижением внешнего финансирования. Тем не менее, несмотря на перечисленные проблемы, динамика последних лет свидетельствует о том, что Африка постепенно движется в направлении более глубокого и скоординированного интеграционного проекта, настоящее и будущее которого напрямую зависит от степени политической воли государств-членов, эффективности работы региональных экономических сообществ и способности АС обеспечить надлежащую координацию РЭС.

6. Право Африканского союза определяется как система норм, закрепленных в учредительных договорах и протоколах к ним, а также в резолюциях, решениях и иных актах, принятых Организацией африканского единства и Африканским союзом и регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе африканской интеграции. При этом право региональных экономических сообществ

обоснованно рассматривается как составной элемент данной системы в широком, системном смысле либо как протоправо, интеграционный потенциал которого реализуется по мере углубления панафриканской интеграции и институционального сближения РЭС в рамках АЭС.

Доказано, что источники права Африканского союза целесообразно классифицировать на три группы. К первой группе относятся учредительные акты – Учредительный акт Африканского союза, Договор об учреждении Африканского экономического сообщества и Договор об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли, обладающие высшей юридической силой и закрепляющие цели, принципы, институциональную структуру и стратегические направления интеграционного развития.

Ко второй группе относятся международно-правовые акты, направленные на институционализацию взаимодействия между Африканским союзом и региональными экономическими сообществами, включая протоколы и меморандумы, разграничивающие компетенции и обеспечивающие координацию между различными уровнями интеграционной архитектуры.

К третьей группе отнесены акты институтов и органов Африканского союза, регулирующие отдельные направления сотрудничества и обеспечивающие оперативную координацию взаимодействия с РЭС, что подтверждается как практикой деятельности Ассамблеи Африканского союза, так и эволюцией принимаемых ею решений.

Сформулированный подход позволяет рассматривать право Африканского союза как развивающуюся многоуровневую систему, в рамках которой осуществляется постепенная консолидация интеграционных режимов на континенте.

7. Одним из ключевых рубежей в развитии африканской интеграции стало учреждение АКЗСТ в 2019 году, имеющей стратегическое значение как с точки зрения экономического развития континента, так и в контексте формирования единого правового и торгового пространства.

Цель создания АКЗСТ заключается в преодолении экономической фрагментации, унаследованной от колониального периода и усугубленной разрозненной практикой заключения двусторонних и субрегиональных торговых соглашений. Она должна выступить в качестве континентального каркаса, дополняющего и координирующего деятельность действующих региональных экономических сообществ, и одновременно расширяющего охват регулирования в таких сферах, как трансграничные инвестиции, защита прав интеллектуальной собственности, правила конкуренции, торговля услугами, электронная коммерция.

С правовой точки зрения Договор об учреждении АКЗСТ является одним из наиболее амбициозных и проработанных международных документов на Африканском континенте. Он заложил основу для формирования крупнейшей зоны свободной торговли в мире по числу государств-участников (54 страны). Его положения включают обязательства не только по снижению тарифных барьеров, но и по институциональному и правовому обеспечению торговли, созданию органов мониторинга, а также механизмы урегулирования споров.

Несмотря на то что АКЗСТ до сих пор не функционирует в полном объеме, ее создание позволило сформировать единый интеграционный вектор развития всего континента и усилило роль Африканского союза как координирующего центра панафриканской интеграции, а запущенные проекты, такие как Инициатива по регулированию торговли и Упрощенный режим торговли, уже вносят вклад в развитие межафриканской торговли и охватывают большинство африканских государств.

8. Африка XXI века существенно изменилась: несмотря на сохраняющиеся внутренние противоречия и вызовы, наблюдается устойчивый рост экономического потенциала, институциональное укрепление государств и активизация их участия в глобальных политико-экономических процессах. Африканские страны превращаются в значимого актора мировой политики и экономики. На этом фоне интерес к региону, особенно со стороны Российской Федерации как давнего партнера Африки, закономерно возрастает.

В результате проведенного исследования установлено, что формирование устойчивой модели российско-африканского сотрудничества требует опоры на многоуровневую систему правового взаимодействия, включающую панафриканский, региональный и национальный уровни. При этом на каждом уровне формируется собственная логика договорного регулирования: стратегические и рамочные соглашения – на уровне Африканского союза; торгово-экономические и секторальные – на уровне региональных объединений; двусторонние соглашения, регулирующие отдельные сферы, включая военно-техническое сотрудничество и недропользование, – на уровне отдельных государств. Учет опыта других внешних акторов, таких как Китай, США и Европейский союз, свидетельствует о целесообразности сочетания заключения соглашений на всех трех уровнях взаимодействия с созданием совместных платформ, проведением деловых форумов и реализацией совместных проектов.

В этой связи дальнейшее развитие договорно-правовой базы, углубление институционального диалога с Африканским союзом и региональными экономическими сообществами, а также адаптация лучших международных практик к специфике африканского контекста представляются ключевыми направлениями укрепления позиций Российской Федерации и Евразийского экономического союза на африканском континенте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Международные договоры

На английском языке:

1. Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area, 21.03.2018 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-treaty-consolidated_text_on_cfta_-_en.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

2. Agreement Establishing the Intergovernmental Authority on Development, 21.03.1996 // ICPALD : [офиц. сайт]. – URL: https://icpald.org/download/agreement-establishing-igad/ (дата обращения: 17.04.2026).

3. Agreement on Trade Facilitation, Geneva, 27.11.2014 // WTO : [офиц. сайт]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/tfa_e.htm (дата обращения: 17.04.2026).

4. Charter of the Organization of African Unity, 25.03.1957 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

5. COMESA Protocol on Rules of Origin // COMESA : [офиц. сайт]. – URL: https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2022/01/COMESA_Protocol-on-Rules-of-Origin.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

6. Community of Sahel-Saharan States Revised Treaty, N’Djamena, 16.02.2013 // Electronic Database of Investment Treaties. – URL: https://edit.wti.org/document/show/5dbd7174-6ed3-403d-a5ed-9b1de76cd34e (дата обращения: 17.04.2026).

7. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union Consolidated version of the Treaty on European Union Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union Protocols Annexes to the Treaty on the Functioning of the European Union Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty

of Lisbon, signed on 13 December 2007 Tables of equivalences // OJ C 202. – 07.06.2016. – P. 1–388.

8. Constitutive Act of the African Union, Lome, 11.07.2000 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

9. Declaration and Treaty of SADC, Windhoek, 17.08.1992 // Southern African Development Community : [офиц. сайт]. – URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/2021-11/Declaration__Treaty_of_SADC_0.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

10. East African Community Customs Union (Rules of Origin) Rules // Kenya Revenue Authority : [офиц. сайт]. – URL: https://www.kra.go.ke/images/publications/CustomsRulesofOrigin.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

11. EU-SADC Economic Partnership Agreement, Kasane, 10.06.2016 // Eur-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22016A0916(01)&from=EN (дата обращения: 17.04.2026).

12. General Agreement on Tariffs and Trade, Geneva, 01.01.1948 // WTO : [офиц. сайт]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 17.04.2026).

13. Protocol on the establishment of the East African Community Common Market, Arusha, 20.11.2009 // East African Court of Justice : [офиц. сайт]. – URL: https://eacj.org/wp-content/uploads/2012/08/Common-Market-Protocol.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

14. Protocol on Trade in the Southern African Development Community (SADC) Region // SADC : [офиц. сайт]. – URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/2021-11/Protocol_on_Trade1996.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

15. Revised Treaty of the Economic Community of West African States, Abuja, 28.05.1975 // Economic Community of West African States : [офиц. сайт]. – URL:

https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2022/08/Revised-treaty-1.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

16. Treaty Establishing the African Economic Community, 03.06.1991 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-TREATY_ESTABLISHING_THE_AEC-compressed.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

17. Treaty Establishing the Arab Maghreb Union, Marrakesh, 17.02.1989 // United Nations : [офиц. сайт]. – URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201546/volume-1546-I-26844-English.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

18. Treaty Establishing the Common Market for Eastern and Southern Africa, Kampala, 05.11.1993 // Common Market for Eastern and Southern Africa : [офиц. сайт]. – URL: https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2019/02/comesa-treaty-revised-20092012_with-zaire_final.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

19. Treaty Establishing the Economic Community of Central African States, Libreville, 18.10.1983 // UNCTAD : [офиц. сайт]. – URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2401/download (дата обращения: 17.04.2026).

20. Treaty for the Establishment of the East African Community, Arusha, 30.11.1999 // East African Community : [офиц. сайт]. – URL: https://www.eacj.org/?page_id=33 (дата обращения: 17.04.2026).

II. Правовые акты ОАЕ и АС

На английском языке:

21. Assembly of the African Union Seventh Ordinary Session 1–2 July 2006. Decisions and Declarations. Assembly/AU/4 (VII) // African Union. – URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9555-assembly_au_dec_111-133_vii_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

22. Assembly of the Union. Twenty-Seventh Ordinary Session, 17–18 July 2016 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/31274-assembly_au_dec_605-620_xxvii_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

23. Decision on the Africa Malaria Progress Report. Assembly/AU/Dec.904(XXXVIII) // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/10786/Assembly%20AU%20Dec%20%20903%20-%20941%20%28XXXVIII%29%20_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

24. Decision on the African Union Budget for 2024 No. EX.CL/1432(XLIII) // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/46018-EX_CL_Dec_1217-1232_XLIII_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

25. Decision on the Establishment of an African Institute of International Law in Arusha, The United Republic of Tanzania, Assembly/AU/14(XVIII) Add.5 // African Union : [офиц. сайт]. – 2012. – URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/1319/Assembly%20AU%20Dec%20405%20%28XVIII%29%20_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

26. Decision on the Outcome of the Retreat of the Assembly of the African Union on the Institutional Reform of the African Union. Assembly/AU/Dec.635(XXVIII) // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/documents/33271-doc-assembly_au_dec_621_-_641_xxviii_e_reform_decision.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

27. Memorandum of Understanding on Cooperation in the Area of Peace and Security between the African Union, the Regional Economic Communities and the Coordinating Mechanisms of the Regional Standby Brigades of Eastern Africa and Northern Africa // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://www.peaceau.org/uploads/mou-au-rec-eng.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

28. Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights, Assembly/AU/Dec.529(XXIII) // African Union : [офиц. сайт]. – 2014. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36398-treaty-0045_-

_protocol_on_amendments_to_the_protocol_on_the_statute_of_the_african_court_of_justice_and_human_rights_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

29. Protocol on Relations Between the African Union (AU) and the Regional Economic Communities (RECs) // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/1621/Protocol_Relations_AU_RECs_E.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

30. Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Right, 01.07.2008 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36396-treaty-0035_-_protocol_on_the_statute_of_the_african_court_of_justice_and_human_rights_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

31. Protocol on Trade in Goods to the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area // AfricanLII. – URL: https://africanlii.org/akn/aa-au/act/protocol/2018/trade-in-goods/eng@2018-03-21/source (дата обращения: 18.11.2025).

32. Protocol relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37293-treaty-0024_-_protocol_relating_to_the_establishment_of_the_peace_and_security_council_of_the_african_union_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

33. Protocol to the African Charter on Human and People’s Rights on the Establishment of an African Court on Human and People’s Rights // African Court on Human and Peoples’ Right : [офиц. сайт]. – URL: https://www.african-court.org/wpafc/wp-content/uploads/2020/10/2-protocol-to-the-african-charter-on-human-and-peoples-rights-on-the-establishment-of-an-african-court-on-human-and-peoples-rights.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

34. Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community relating to the Pan-African Parliament, 02.03.2001 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36301-treaty-0022_-

_protocol_to_the_treaty_establishing_the_african_economic_community_relating_to_the_pan-african_parliament_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

35. Resolution on Anti-Personnel Landmines. African Commission. ACHPR /Res.18(XVII)95 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://achpr.au.int/en/adopted-resolutions/18-resolution-anti-personnel-land-mines-achprres18xvii95 (дата обращения: 18.11.2025).

36. Resolution on Rwanda. African Commission. ACHPR /Res.12(XVI)94 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://achpr.au.int/en/adopted-resolutions/12-resolution-rwanda-achprres12xvi94 (дата обращения: 18.11.2025).

37. Resolution on the Division of Africa into Five Regions. CM/Res. 464 (XXVI) // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9591-council_en_23_february_1_march_1976_council_ministers_twenty_sixth_ordinary_session.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

38. Rules of Procedure of the African Commission on Human and Peoples' Rights // African Commission on Human and Peoples' Rights : [офиц. сайт]. – URL: https://achpr.au.int/sites/default/files/files/2021-04/rulesofprocedure2020eng1.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

39. Statute of the African Union Commission on International Law, EX.CL/478 (XIV) // African Union : [офиц. сайт]. – 2009. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36388-treaty-0036_-_statute_of_the_african_union_commission_on_international_law_aucil_e.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

III. Акты рекомендательного характера институтов и органов АС

На английском языке:

40. 3rd Mid-Year Coordination Meeting Between the African Union, the Regional Economic Communities and the Regional Mechanisms // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/fr/node/40981 (дата обращения: 18.11.2025).

41. 6th AU Mid-Year Coordination Meeting. Declaration. MYCM/AU/Decl(VI) // African Union : [офиц. сайт]. – URL URL: https://au.int/en/documents/20240724/declaration-6th-mid-year-coordination-meeting (дата обращения: 18.11.2025).

42. African Integration Report 2021 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/documents/41587-doc-African_Integration_Report_2021_-_Final_Design.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

43. African Integration Report 2025. // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/documents/45243-doc-20250722_African_Integration_Report_main_report_EN_1_1.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

44. Agenda 2063. The Africa We Want. Second Ten-Year Implementation Plan // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/documents/36204-doc-agenda2063_popular_version_en.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

45. Concept Note the AU-RECs-UNECA-AFDB-NEPAD-ACBF Joint Expert Coordination Meeting, Nairobi, Kenya, 12.07.2018 // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/pages/32823-file-concept_note_au-recs-uneca-afdb-nepad-acbf_joint_expert_coordination_meeting_2017.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

46. Declaration on the Kampala CAADP Declaration on Building Resilient and Sustainable Agrifood Systems in Africa. Assembly/AU/Decl.4(XXXVIII) // African Union : [офиц. сайт]. – URL: https://au.int/sites/default/files/documents/44699-doc-OSC68072_E_Original_CAADP_Declaration.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

IV. Судебная практика

На английском языке:

47. A M Moolla Group Limited and Others v The Commissioner for SARS and Others (139/2002) [2003] // South African Revenue Service. – 2003. – URL: https://www.sars.gov.za/wp-content/uploads/Legal/Judgments/SCA/LAPD-DRJ-SCA-

2003-02-AM-Moola-Group-Ltd-and-Others-26-March-2003.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

48. Abo v. Government of the Republic of South Africa 2010 (3) SA 269 // SafLII. – URL: https://www.saflii.org/za/cases/ZAGPPHC/2010/4.html (дата обращения: 18.11.2025).

49. Amsterdam Bulb v. Produktschap voor Siergewassen (50/76) [1977] ECR 137 at 146 // Eur-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61976CJ0050&qid=1776424109636 (дата обращения: 18.11.2025).

50. Attorney-General v. Dow 1992 BLR 119 (CA) // Citizenship Rights in Africa Initiative. – 1992. – URL: https://citizenshiprightsafrica.org/wp-content/uploads/1992/07/AG-vs-Dow-CA.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

51. Chroride Batteries Ltd v Viscocity & Ors. (1896 of 2006) MWHC 12 // ConnectedAFRICA. – 2006. – URL: https://data.connectedafrica.net/entities/194460.80fa082029ddb53e68ccaff551f16cd2b929a213 (дата обращения: 18.11.2025).

52. Dow v. Attorney-General 1991 BLR 233 (HC) // Citizenship Rights in Africa Initiative. – URL: https://citizenshiprightsafrica.org/wp-content/uploads/2016/07/Dow-vs-AG-HCt.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

53. Jumbe & Anor. v Attorney General (1 of 2005; 2 of 2005) MWHC // MalawiLII. – 2005. – URL: https://malawilii.org/akn/mw/judgment/mwhc/2005/15/eng@2005-10-20 (дата обращения: 18.11.2025).

54. Mary Rono v. Jane Rono & Another [2005] eKLR // KenyaLaw. – URL: https://kenyalaw.org/caselaw/cases/view/11233 (дата обращения: 19.07.2025).

55. Mike Campbell (Private) Ltd v. Minister of National Security Responsible for Land, Land Reform and Resettlement, Judgment № SC 49/07 // SafLII. – URL: https://www.saflii.org/sa/cases/SADCT/2008/2.html (дата обращения: 19.07.2025).

56. Minister of Immigration and Ethnic Affairs v. Teoh (1995) 183 CLR 273 // Asian Development Bank. – URL: https://lpr.adb.org/resource/minister-immigration-and-ethnic-affairs-vs-teoh-1995-183-clr-273-australia (дата обращения: 19.07.2025).

57. New patriotic party v inspector-general of Police [1993–94] 2 GLR 459–509 // Studocu. – URL: https://www.studocu.com/row/document/kwame-nkrumah-university-of-science-and-technology/constitutional-law/new-patriotic-party-v-inspector-general-of-police-2-glr-459-509-supreme-court/151931412 (дата обращения: 18.11.2025).

58. SADC Tribunal Case № SADCT: 2/07 // SafLII. – URL: https://www.saflii.org/sa/cases/SADCT/2007/1.html (дата обращения: 18.11.2025).

59. Deepak K. Shah & 3 Others v Manurama Limited & 2 Others (Miscellaneous Application 361 of 2001) [2002] UGCommC 31 (5 February 2002) // ULII. – URL: https://ulii.org/en/akn/ug/judgment/ugcommc/2002/31/eng@2002-02-05 (дата обращения: 18.11.2025).

60. The Court authorizes the African Union to participate in the proceedings. International Court of Justice. № 196-20250220-PRE-01-00-EN // International Court of Justice : [офиц. сайт]. – URL: https://www.icj-cij.org/node/205168 (дата обращения: 18.11.2025).

V. Правовые акты государств

На английском языке:

61. Constitution of Kenya, 27.08.2010 // Parliament of Kenya : [офиц. сайт]. – URL: https://www.parliament.go.ke/sites/default/files/2017-05/The_Constitution_of_Kenya_2010.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

62. The Constitution of the Republic of Malawi, 16.05.1994 // Malawi Government : [офиц. сайт]. – URL: https://www.malawi.gov.mw/index.php/resources/documents/constitution-of-the-republic-of-malawi?download=44:constitution-of-malawi (дата обращения: 18.11.2025).

63. The Constitution of the Republic of South Africa, 08.05.1996 // South African Government : [офиц. сайт]. – URL: https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-act-200-1993-repealed-28-jan-1994 (дата обращения: 18.11.2025).

VI. Книги и учебники

На русском языке:

64. Абрамова, И. О. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике / И. О. Абрамова, Л. Л. Фитуни, А. Л. Сапунцов ; отв. ред. Л.Л. Фитуни. – Москва : Институт Африки РАН, 2007. – 198 с. – EDN: QSPRRB

65. Африка и контуры формирующегося мира : монография / О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев, А. А. Шахалова. – Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. – 252 с. – EDN: TMQUSP

66. Африка. Пути модернизации экономики : коллективная монография / отв. ред. Е. В. Морозенская. – Москва : Институт Африки РАН, 2014. – 274 с. – EDN: TIDTXR

67. Африка: проблемы социалистической ориентации : сборник статей / отв. ред. Г. Б. Старушенко. – Москва : Наука, 1976. – 478 с. – EDN: VEAROX

68. Бекяшев, К. А. Международное право : учебник для бакалавров / К. А. Бекяшев. – Москва : Проспект, 2020. – 896 с. – DOI: 10.31085/9785392305629-2020-896

69. Бирюков, М. М. Европейское право до и после Лиссабонского договора / М. М. Бирюков. – Москва : Научная книга, 2010. – 240 с.

70. Бирюков, М. М. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / М. М. Бирюков, Е. А. Торкунова ; отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – Москва : Норма, 2018. – 528 с. – EDN: XPKBIL

71. Васильев, А. М. Африка и вызовы XXI в. / А. М. Васильев. – Москва : Восточная литература, 2012. – 374 с.

72. Давидсон, А. СССР и Африка, 1918–1960. Документированная история взаимоотношений / А. Давидсон, С. Мазов, Г. Цыпкин. – Москва : ИВИ РАН, 2002. – 320 с.

73. Европейское право : учебник для вузов / Л. М. Энтин, С. В. Водолагин, Е. Ю. Козлов [и др.]. – Москва : Норма, 2000. — 720 с. – EDN: QISMEL

74. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / М. М. Бирюков, М. В. Каргалова, Р. А. Касьянов [и др.] ; отв. ред. Л. М.Энтин. – 3 изд., пересмотр. и доп. – Москва : Норма, 2011. – 959 с. – EDN: QRTBYH

75. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 528 с.

76. Емельянов, А. Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары : учебное пособие / А. Л. Емельянов. – Москва : МГИМО-Университет, 2012. – 492 с. – EDN: SUMMTX

77. Иванов, А.А. Социалистический выбор в Африке и идеологическая борьба / А. А. Иванов. – Москва : Международные отношения, 1984. – 232 с.

78. Идеология революционных демократов Африки / В. Ф. Ковальский, М. Ю. Френкель, Н. И. Высоцкая [и др.] ; отв. ред. и авт. предисл. Г. Б. Старушенко. – Москва : Наука, 1981. – 288 с.

79. Интеграционное право в современном мире. Сравнительно-правовое исследование : монография / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, П. А. Калиниченко [и др.] ; под ред. С. Ю. Кашкина. – Москва : Проспект, 2015. – 416 с.

80. Кашкин, С. Ю. Основы интеграционного права : учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – Москва : Проспект, 2015. – 224 с.

81. Ким, Г. Ф. От национального освобождения к социальному: социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций / Г. Ф. Ким. – Москва : Наука, 1982. – 294 с.

82. Косухин, Н. Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее / Н. Д. Косухин. – Москва : Институт Африки РАН, 2015. – 178 с.

83. Курс международного права : в 7 т. Т. 1 : Понятие, предмет и система международного права / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин [и др.] ; отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. – Москва : Наука, 1989. – 360 с.

84. Мельянцев, В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.) / В. А. Мельянцев. – Москва : Ключ-С, 2009. – 216 с. – EDN: QTRXUT

85. Национализм в современной Африке / Б. А. Валериков, Н. И. Высоцкая, Л. О. Голден [и др.]. – Москва : Наука, 1983. – 264 с.

86. Пинг, Ж. Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке / Ж. Пинг ; пер. с фр. Н. И. Обуховой, Е. Н. Ботова. – Москва : Институт Африки РАН, 2004. – 158 с. – EDN: QOXDBH

87. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 684 с.

88. Татаринцев, В. М. Африка в современном мире / В. М. Татаринцев. – Москва : Научная книга, 2003. – 321 с. – EDN: QOSXZX

89. Теория и практика правового регулирования мировых интеграционных процессов : учебник : в 2 т. Т. 1 / М. Л. Энтин, В. В. Войников, Д. В. Галушко [и др.] ; отв. ред. В. В. Войников, М. Л. Энтин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. – 912 с.

90. Теория права и государства : учебное пособие / А. А. Малиновский, В. М. Малиновская, Е. А. Рыжкова [и др.] ; под ред. А. А. Малиновского. – Москва : МГИМО-Университет, 2019. – 379 с.

91. Урнов, А. Ю. Африка и ООН на исходе первого десятилетия XXI века. Вопросы развития, миротворчества и реформирования ООН : монография / А. Ю. Урнов. – Москва : Институт Африки РАН, 2011. – 227 с. – EDN: QSFRTJ

92. Ушаков, Н. А. Международное право / Н. А. Ушаков. – Москва : Юристъ, 2003. – 304 с.

93. Хазанов, А. М. Крушение последней колониальной империи / А. М. Хазанов. – Москва : Мысль, 1986. – 222 с.

94. Шитов, В. Н. Африка южнее Сахары. Тенденции и противоречия развития : монография / В. Н. Шитов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : МГИМО-Университет, 2014. – 95 с.

95. Энтин, Л. М. Политология развития и освободившиеся страны: Критика немарксист. концепций / Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – Москва : Наука, 1986. – 280 с.

На английском языке:

96. Acharya, A. The Emerging Regional Architecture of World Politics / A. Acharya // World Politics. – 2007. – Vol. 59. – P. 629–652.

97. Adebajo, A. Adebayo Adedeji: Africa's Foremost Prophet of Regional Integration / A. Adebajo // The Palgrave Handbook of African Political Economy / S. O. Oloruntoba, T. Falola (eds.). – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 265–278.

98. Asante, S. K. B. African Development: Adebayo Adedeji's Alternative Strategies / S. K. B. Asante. – London : Hans Zell Publishers, 1991. – 232 p.

99. Beeson, M. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security, Economic Development / M. Beeson. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – 189 p.

100. Botchway, Th. From the Organization of African Unity (OAU) to the African Union (AU) – The Dynamics of the Transformation of a Regional Integration / Th. Botchway, A. Braimah, F. Tei. – International Organizations : Serbia and Contemporary World, 2022. – Vol. 2, art. 9. – P. 149–165. – DOI: 10.18485/iipe_ioscw.2022.2.ch9

101. Davies, R. The Politics of Trade in the Era of Hyperglobalisation: A Southern African Perspective / R. Davies // The South Centre. – 2019. – URL: https://www.southcentre.int/wp-content/uploads/2019/11/Bk_2019_The-Politics-of-Trade-in-the-Era-of-Hyperglobalisation-A-Southern-African-Perspective_EN.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

102. De Waart, P. J. I. M. International Law and Development / P. J. I. M. de Waart, P. Peters, E. M. G. Denters. – Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1988. – Vol. 1. – 457 p.

103. Economic Issues of Developing Countries / E. Malhasian, L. Belov, St. Mechev [et al.]. – Sofia : VII Karl Marks. – 1977. – 155 p.

104. Ellis, S. (ed.). Africa Now: People, Policies, and Institutions / S. Ellis (ed.). – London : James Currey ; Portsmouth : Heinemann, 1996. – 322 p.

105. Herbert, R. The African Peer Review Mechanism: Lessons from the Pioneers / R. Herbert, S. Gruzd. – Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2008. – 426 p.

106. International Law of Development: Comparative Perspectives / F. G. Snyder, P. Slinn (eds.). – Abingdon : Professional Books, 1987. – 322 p.

107. Kawonishe, D. Metamorphosis of the OAU to AU: Problems and Prospects / D. Kawonishe // African Journal of International Affairs and Development. – 2002. –Vol. 7, № 1. – P. 84–110.

108. Krugman, P. International Economics: Theory & Policy / P. Krugman, M. Obstfeld, M. Melitz. – 11th ed. – London : Pearson, 2018. – 772 p.

109. Lopes, C. Africa in Transformation: Economic Development in the Age of Doubt / C. Lopes. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 175 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-01291-5

110. Malhasian, E. Neocolonialism – Economic Activities and Political Objectives / E. Malhasian. – Sofia : Partizdat, 1979.

111. Murithi, T. The African Union: Pan-Africanism, Peacebuilding and Development / T. Murithi. – Hampshire : Ashgate Publishing Ltd, 2005. – 182 p. DOI: 10.4324/9781315241470

112. Nkala, S. Building Continental Institutions: The African Continental Free Trade Area / S. Nkala // The Quest for Unity: An Appraisal of Regional Integration in Africa / D. Monyae, S. Nkala (eds.). – Johannesburg : Jacana, 2023. – 576 p.

113. Oloruntoba, S. O. Innovation and Regional Integration in Africa: Exploring Theory and Praxis for Socio-Economic Development / S. O. Oloruntoba // Innovation, Regional Integration, and Development in Africa: Rethinking Theories, Institutions, and Policies / S. O. Oloruntoba, M. Muchie (eds.). – Cham : Springer, 2019. – 349 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-92180-8_3

114. Oppong, R. F. Legal Aspects of Economic Integration in Africa / R. F. Oppong. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 402 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511835186

115. Rudahindwa, J. B. Regional Developmentalism through Law: Establishing an African Economic Community / J. B. Rudahindwa. – London : Routledge, 2018. – 252 p. – DOI: 10.4324/9781315163154

116. Slaughter, A.-M. A New World Order / A.-M. Slaughter. – Princeton : Princeton University Press, 2005. – 376 p.

117. Stiglitz, J. E. The Euro and Its Threat to the Future of Europe / J. E. Stiglitz. – London : Allen Lane, 2016. – 504 p.

118. Trubek, D. M. Law and Development 50 Years On / D. M. Trubek // International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 13. – P. 45–60. – URL: https://ssrn.com/abstract=2161899 (дата обращения: 20.07.2025).

119. Trubek, D. M. The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal / D. M. Trubek, A. Santos. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 319 p.

120. Wiebush, M. Constitution Building in the African Union: Law, Policy and Practice / M. Wiebush. – Antwerp : Institute of Development Policy, University of Antwerp, 2020. – 200 p.

121. Yusuf, A. A. Pan-Africanism and International Law / A. A. Yusuf. – The Hague : Martinus Nijhoff Publishers, 2014. – 269 p. – (The Pocket Books of the Hague Academy of International Law ; vol. 25).

VII. Статьи в периодических и иных изданиях

На русском языке:

122. Васильев, А. М. Африка: виден ли свет в конце тоннеля? / А. М. Васильев // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 9 (614). – С. 1–9. – EDN: JUMSSR

123. Аду, Я. Н. Экономическое и валютное сообщество стран Центральной Африки (СЕМАК/CEMAC) / Я. Н. Аду, А. А. Дементьев // Африка и международное право. – 2020. – С. 73–82. – EDN: ILQJNK

124. Аду, Я. Н. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты / Я. Н. Аду, А. Б. Мезяев // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 170–189. – DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-07

125. Актуальные вопросы международного права в Африке // Материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 г. ; отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. – Москва : РУДН, 2012. – 310 с.

126. Африка во внешнеполитических приоритетах России : монография / В. К. Виганд, М. Л. Вишневский, Н. И. Высоцкая [и др.] ; отв. ред. Т. Л. Дейч ; Российская академия наук, Институт Африки. – Москва : Институт Африки РАН, 2003. – 127 с. – EDN: QORURP

127. Богучарский, Е. М. СССР и Алжир. 60–70-е годы XX века / Е. М. Богучарский // Новая и новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 51–64. – EDN: ISDHUD

128. Бондаренко, И. И. Социально-политические преобразования в Алжире / И. И. Бондаренко // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 1. – С. 17.

129. Буторина, О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы / О. В. Буторина // Космополис. – 2005. – № 3. – С. 136–145. – EDN: VBZVAV

130. Далдеган, У. Концепция развития БРИКС: анализ проектов, финансируемых НБР / У. Далдеган, В. Де Борба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 7–33. – DOI: 10.17323/1996-7845-2023-04-01

131. Дейч, Т. Л. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики: роль в отношениях России и Китая с Африкой / Т. Л. Дейч // Ученые записки Института Африки РАН. – 2017. – № 3 (40). – С. 3–13. – EDN: ZWUNEP

132. Добротворский, П. П. Преломление доктрины «Право и развитие» в России: перспективы теории и практическая политика / П. П. Добротворский // Ex jure. – 2021. – № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-7-22

133. Думбия, А. Проблемы региональной безопасности в зоне Сахело-Сахары и их влияние на национальную безопасность Республики Мали / А. Думбия // Казачество. – 2019. – № 41. – С. 86–92. – EDN: XDMFRQ

134. Злобин, Е .В. Интеграция в Африканском и Европейском союзах: сравнительный анализ / Е. В. Злобин // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 21 (4) – С. 82–91. – DOI: 10.24833/2073-8420-2025-4-77-82-91

135. Энтин, М. Л. Модернизация правовых основ взаимодействия Африканского союза с региональными экономическими сообществами в целях активизации интеграционных процессов в Африке / М. Л. Энтин, Е. В. Злобин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2026. – Т. 22, № 2. – С. 59–74.

136. Энтин, М. Л. Правовое регулирование российско-алжирских отношений в контексте перестройки системы международных отношений / М. Л. Энтин, Е. В. Злобин // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 21 (2). – С. 3–14. – DOI: 10.24833/2073-8420-2025-2-75-3-14

137. Злобин, Е. В. Правовое регулирование трансграничной мобильности в рамках ЭКОВАС: проблемы гармонизации и обеспечения безопасности / Е. В. Злобин // Закон и власть. – 2026. – № 2. – С. 144–148. – EDN: ETRCEO

138. Злобин, Е. В. Проблемы совместимости блокчейн-технологии и GDPR в Европейском союзе на примере использования криптоактивов / Е. В. Злобин // Юридическая наука. – 2024. – № 8. – С. 297–303. – EDN: GQSNIZ

139. Иванов, И. Д. Общее европейское экономическое пространство / И. Д. Иванов // Современная Европа. – 2003. – № 1 (13). – С. 17–31. – EDN: KVNZMX

140. Кашкин, С. Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования / С. Ю. Кашкин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10. – С. 2151–2160. – EDN: VCPIDP

141. Колосов, Ю. М. О понятии европейского международного права / Ю. М. Колосов // Российский ежегодник международного права. 2006. – Санкт-Петербург : Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2007. – С. 194–198.

142. Костюнина, Г. М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап / Г. М. Костюнина // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 4. – С. 34–50. – EDN: VTLJQX

143. Котов, А. С. Участие советских офицеров в гражданской войне в Анголе 1975–1994 гг. / А. С. Котов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 223–229. – EDN: PIXIQB

144. Кудряшев, А. Ф. Развитие, эволюция, коэволюция: соотношение понятий / А. Ф. Кудряшев // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1-1. – С. 640–644. – EDN: PEGUPT

145. Мазов, С. В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967–1970 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 372–392. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-372-392

146. Мазов, С. В. СССР и проект создания «Союза африканских государств», 1963–1964 гг. (по материалам российских архивов) / С. В. Мазов // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 66–72. – DOI: 10.31857/S032150750009555-2

147. Микаэль, Н. К. В. Император Хайле Селассие I и Организация Африканского Единства (к 50-летию Африканского союза) / Н. К. В. Микаэль // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Всеобщая история. – 2013. – № 3. – С. 57–71.

148. Остапенко, Ю. Понятие, формы и правовые последствия экономической интеграции государств / Ю. Остапенко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – № 4 (79). – С. 164–173.

149. Панфилова, Е. А. Союз южноамериканских наций: возможности и риски развития в современном многополярном мире / Е. А. Панфилова, М. А. Соколова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – № 5 (29). – С. 91–94. – EDN: ZRKRWN

150. Порфирьев, Б. «Зеленая» экономика: реалии, перспективы и пределы роста / Б. Порфирьев // Рабочие материалы Карнеги. – 2013. – 33 с. – URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/WP_Porfiriev_web.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

151. Прямицын, В. Н. Военно-морской флот России вносит все возрастающий вклад в борьбу с пиратством в Индийском океане: к 10-летию открытия антипиратской вахты Военно-морского флота Российской Федерации у берегов Сомали / В. Н. Прямицын // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 10. – С. 4–10.

152. Путин, В. В. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего / В. В. Путин // Президент России : [офиц. сайт]. – 24.07.2023. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71719 (дата обращения: 22.12.2024).

153. Ромашев, Ю. С. Иерархия норм международного права при их применении и в нормотворческом процессе / Ю. С. Ромашев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 180–211. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.180.211

154. Сидорова, Г. М. Отношения между СССР и Демократической Республикой Конго в начале 1960-х гг.: зигзаги истории / Г. М. Сидорова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 197–209. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-197-209

155. Скрипкин, А. А. СССР и Алжир. Сотрудничество расширяется / А. А. Скрипкин // Международная жизнь. – 1976. – № 7.

156. Сомар, В. Россия – Африка: история и перспективы взаимоотношений / В. Сомар // Этнодиалоги. – 2024. – № 1 (72). – С. 91–104. – DOI: 10.37492/ETNO.2024.72.1.004

157. Тлостанова, М. В. Деколониальность знания и преодоление дисциплинарного декаданса / М. В. Тлостанова // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. 27, № 1. – С. 84–100. – EDN: OEYOOJ

158. Филиппов, В. Р. Центральноафриканская Республика: противостояние Кремля и Елисейского дворца / В. Р. Филиппов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2019. – № 1. – С. 124–143. – EDN: GACFBM

159. Хмелева, Г. А. Состояние, тенденции и перспективы российско-африканской торговли / Г. А. Хмелева // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 7. – С. 75–90. – DOI: 10.24412/2072-8042-2023-7-75-90

160. Шарый, В. И. Помощь СССР в создании вооруженных сил Народной Республики Мозамбик. 1964–1991 гг. / В. И. Шарый // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 11. – С. 18–20. – EDN: JVOCCV

161. Быть на голову выше всех: Россия 30 лет спустя : доклад № 73/2021 / Е. Г. Энтина, М. Л. Энтин, Д. П. Новиков, Д. В. [и др.] ; Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва : НП РСМД, 2021. – 88 с. – URL: https://russiancouncil.ru/activity/publications/byt-na-golovu-vyshe-vsekh-rossiya-30-let-spustya/ (дата обращения: 01.09.2025).

162. Энтин, М. Л. Грядущий «девятый вал» деколонизации / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина // Вся Европа.ru. – 2019. – № 1-2 (137). – URL: http://alleuropa.ru/?p=16190 (дата обращения: 01.09.2025).

163. Энтин, М. Л. Европейский союз как один из ведущих международных игроков / М. Л. Энтин // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2009. – Т. 4, № 2. – С. 29–47. – EDN: KKXRGD

164. Энтин, М. Л. Западная политология о формах проявления и политических последствиях отсталости государственных структур в странах тропической Африки / М. Л. Энтин // Особенности политики и права в обществах периферийного капитализма. – Серия: «Проблемы государства и права за рубежом». – 1984. С. 142–171. – EDN: XCZUTP

165. Энтин, М. Л. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах : научная монография / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина. – Москва : Галактика, Зебра-Е, 2023. – 622 с.

166. Энтин, М. Л. Право ЕАЭС в контексте правового регулирования мировых интеграционных процессов / М. Л. Энтин // Annual International Conference of the Court of the Eurasian Economic Union. – 16–17 ноября 2023 г. – С. 1–4.

167. Энтин, М. Л. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть I / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова // Современная Европа. – 2019. – № 1 (87). – С. 27–38. – DOI: 10.15211/soveurope120192737

168. Энтин, М. Л. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть II / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова // Современная Европа. – 2019. – № 2 (88). – С. 39–49. – DOI: 10.15211/soveurope220193949

169. Энтин, М. Л. Углубление интеграции и институциональная трансформация: дилеммы для стран Евросоюза / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, В. В. Войников // Международные процессы. – 2020. – Т. 18, № 4 (63). – С. 6–35. – DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.4

170. Энтин, М. Л. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 124–135. – DOI: 10.17976/jpps/2019.01.09

На иностранных языках:

171. Abdulrahman, A. Comparative Analysis of African Union (AU) and European Union (EU): Challenges and Prospects / A. Abdulrahman, M. P. Abraham // International Journal of Peace and Conflict Studies. – 2016. – Vol. 3. – № 1. – P. 46–57.

172. Abimbola, O. Shaping the Future of Multilateralism: Africa's Free-Trade Area Signals Intent for a New Kind of Relationship with the EU / O. Abimbola. – Berlin : Heinrich-Böll-Stiftung, 2021. – 17 p. – URL: https://euagenda.eu/publications/africa-s-free-trade-area-signals-intent-for-a-new-kind-of-relationship-with-the-eu (дата обращения: 01.09.2025).

173. Adebajo, A. The Peacekeeping Travails of the AU and the Regional Economic Communities / A. Adebajo // The African Union and its Institutions / J. Akokpari, A. Ndinga-Muvumba, T. Murithi (eds.). – Johannesburg : Jacana, 2008. – 416 p.

174. Adedeji, A. The economic evolution of developing Africa / A. Adedeji // The Cambridge History of Africa / M. Crowde (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 192–250. DOI: 10.1017/CHOL9780521224093.007

175. Adu, A. L. Review of the Structure of the General Secretariat of the OAU / A. L. Adu. – Addis Ababa : Organization of African Unity. – 1972. – 5 p.

176. Ajibo, C. African Continental Free Trade Area Agreement: The Euphoria, Pitfalls and Prospects / C. Ajibo // Journal of World Trade. – 2019. – Vol. 53, № 5. – P. 871–894. – DOI: 10.54648/TRAD2019035

177. Ajomo, M. A. Regional Economic Organisations: the African Experience / M. A. Ajomo // The International and Comparative Law Quarterly. – 1976. – Vol. 25, № 1. – P. 58–101.

178. Akech, M. Regional Mechanisms and Intra-State Conflicts: Implementing the African Union's Principle of Non-Indifference? / M. Akech // Strathmore Law Journal. – 2020. – Vol. 4. – P. 141–153. DOI: 10.52907/slj.v4i1.49

179. Akinkugbe, O. Dispute Settlement under the African Continental Free Trade Area Agreement: A Preliminary Assessment / O. Akinkugbe // African Journal of International and Comparative Law. – 2020. – Vol. 28. – P. 138–158. – DOI: 10.2139/ssrn.3403745

180. Akinkugbe, O. D. Theorizing Developmental Regionalism in Narratives of African Regional Trade Agreements (RTAs) / O. D. Akinkugbe // African Journal of International Economic Law. – 2020. – Vol. 1. – P. 297–320.

181. Akokpari, J. The Economic Community of West African States / J. Akokpari, E. Ampomah // The Quest for Unity: An Appraisal of Regional Integration in Africa / D. Monyae, S. Nkala (eds.). – Johannesburg : Jacana. – 2023. – 424 p.

182. Apiko, P. The promise of the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) / P. Apiko, S. Woolfrey, B. Byiers ; European Centre for Development Policy Management // Political Economy Dynamics of Regional Organisations in Africa. – Maastricht, Netherlands : ECDPM, December 2020. – iii, 16 p. – (ECDPM discussion paper ; no. 287). – URL: https://ecdpm.org/work/the-promise-of-the-african-continental-free-trade-area-afcfta (дата обращения: 01.09.2025).

183. Asare-Nuamah, P. Understanding African integration from African theoretical perspective / P. Asare-Nuamah // ResearchGate. – 2017. – Vol. 9, № 2. – P. 53–75. URL:

https://www.researchgate.net/publication/322144276_Understanding_African_integration_from_African_theoretical_perspective (дата обращения: 30.03.2025).

184. Austin, G. African Economic Development and Colonial Legacies / G. Austin // Institut de hautes études internationales et du développement. – 2010. – № 1. – P. 11–32. – DOI: 10.4000/poldev.78

185. Ayittey, G. B. The United States of Africa: A Revisit / G. B. Ayittey // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2010. – Vol. 632, iss. 1. – P. 68–102. – DOI: 10.1177/0002716210378988

186. Ayua, I. Law and Development in Africa / I. Ayua // International Journal on World Peace. – 1986. – Vol. 3. – P. 71–81.

187. Babarinde, O. The EU as a Model for the African Union: The Limits of Imitation / O. Babarinde // Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series.– 2007. – Vol. 7, № 2. – P. 1–12.

188. Baderin, M. Law and Development in Africa: Towards a New Approach / M. Baderin // NIALS Journal of Law and Development. – 2011. – Vol. 1. – P. 1–48.

189. Bartels, L. “Interim agreements” under Article XXIV GATT / L. Bartels // World Trade Review. – 2009. – Vol. 8. – P. 339–350. – DOI: 10.1017/S1474745609004285

190. Bienefeld, M. Dependency Theory and the Political Economy of Africa’s Crisis / M. Bienefeld // Review of African Political Economy. – 1988. – Vol. 15. –P. 68–87.

191. Bilal, S. External Influences on Regional Integration in West Africa: The Role of Third Parties / S. Bilal // Regional Trade and Monetary Integration in West Africa and Europe / R. Sohn, A. K. Oppong (eds.). – Praia ; Bonn : West Africa Institute : ZEI, 2013. – P. 33–56.

192. Botha, N. Ten Years of International Law in the South African Courts: Reviewing the Past and Assessing the Future / N. Botha, M. Olivier // South African Yearbook of International Law. – 2004. – Vol. 29. – P. 42–77.

193. Cameron, F. The European Union as a Model for Regional Integration / F. Cameron // Council on Foreign Relations. – 2010. – P. 1–8.

194. Cassese, S. Relations between International Organizations and National Administrations / S. Cassese // Proceedings of the XIXth International Congress of Administrative Sciences. – International Institute of Administrative Sciences, 1983. – 177 p.

195. Chibundu, M. O. Law in Development: On Tapping, Gourding, and Serving Palm-Wine / M. O. Chibundu // Case Western Reserve Journal of International Law. – 1997. – Vol. 29. – P. 167–261.

196. Cilliers, J. The Pan-African Parliament / J. Cilliers, P. Mashele // African Security Review. – 2010. – P. 72–83. – DOI: 10.1080/10246029.2004.9627321

197. Clifford, B. The 2019 Russia–Africa Summit: A New Era of Cooperation / B. Clifford // African Diplomacy Review. – 2021. – Vol. 29, № 4. – P. 112–125.

198. Closa Montero, C. Comparative Regional Integration: Governance and Legal Models / C. Closa Montero, L. Casini, O. Sender. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – (Integration through Law: The Role of Law and the Rule of Law in ASEAN Integration; 10; Global Governance Programme). – URL: https://hdl.handle.net/1814/43168 (дата обращения: 20.07.2025).

199. Dai, M. On the Trade-Diversion Effects of Free Trade Agreements / M. Dai, Y. V. Yotov, T. Zylkin // Economics Letters. – 2014. – Vol. 122. – P. 321–325. – DOI: 10.1016/j.econlet.2013.12.024.

200. Desiderio, D. Beyond Duty Relief: Revisiting the Simplified Trade Regime for enhanced formalization in Africa / D. Desiderio // SSRN. – 2025. – 15 p. – DOI: 10.2139/SSRN.5264799

201. Dimmer, K. Leading the Continent by Example / K. Dimmer // Celebrating 10 Years. – 19 March 2014. — P. 1–17. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/98953/PAPER168.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

202. From a Religious Sect to a Terrorist Group: The Military and Boko Haram in Northeast Nigeria / E. O. Ezeani, C. K. Ani, C. Ezeibe, K. Ubiebi // African Renaissance. – 2021. – Vol. 18, № 2. – P. 125–145.

203. Felbermayr, G. Rules of Origin and the Profitability of Trade Deflection / G. Felbermayr, F. Teti, E. Yalcin // Journal of International Economics. – 2019. – Vol. 121. – P. 1–14. – DOI: 10.1016/j.jinteco.2019.07.003

204. Fink, S. Assessing the Impact of Regional Integration: Do Regional Trade Institutions Shape Trade Patterns? / S. Fink, S. Krapohl // SciSpace. – 2010. URL: https://scispace.com/pdf/assessing-the-impact-of-regional-integration-do-regional-2lz6jk88oo.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

205. Francke, B. Security Cooperation in Africa: A Reappraisal / B. Francke. – Boulder : Lynne Rienner, 2009. – 337 p. – DOI: 10.7202/1005837AR

206. Froese, M. D. Regional Trade Agreements and the Paradox of Dispute Settlement / M. D. Froese // Manchester Journal of International Economic Law. – 2014. – Vol. 11, № 3. – P. 367–396. DOI: 10.2139/ssrn.2419153

207. Githui, F. Agenda 2063 and Its Impact on the Economic Development of Africa / F. Githui. – 2025. – P. 1–19.

208. Gottshalk, K. Six Decades of African Integration: Successes and Failures / K. Gottshalk // Journal of the Institute for African Studies. – 2024. – № 2. – P. 24–39. – DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-24-39

209. Greater Eurasia: In Search of a Legal Order / У. Э. Батлер, М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 9–23. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.02

210. Haas, E. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing / E. Haas // International Organization. – 1970. – Vol. 24. – P. 607–646. – DOI: 10.1017/S0020818300017495

211. Hartzenberg, T. AfCFTA Negotiations after Kigali – Keeping an Eye on the End Game / T. Hartzenberg // tralac Blog. – 20.06.2018. – URL:

https://www.tralac.org/blog/article/13119-afcfta-negotiations-after-kigali-keeping-an-eye-on-the-end-game.html (дата обращения: 10.06.2025).

212. Hugo, G. The Pan-African Parliament: Is the Glass Half Full or Half Empty / G. Hugo // Institute for Security Studies Papers. – 2008. – № 168. – P. 1–12.

213. Ismail, F. A. Advancing Regional Integration in Africa through the Continental Free Trade Area (CFTA) / F. A. Ismail // Law and Development Review. – 2017. – Vol. 10, № 1. – P. 119–146. – DOI: 10.1515/ldr-2017-0003

214. Jenny, F. Globalisation, Competition and Trade Policy: Convergence, Divergence and Co-operation / F. Jenny // Competition Policy in the Global Trading System / C. A. Jones, M. Matsushida (eds.). – 2002. – P. 1–38.

215. Kimenyi, M. S. An African Union for an Emerging Continent: Reforms to Increase Effectiveness / M. S. Kimenyi // Africa Growth Initiative. – 2015. – P. 27–33.

216. Kouassi, R. N. The Itinerary of the African Integration Process: An Overview of the Historical Landmarks / R. N. Kouassi // African Integration Review. – 2007. – Vol. 1, № 2. – P. 3–6.

217. Krishna, K. Understanding Rules of Origin / K. Krishna // NBER Working Paper № 11150. – 2005. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w11150/w11150.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

218. Kufuor, K. O. Safeguarding Human Rights: A Critique of the African Commission on Human and Peoples' Rights / K. O. Kufuor // Africa Development. – 1993. – Vol. 18. – P. 65–77.

219. Kulusika, S. E. The Lawyer and the Challenges of Economic Integration / S. E. Kulusika // Zambia Law Journal. – 2000. – Vol. 32. – P. 20.

220. Langan, M. Normative Power Europe and the Moral Economy of Africa–EU Ties: A Conceptual Reorientation of Normative Power / M. Langan // New Political Economy. – 2011. – Vol. 17, № 3. – P. 243–270. – DOI: 10.1080/13563467.2011.562975

221. Laursen, F. Theory and Practice of Regional Integration / F. Laursen // Jean Monnet-Robert Schuman Paper Series. – 2008. – Vol. 8, № 3. – P. 1–22.

222. Lee, Y. S. General Theory of Law and Development / Y. S. Lee // Cornell International Law Journal. – 2017. – Vol. 50, № 3. – P. 415–472. – URL: https://ssrn.com/abstract=2951317 (дата обращения: 27.07.2025).

223. Mafurutu, R. SADC Simplified Trade Regime: Tracing developments and implementation progress / R. Mafurutu // TRALAC (Trade Law Centre). – URL: https://www.tralac.org/publications/article/15680-sadc-simplified-trade-regime-tracingdevelopments-and-implementation-progress.html (дата обращения: 17.04.2026).

224. Magoke, P. M. Coordination between the African Union and Regional Economic Communities towards Achieving Regional Integration in Africa / P. M. Magoke, M. K. Öke // İstanbul Ticaret Üniversitesi Dış Ticaret Dergisi. – 2023. – Cilt 1, sayı 1. – P. 1–14. – DOI: 10.5281/zenodo.7966582

225. Maluwa, T. From the Organisation of African Unity to the African Union: Rethinking the Framework for Inter-State Cooperation in Africa in the Era of Globalisation / T. Maluwa // University of Botswana Law Journal. – 2009. – Vol. 9. – P. 49–86.

226. Maluwa, T. The Peaceful Settlement of Disputes among African States, 1963–1983: Some Conceptual Issues and Practical Trends / T. Maluwa // International and Comparative Law Quarterly. – 1989. – Vol. 38, № 2. – P. 299–320. – DOI: 10.1093/iclqaj/38.2.299

227. Mathews, K. Renaissance of Pan-Africanism: The AU and the New Pan-Africanists / K. Mathews // The Transformation of Organisation of African Unity to African Union, 1963–2007: A Review / A. Adoo, W. Atera, S. Wycliff (eds.). – Johannesburg : Jacana, 2008. – Vol. 8. – P. 159–175.

228. Matlosa, Kh. The Free Movement of Persons and African Integration / Kh. Matlosa // The Quest for Unity: An Appraisal of Regional Integration in Africa / D. Monyae, S. Nkala (eds.). – Johannesburg : Jacana, 2023. – P. 265–289.

229. Mecham, M. Mercosur: A Failing Development Project? / M. Mecham // International Affairs. – 2003. – Vol. 79. – P. 369–387.

230. Mlenga, K. Assessing the Progress of Africa's Economic Integration in Light of the Establishment of the African Economic Community / K. Mlenga // Acadmia.edu. – 2012. – 11 p. – URL: https://www.academia.edu/1840602/ASSESSING_THE_PROGRESS_OF_AFRICAS_ECONOMIC_INTEGRATION_IN_LIGHT_OF_THE_ESTABLISHMENT_OF_THE_AFRICAN_ECONOMIC_COMMUNITY (дата обращения: 17.04.2026).

231. Mohammed, A. Towards an Effective African Union: Participation, Institutions, and Leadership / A. Mohammed // The African Union and New Strategies for Development in Africa / S. Adejumobi, A. Olukoshi (eds.). – Amherst : Cambria Press, 2008. – P. 59–94.

232. Mutharika, B. Multinational Corporations in Regional Integration: The African Experience / B. Mutharika // Development & Socio-Economic Progress. – 1975 (publ. Cairo; ZDB-ID 860827-1). – 1982. – Vol. 6. – P. 232–258. – DOI: 10.1080/15228916.2023.2192583

233. Muzee, H. Towards an Inclusive Model of African Regional Integration: How Effective Has the Linear Model Been So Far? / H. Muzee, A.O. Enaifoghe // Journal of Economics and Behavioral Studies. – 2019. – Vol. 11. – P. 55–65. – DOI: 10.22610/jebs.v11i1(J).2748

234. Nathan, L. The Disbanding of the SADC Tribunal: A Cautionary Tale / L. Nathan // Human Rights Quarterly. – 2013. – Vol. 35, № 4. – P. 870–892. – DOI: 10.1353/hrq.2013.0059

235. Nathan, L. Will the Lowest Be First? Subsidiarity in Peacemaking in Africa // Minding the Gap: African Conflict Management in a Time of Change / P. Aall, C. A. Crocker (eds.). – Ontario : MQUP, 2016. – P. 157–170.

236. Nyinevi, C. The African Union's Prohibition of Unconstitutional Changes of Government: An Uneasy Choice between Fidelity to Principle and Pragmatism / C. Nyinevi, R. Fosu // African Security. – 2023. – Vol. 16, № 1. – P. 95–119. – DOI: 1080/19392206.2023.2195748

237. Ogunbadejo, O. Nigeria and the Great Powers: The Impact of the Civil War on Nigerian Foreign Relations / O. Ogunbadejo // African Affairs. – 1976. – Vol. 75, № 298. – P. 14–32.

238. Okafor, O. C. The African Commission on Human and Peoples' Rights as a Collective Human Security Resource: Promises, Performance and Prospects / O. C. Okafor // Protecting Human Security in Africa / A. Abass (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 313–339. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199578986.003.0013

239. Okhonmina, S. The African Union: Pan-Africanist Aspirations and the Challenge of African Unity / S. Okhonmina // Journal of Pan African Studies. – 2009. – Vol. 3, № 4. – P. 85–100.

240. Oppong, R. F. The African Union, African Economic Community and Africa's Regional Economic Communities: Untangling a Complex Web / R. F. Oppong // African Journal of International and Comparative Law. – 2010. – Vol. 18, № 1. – P. 92–103. – DOI: 10.3366/E0954889009000528

241. Iheduru, O C. Organized business and regional integration in Africa / O. C. Iheduru // Review of International Political Economy. – 2015. – Vol. 22, iss. 5. – P. 910–940. – DOI: 10.1080/09692290.2015.1011191

242. Paul, J. C. N. State-Managed Development: A Legal Critique / J. C. N. Paul, C. J. Dias // Third World Legal Studies. – 1982. – P. 35–58. – DOI: 10.1017/CBO9780511754371

243. Pescatore, P. Les exigences de la démocratie et la légitimité de la Communauté européenne / P. Pescatore // Cahiers de droit européen. – 1974. – Vol. 10, № 5. – 501 p.

244. Pitts, M. Sub-Regional Solutions for African Conflict: The ECOMOG Experiment / M. Pitts // Journal of Conflict Studies. – 1999. – Vol. 19, № 1. – P. 49–69.

245. Sarkin, J. The Role of Regional Systems in Enforcing State Human Rights Compliance: Evaluating the ACHPR and the New ACJHR with Comparative Lessons

from the Council of Europe and the OAS / J. Sarkin // European Human Rights Law Journal. – 2008. – Vol. 2. – P. 199–242.

246. Sarooshi, D. International Organizations and Their Exercise of Sovereign Powers / D. Sarooshi. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. – P. 33–53. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199225774.001.0001

247. Shubin, V. Russia and Africa: Moving in the Right Direction? / V. Shubin // Africa in International Relations / I. Taylor, P. Williams (eds.). – London ; New York : Routledge, 2004. – P. 102–115. – DOI: 10.4324/9780203493175

248. Striebinger, K. Coordination between the African Union and the Regional Economic Communities / K. Striebinger. – Stockholm : International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2016. – P. 1–25.

249. Stuart, J. How Similar Are Africa's Trade Regimes? Implications for the AfCFTA / J. Stuart // Tralac. – 2019. – URL: https://www.tralac.org/blog/article/14277-how-similar-are-africa-s-trade-regimes-implications-for-the-afcfta.html (дата обращения: 10.06.2025).

250. Tieku, T. The African Union: Successes and Failures / T. Tieku // Oxford Encyclopaedia of African Politics. – 2019. – 25 p. – DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.703

251. Trubek, D. M., Santos A. The Third Moment in Law and Development Theory and the Emergence of a New Critical Practice (Introduction) / D. M. Trubek, A. Santos // The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal // A. Santos, D. M. Trubek (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 19 p. – DOI: 10.2139/ssrn.3288136

252. Uche, L. U. Some Reflections on the Dependency Theory / L. U. Uche // Africa. – 1994. – Vol. 8. – P. 1–18.

253. Udombana, N. A Step Closer: Economic Integration and the African Continental Free Trade Area / N. Udombana // SSRN Electronic Journal. – 2020. – P. 1–89. – DOI :10.2139/ssrn.3797090

254. Udombana, N. S. AU Institutional Capacity to Implement Integration and the Human Security Agenda / N. S. Udombana // The African Union at 20: African Perspectives on Progress, Challenges and Prospects / W. Okumu, A. Atta-Asamoah (eds.). – Pretoria ; Addis Ababa : Institute for Security Studies, 2023. – P. 75–97.

255. Warioba, J. S. Monitoring Compliance with and Enforcement of Binding Decisions of International Courts / J. S. Warioba // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 2001. – Vol. 5. – P. 41–52.

256. Woldegiorgis M. M. Chapter 4: Theoretical Arguments for Regional Integration: A Perspective on African / M. M. Woldegiorgis // ResearchGate. – 2021. – 21 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/383604255_Chapter_4_Theoretical_Arguments_for_Regional_Integration_A_Perspective_on_African (дата обращения: 18.11.2025).

VIII. Диссертации и авторефераты диссертаций

На русском языке:

257. Аддису, Г. А. Соотношение международного и внутригосударственного права (на примере Эфиопии) : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Аддису Гебреигзабхиер Абера ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2002. – 198 с.

258. Менса, К. М. Международно-правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в субрегионе ЭКОВАС в условиях глобального изменения климата : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Менса Коку Мариус ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2015. – 217 с.

259. Войников, В. В. Правовые основы пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Вадим Валентинович Войников; Московский государственный институт международных отношений (ун-т). – Москва, 2019. – 400 с.

260. Галушко, Д. В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.5 / Дмитрий Вячеславович Галушко ; ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2023. – 544 с.

261. Диалло, С. Африканская система защиты прав человека и народов : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Диалло Сираба ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2013. – 199 с.

262. Диоманде, Д. Х. Региональные и субрегиональные правовые механизмы защиты окружающей среды в Африке : дис. ... канд. юрид. наук : 120010 / Диоманде Дро Хиасинте ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2014. – 190 с.

263. Капустин, А. Я. Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Анатолий Яковлевич Капустин; Московская государственная юридическая академия. – Москва : Московская государственная юридическая академия, 2001. – 46 с.

264. Касьянов, Р. А. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Рустам Альбертович Касьянов; Московский государственный институт международных отношений (ун-т). – Москва, 2019 – 749 с.

265. Потапенко, Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Евгений Георгиевич Потапенко; Саратовская государственная академия права. – Саратов : [б. и.], 2010. – 26 с.

266. Энтин, Л. М. Крушение французского колониализма и становление национальной государственности народов тропической Африки : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Лев Матвеевич Энтин ; Московский государственный институт международных отношений. – Москва : [б. и.], 1965. – 35 с.

На английском языке:

267. Fagbayibo, B. O. A Politico-Legal Framework for Integration in Africa: Exploring the Attainability of a Supranational African Union : PhD thesis / Babatunde Olaitan Fagbayibo ; University of Pretoria. – Pretoria, 2010. – 272 p.

268. Fon, N. N. State of the Union: Innovations and Illusions in the March towards African Integration : Master's thesis / Nnamdi N. Fon ; Eastern Mediterranean University. – Famagusta, 2018. – 106 p.

269. Locke, J. B. Death at Birth: The Political, Economic and Social Impact of the Decolonization and Perpetual Neocolonial Control of Congo : Master's thesis / Jason B. Locke ; DePaul University. – Chicago, 2010. – 202 p. – URL: https://via.library.depaul.edu/etd/21/ (дата обращения: 10.10.2025).

270. Majinge, C. R. The United Nations, the African Union and the Rule of Law in Southern Sudan : PhD thesis / Charles Riziki Majinge ; London School of Economics and Political Science. – London, 2013. – 342 p.

271. Michel, S. European Integration Theories and African Integration Realities : MSc thesis / S. Michel ; Leiden University. – Leiden, 2012. – 56 p.

272. Nagu, Y. Implementing the African Continental Free Trade Agreement (AfCFTA): Policies, Regulations, Laws and Institutions Required for Development : PhD thesis / Nagu Yakubu ; University of Cape Town. – Cape Town, 2023. – 274 p.

273. Olympio F. K. N. Transformation of the Organisation of African Unity (OAU): A new vision forthe 21st century, or political phetoric? : PhD thesis / Francisco Kofi Nyaxo Olympio ; Universität Trier. – Trier, 2004.

IX. Электронные ресурсы

На русском языке:

274. Африка и ЕАЭС – перспективы сотрудничества огромны // Евразийская ассоциация бизнеса. – 23.05.2025. – URL: https://www.eaab.ru/tpost/kxrzbcxnv1-afrika-i-eaes-perspektivi-sotrudnichestv (дата обращения: 29.08.2025).

275. ЕАЭС видит перспективы в активизации сотрудничества со странами Африки // Евразийская экономическая комиссия. – 17.05.2019. – URL:

https://eec.eaeunion.org/news/17-05-2019-5/?ysclid=miue4unq8t316885553 (дата обращения: 06.12.2025).

276. ЕАЭС и Африка намерены развивать сотрудничество в вопросах продовольственной безопасности // Евразийская экономическая комиссия. – 28.07.2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-afrika-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-voprosakh-prodovolstvennoy-bezopasnosti-/ (дата обращения: 06.12.2025).

277. ЕЭК и Африканский экспортно-импортный банк активизируют взаимодействие // Евразийская экономическая комиссия. – 12.11.2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-afrikanskiy-eksportno-importnyy-bank-aktiviziruyut-vzaimodeystvie/ (дата обращения: 06.12.2025).

278. Заявления президентов России и Египта для прессы по итогам саммита «Россия – Африка» // Президент России : [офиц. сайт]. – 24 октября 2019 года. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61896 (дата обращения: 07.08.2025).

279. Михневич, С. Африка – перспективное направление евразийского сотрудничества с партнерами из третьих стран / С. Михневич, С. Красильников // Дзен : платформа. – 19.02.2025. – URL: https://dzen.ru/a/Z7ddT4PcBH6h4yxX (дата обращения: 28.09.2025).

280. Саммит Россия – Африка // Президент России : [офиц. сайт]. – 28 июля 2023. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71826 (дата обращения: 11.11.2025).

На английском языке:

281. 5th AU Mid-Year Coordination Meeting // African Union. – URL: https://au.int/en/summit/coordination/5 (дата обращения: 30.03.2025).

282. 8th Session of the Specialized Technical Committee (STC) on Finance, Monetary Affairs, Economic Planning and Integration // African Union. – 2025. – URL: https://au.int/en/newsevents/20250929/8th-session-specialized-technical-committee-stc-finance-monetary-affairs (дата обращения: 05.12.2025).

283. Africa Regional Economic Communities (RECs) // Pan African Chamber of Commerce and Industry. – URL: https://www.pacci.org/regional-economic-communities/ (дата обращения: 12.04.2026).

284. Africa's Growth Performance and Outlook Amid the COVID-19 Pandemic // African Development Bank. – 2021. – URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2021/03/09/aeo_2021_-_chap1_-_en.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

285. African Development Bank. African Economic Outlook 2019 // African Development Bank. – 2019. – URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/AEO_2019-EN-CHAP3.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

286. African Union Strengthens Its Sanction Regime for Non-Payment of Dues // African Union. – 2018. – URL: https://au.int/en/pressreleases/20181127/african-union-strengthens-its-sanction-regime-non-payment-dues (дата обращения: 18.11.2025).

287. AUC Calls on the Pan-African Parliament to Spearhead the Adequate Funding of the Union by Member States // Pan-African Parliament. – 2024. – URL: https://pap.au.int/en/news/press-releases/2024-11-06/auc-calls-pan-african-parliament-spearhead-adequate-funding (дата обращения: 18.11.2025).

288. Basic Information // The African Court. – URL: https://www.african-court.org/afchpr/basic-information-2/ (дата обращения: 02.12.2025).

289. China and the African Union Commission Sign Cooperative Framework on Science and Technology // African Union. – 2025. – URL: https://au.int/en/pressreleases/20250926/china-and-auc-sign-cooperative-framework-science-and-technology (дата обращения: 06.12.2025).

290. Committee of Secretariat Officials AU-RECS-ECA-AFDB Eighth Meeting Zanzibar Tanzania // African Union. – 2010. – URL: https://au.int/sw/node/12546 (дата обращения: 03.11.2025)

291. Defining AU–REC Relations Is Still a Work in Progress // ISS Africa, PSC Report. – 2019. – URL: https://issafrica.org/pscreport/psc-insights/defining-aurec-relations-is-still-a-work-in-progress (дата обращения: 30.03.2025).

292. Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. – 2010. – URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

293. Economic Commission for Africa (ECA). Assessing Regional Integration in Africa IV // ECA. – 2010. – URL: https://openlibrary.org/books/OL25169510M/Assessing_regional_integration_in_Africa_IV (дата обращения: 20.07.2025).

294. Economic Report on Africa 2017: The Role of Governance in Africa's Economic Transformation // United Nations Economic Commission for Africa (UNECA). – 2017. – URL: https://www.uneca.org/economic-report-africa-2017 (дата обращения: 06.12.2025).

295. Financing the EU Budget // European Council of the European Union. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/financing-the-eu-budget/ (дата обращения: 18.11.2025).

296. Groups in the Negotiations // WTO : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/negotiating_groups_e.htm (дата обращения: 06.03.2026).

297. How the EU Budget Is Financed // European Union. – URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/budget/how-eu-budget-financed_en (дата обращения: 18.11.2025).

298. Joint Statement of the African Union Commission and the United States on the Launch of a Strategic Investment Working Group // African Union. – 2026. – URL: https://au.int/en/pressreleases/20260129/joint-statement-auc-and-us-launch-strategic-investment-working-group (дата обращения: 06.03.2026).

299. Ethiopia Implements AfCFTA Tariff Concessions Council of Ministers Regulation № 5742025 // LexAfrica. – 2025. – URL: https://lexafrica.com/2025/11/ethiopia-implements-afcfta-tariff-concessions/ (дата обращения: 20.11.2025).

300. List of Countries Which Have Signed, Ratified/Acceded to the Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area // African Union. – 2023. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-sl-AGREEMENT_ESTABLISHING_THE_AFRICAN_CONTINENTAL_FREE_TRADE_AREA_0.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

301. List of Countries Which Have Signed, Ratified/Acceded to the Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment // African Union. – 2018. – URL: https://au.int/en/treaties/protocol-treaty-establishing-african-economic-community-relating-free-movement-persons (дата обращения: 05.12.2025).

302. List of Countries which Have Signed, Ratified/Acceded to the Protocol to the Statute of the African Court of Justice and Human Rights // African Union. – 2020. – URL: https://au.int/en/treaties/protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights (дата обращения: 02.12.2025).

303. Maximizing the Potentials of the Guided Trade Initiative: A Strategic Roadmap for East Africa // ICOYACA : [офиц. сайт]. – 2026. – URL: https://www.icoyacaafrica.org/news/view/34 (дата обращения: 17.04.2026).

304. Medium Term Strategic Plan 2021–2025 // COMESA. – URL: https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2022/03/4Final-MTSP-2021-2025-English-Reviewed-2_feb.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

305. Members and Observers // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата обращения: 01.11.2025).

306. Namibia and The African Continental Free Trade Area // UNDP : [офиц. сайт]. – 2022. – URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-

01/Final%20AfCFTA%20Guide%20for%20Namibia%20December%202022.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

307. Nigeria emerges pilot country for AfCFTA STR // The Guardian. – 2026. – URL: https://guardian.ng/news/nigeria-emerges-pilot-country-for-afcfta-str/ (дата обращения: 17.04.2026).

308. Notification of Trade Agreement, Republic of Tunisia, 21.11.2025 // WTO : [офиц. сайт]. – URL: https://docsonline.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/COMTD/RTA27N1R1.pdf&Open=True (дата обращения: 17.04.2026).

309. OAU/AU Treaties, Conventions, Protocols & Charters // African Union. – URL: https://au.int/treaties (дата обращения: 06.12.2025).

310. Pan-African Parliament seeks to Strengthen Linkages with National Parliaments in Africa // Modern Ghana. – 2012. – URL: https://www.modernghana.com/news/414541/pan-african-parliament-seeks-to-strengthen-linkages-with-nat.html (дата обращения: 04.04.2026).

311. Policy Brief on the African Continental Free Trade Area (AfCFTA) [Africa is delivering the AfCFTA: whoever thinks otherwise is wrong] // United Nations. – 21 January 2022. – URL: https://www.un.org/osaa/en/reports-and-publications/policy-brief-african-continental-free-trade-area-afcfta (дата обращения: 19.07.2025).

312. Presidency Conclusions. Copenhagen European Council, 21–22 June 1993 // European Council. – URL: https://www.europarl.europa.eu/enlargement/ec/pdf/cop_en.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

313. Regional Economic Communities // African Union. – URL: https://au.int/en/recs (дата обращения: 22.10.2025).

314. Specialized Agencies and Institutions // African Union. – URL: https://au.int/en/specialised-agencies-institutions (дата обращения: 02.12.2025).

315. Sustainable Financing // African Union. – URL: https://au.int/en/aureforms/financing (дата обращения: 18.11.2025).

316. The Guided Trade Initiative: What is it, how does it work and what are we learning about the AfCFTA? // Tralac. – 2024. – URL: https://www.tralac.org/documents/newsletters/5384-tralac-newsletter-march-2024/file.html (дата обращения: 17.04.2026).

317. United Nations Conference on Trade and Development / UNCTAD. – 2009. – URL: unctad.org/system/files/official-document/rmt2009_en.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

318. United Nations Economic Commission for Africa. Economic Report on Africa 2006 // UNECA. – 2006. – URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/era2006full.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

319. World Bank. GDP (Current US$) // World Bank Data. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD (дата обращения: 27.07.2025).

320. World Bank. Governance and the Digital Economy in Africa // World Bank. – 2020. – URL: https://www.worldbank.org/en/topic/digital/brief/digital-for-governance-in-africa (дата обращения: 10.11.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Членство африканских государств в РЭС

Страна	ЭКОВАС	КОМЕСА	ЭСГЦА	САДК	ИГАД	ВАС	САМ	СЕНСАД
Алжир							+	
Ангола			+	+				
Бенин	+							+
Ботсвана				+				
Буркина-Фасо	+							+
Бурунди		+	+			+		
Габон			+					
Гамбия	+							+
Гана	+							+
Гвинея	+							+
Гвинея-Бисау	+							+
Демократическая Республика Конго			+	+				
Джибути		+			+			+
Египет		+						+
Замбия		+		+				
Сахарская Арабская Демократическая Республика								
Зимбабве		+		+				
Кабо-Верде	+							+
Камерун			+					
Кения		+			+	+		+
Коморы		+						+
Республика Конго			+					
Кот-д’Ивуар	+							+
Лесото				+				
Либерия	+							+
Ливия		+					+	+
Маврикий		+		+				
Мавритания							+	+
Мадагаскар		+		+				
Малави		+		+				
Мали	+							+
Марокко							+	+
Мозамбик				+				
Намибия				+				
Нигер	+							+

Страна	ЭКОВАС	КОМЕСА	ЭСГЦА	САДК	ИГАД	ВАС	САМ	СЕНСАД
Нигерия	+							+
Руанда		+	+			+		
Сан-Томе и Принсипи			+					+
Сейшелы		+		+				
Сенегал	+							+
Сомали		+			+			+
Судан		+						+
Сьерра-Леоне	+							+
Танзания				+		+		
Того	+							+
Тунис		+					+	+
Уганда		+			+	+		
Центральноафриканская Республика			+					+
Чад			+					+
Экваториальная Гвинея			+					
Эритрея		+			+			+
Эсватини		+		+				
Эфиопия		+			+			
Южно-Африканская Республика				+		+		
Южный Судан					+	+		

Источник: Africa Regional Economic Communities (RECs) // Pan African Chamber of Commerce and Industry. – URL: https://www.pacci.org/regional-economic-communities/ (дата обращения: 12.04.2026).